

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стрекалова З. Н.</i> Научные контакты между советскими и польскими лингвистами в послевоенный период	3
<i>Кадацкий В. Ф.</i> Антифашистская борьба демократических сил Болгарии (май 1934 — май 1936 гг.)	12
<i>Манолова Мария</i> (НРБ). Реакционные законодательные акты болгарского парламента (1924—1943 гг.)	27
<i>Шептунов И. М.</i> Освобождение Болгарии от османского ига и устное народное творчество	35
<i>Карасев А. В.</i> Из истории русско-сербских отношений в 60-х годах XIX в.	44
<i>Матула Владимир</i> (ЧССР). Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура	58
<i>Софронова Л.</i> Театр и театральность в польской и русской культуре XVII — первой половины XVIII века	72
<i>Пенкова Пиринка</i> (Дания). Лексикографическая характеристика Синайского евхология	83

СООБЩЕНИЯ

<i>Пиримкулов Ш. Д.</i> Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943—1946 гг.	88
<i>Усенко П. Г.</i> Новые материалы о деятельности З. Сераковского в 60-х годах XIX века	98

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Мигев Владимир</i> (НРБ), В. Д. Мозеров. Совершенствование управления промышленностью в Болгарии, 1944—1968	109
<i>Мавродии В. В.</i> И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.)	111

2

1978

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Перхако В. Б.</i> Новое о великоморавском государстве	112
<i>Балза Игорь.</i> Труды польских историков культуры	114
<i>Кишкин Л. С.</i> 50 лет Славянской библиотеке	117
<i>Дьяков В. А.</i> Новые архивно-библиотечные справочники	119

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1977 г. (продолжение)	121
Содержание иностранных журналов	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Клепикова Г. П.</i> X Семинар македонского языка, литературы и культуры	127
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

З. Н. СТРЕКАЛОВА

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ СОВЕТСКИМИ И ПОЛЬСКИМИ ЛИНГВИСТАМИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Между языковедами Академии наук СССР и Польской академии наук на протяжении послевоенного периода существовали и развивались плодотворные контакты, разнообразные по форме и по научному содержанию. Связи, установившиеся между Советским Союзом и славянскими странами, особенно тесные ввиду того, что эти страны вступили на путь строительства социализма, способствовали значительному подъему славяноведения в СССР, в частности — развитию славянского языкознания.

Славянское языкознание как научная дисциплина в силу своей специфики основано на использовании материала всех славянских языков, в том числе фактов польского языка. Исследования в области сравнительной грамматики славянских языков, славянской этимологии, лингвогеографии были бы значительно беднее без того польского материала, который вводится в научный оборот польскими языковедами.

Важное значение для развития научных контактов имело также то обстоятельство, что Польша — родина целого ряда современных научных концепций и идей в области славянского языкознания. Работы польских лингвистов неоднократно были предметом научного критического анализа и послужили стимулом для многих исследовательских работ советских лингвистов. Польским специалистам по славянскому языкознанию, в свою очередь, известны работы советских коллег, результаты их исследований, например, успехи в области диалектологии и истории русского языка, этимологии, сравнительной грамматики славянских языков, славянской лингвогеографии, достижения русской грамматической школы. Польские лингвисты проявляли постоянный интерес к методологическим принципам советского языкознания.

Научное сотрудничество советских и польских лингвистов было связано с разработкой ряда важных теоретических проблем общелингвистического характера. Однако наиболее интенсивно оно развивалось в области славянского языкознания, а также в сфере русистики и полонистики — дисциплин, интенсивно изучаемых в обеих странах.

Организационной базой научного сотрудничества с советской стороны являются Институт русского языка АН СССР и Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Оба института часто принимают в своих стенах польских коллег, специалистов по соответствующим дисциплинам, установили постоянный контакт с ПАН: Институтом литературных исследований, Институтом славяноведения, Институтом польского языка

в Кракове и другими научными центрами Польши. Сотрудники АН СССР выступают с лингвистическими докладами и сообщениями перед польскими учеными, принимают участие в различных конференциях и симпозиумах, публикуют свои работы в польских лингвистических журналах. Сотрудники ПАН, со своей стороны, часто приезжают к нам в длительные рабочие командировки, в частности, для использования библиотек, а также словарных картотек, которые являются важным источником материала для исследовательской работы в разных областях языкознания. Гостями Института русского языка и Института славяноведения и балканистики были многие видные польские лингвисты, и в том числе ученые, занимающие руководящие посты; для них представляла большой интерес организация научной работы в наших институтах. Так, проф. С. Урбаньчик в 1970 г. имел возможность ознакомиться с новым пятилетним планом Института славяноведения и балканистики АН СССР. Во время пребывания в Москве проф. С. Урбаньчик ознакомился с ходом работы над академической «Грамматикой русского языка», придавая большое значение ознакомлению с принципами ее создания. Интерес этот объяснялся тем, что в ПАН велась подготовительная работа по созданию новой грамматики современного польского языка. Другим примером сотрудничества советских и польских лингвистов была поездка в Польшу в 1971 г. чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина. Его интересовала организация научной работы филологических учреждений в области современной лексикографии, славянской диалектологии, составления исторических словарей. В Институте литературных исследований им был прочитан доклад «Нация и язык», опубликованный впоследствии в польском переводе. Результатом поездки Ф. П. Филина в ПНР был ряд предложений по вопросам издания исторических словарей в СССР и по вопросам механизации и автоматизации лексикографических работ.

Укреплению польско-советских контактов в области славянского языкознания способствовала подготовка и проведение международных съездов славистов, а также работа различных комиссий при Международном комитете славистов. Институт русского языка был организатором первой международной конференции по этимологии, участниками которой были и польские ученые. Институт славяноведения и балканистики под эгидой ЮНЕСКО была организована международная конференция по проблемам становления славянских культур в эпоху формирования наций. В этой конференции приняли участие польские лингвисты.

В последние годы число международных конференций с участием польских и советских лингвистов возросло, а их научные контакты стали более тесными, дискуссии проходят в обстановке взаимной заинтересованности и понимания. Именно такой характер носили дискуссии на VII Международном съезде славистов в Варшаве, в работе которого советские слависты принимали активное участие. Во время съезда состоялось торжественное заседание, посвященное присвоению почетной степени доктора наук Варшавского университета чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесову.

Организационным звеном, осуществляющим научные связи между советскими и польскими языковедами, являются лингвистические и славистические журналы в СССР («Вопросы языкознания», «Советское славяноведение», «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», «Русская речь» и др.) и в ПНР («Rocznik Slawistyczny», «Slavia Orientalis», «Język Polski», «Poradnik Językowy» и др.). Перечисленные журналы помимо работ исследовательского плана помещают научно-критические обзоры по отдельным проблемам славянского языкознания, хроники научных событий, конференций и съездов, а также другие публикации, содер-

жащие сведения о современном состоянии славянского языкознания в наших странах. На страницах этих журналов осуществляется научное рецензирование лингвистических работ, вышедших из печати в СССР и ПНР. Взаимное рецензирование приобрело большое значение и стало важной формой «глубинных» рабочих контактов, которые существуют между польскими и советскими лингвистами, работающими в одной области знаний.

Польско-советские научные контакты в области диалектологии и лингвистической географии осуществлялись прежде всего в рамках многостороннего сотрудничества по теме «Общеславянский лингвистический атлас». Практическая работа над ОЛА началась в 1958 г. по решению IV Международного съезда славистов. На съезде были прочитаны: доклад Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна «Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа» и доклад З. Штибера «О проекте Общеславянского лингвистического атласа». Эти доклады подвели итог теоретической разработке вопроса и заложили научные основы создания ОЛА. В их обсуждении приняли участие лингвисты из многих стран; у польских и советских участников съезда планы создания Общеславянского атласа вызвали большой интерес. Среди выступавших по проблематике ОЛА были польские лингвисты: В. Дорошевский, В. Помяновская, П. Зволинский, К. Дейна, З. Стамировская; советские ученые: Ф. П. Филин, В. Г. Орлова, Е. В. Чешко, Л. П. Жуковская. Польские участники съезда внесли свой вклад в разработку проблематики Общеславянского атласа благодаря тому, что лингвогеографические исследования имеют в Польше давнюю традицию. Под руководством известных лингвистов К. Нича, З. Штибера, К. Дейны, А. Зарембы уже был создан ряд региональных лингвистических атласов и накоплен большой опыт диалектологической работы. Советские лингвисты к началу работы над ОЛА также уже имели немалый опыт создания русских региональных атласов (под руководством Р. И. Аванесова) и болгарских региональных атласов (под руководством С. Б. Бернштейна). Необходимым условием успешной работы над ОЛА являются отношения дружбы и сотрудничества между славянскими странами во всех сферах общественной, культурной и хозяйственной жизни; в довоенный период эта работа планировалась, но не могла быть осуществлена из-за неблагоприятной политической обстановки.

В настоящее время продолжает работу созданная на IV Международном съезде славистов Комиссия Общеславянского лингвистического атласа во главе с Р. И. Аванесовым. В работе над ОЛА принимают участие сотрудники Института русского языка АН СССР и Института славяноведения и балканистики АН СССР. В ПНР эту работу ведет группа диалектологов, которой до последнего времени руководил недавно скончавшийся акад. В. Дорошевский.

Регулярные встречи на заседаниях Комиссии ОЛА и на рабочих совещаниях позволяют совершенствовать научно-организационную работу, достичь необходимой четкости в координировании исследований. Проблематика ОЛА продолжает разрабатываться — это находит отражение в статьях, публикуемых в журналах «Вопросы языкознания», «Советское славяноведение», а также в журнале «Poradnik Językowy». В Москве с 1965 г. выходит сборник «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования», который с 1970 г. стал ежегодником. Благодаря этому результаты работы над атласом оглашаются по мере ее развертывания. В опубликованных выпусках содержатся статьи не только советских, но и польских лингвистов, например: статья С. Урбаньчика «Замечания по семантике в ОЛА», З. Штибера «Актуальные вопросы

теории лингвистической географии и принципы ОЛА», З. Тополинской «Диалектологические исследования для атласа в многоязычной среде» и др. Осуществление первоначальных замыслов ОЛА и его публикация будет значительным вкладом в славяноведение; атлас даст новые научные сведения о прошлом и настоящем славянства, позволит сделать наблюдения и выводы этногенетического и исторического характера.

Метод лингвистического картографирования применяется польскими и советскими исследователями не только для изучения славянских языков. В последние годы в Институте славяноведения и балканистики АН СССР разрабатывается проблема интерференции языков и диалектов карпатского ареала; ведется работа по созданию Общекарпатского диалектологического атласа. Большое значение для установления карпатских изоглосс имеет польский диалектный материал, в частности данные южно-малопольских говоров. В 1973 г. Институтом был организован симпозиум по проблемам карпатского языкознания, в котором наряду с советскими учеными приняли участие их зарубежные коллеги, в том числе профессор Ягеллонского университета А. Заремба. Сотрудница Института славяноведения и балканистики АН СССР В. В. Усачева в течение года работала в ПНР, в результате полевой диалектологической работы установила наличие карпатизмов в южно-малопольских говорах, на территории польских Карпат. Она также ознакомилась с картотекой словаря польских говоров в Кракове и с картотекой «Словаря Вармии и Мазур» в Варшаве; таким образом, для карпатского атласа были использованы ценные неопубликованные данные польских диалектов. Общекарпатский диалектологический атлас будет иметь большое значение для изучения истории славянских языков, в частности для истории польского языка. Проблематика этого атласа находится в тесной связи с теми вопросами, которые ставились польскими диалектологами в таких исследованиях, как например, региональный «Лингвистический атлас польского Подкарпатья». Общекарпатский лингвистический атлас ставит своей конечной целью определить характер древних контактов языков и диалектов карпатского ареала, характер связей между южнославянскими и восточнославянскими языками в древности.

На протяжении нескольких лет диалектологи из разных научных учреждений и студенты МГУ под руководством Н. И. Толстого занимались изучением диалектной лексики Полесья, выезжали в диалектологические экспедиции, участвовали в конференциях, посвященных проблемам лингвогеографии в Москве (1964) и Ленинграде (1971).

Интерес Н. И. Толстого к Полесью объясняется тем, что, по его мнению, Полесье имеет большое значение для локализации славянской прародины и тем самым — для изучения славянского этногенеза. Для разработки научной концепции Н. И. Толстого большую роль сыграли методологические предпосылки известного польского этнографа и лингвиста К. Мошиньского. На ленинградской конференции Н. И. Толстой прочитал доклад «О традициях и результатах исследований, связанных с этнолингвистической школой К. Мошиньского». Для языковедов польской школы К. Мошиньского характерен этнолингвистический метод, требующий одновременного описания этнографических и соответствующих им лингвистических единиц. Докладчик подчеркнул, что «школа К. Мошиньского, накопившая и представившая на научный суд значительное число фактов и разысканий, является наиболее приемлемой для советских славистов». Принципиально новым в работах, руководимых Н. И. Толстым, была разработка семантической типологии родственных диалектов (языков) и практическое применение теории семантического поля; постулаты К. Мошиньского находят в трудах Н. И. Толстого под-

тверждение и развитие. Свою книгу «Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды» (М., 1969) Н. И. Толстой считает «продолжением полесских исследований К. Мошиньского, подчиненных более широкой и далекой перспективе: изучению праславянской проблематики». Кроме названной выше книги по полесской проблематике вышел еще один большой труд под редакцией Н. И. Толстого: «Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря» (М., 1968). В том же году издан коллективный труд «Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)» под редакцией В. В. Мартынова и Н. И. Толстого. Известный польский лингвист Л. Оссовский в рецензии «Западное Полесье — прародина славян» («Вопросы языкознания») рассматривает работы Н. И. Толстого как вклад в изучение славянского этногенеза, проводит детальный анализ полесских исследований и дает им высокую оценку. В Польше также были опубликованы рецензии на полесские труды Н. И. Толстого; рецензенты — Я. Ригер, А. Басара, А. Беднарчик, Г. Борек — проявили большой интерес к этим трудам и по достоинству их оценили.

В настоящее время в Институте славяноведения и балканистики АН СССР под руководством Н. И. Толстого создана специальная группа, которая будет изучать этногенетическую проблематику и объединит работы по карпатистике и по исследованию Полесья.

Предметом внимания польских языковедов неоднократно были труды крупнейшего русского диалектолога Р. И. Аванесова. В. Курашкевич обстоятельно проанализировал в своей рецензии его «Очерки русской диалектологии»; с большим интересом был встречен польскими диалектологами «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», составленный коллективом сотрудников Института русского языка АН СССР под руководством Р. И. Аванесова. Рецензенты — Я. Сафаревич и В. Курашкевич — отметили черты сходства и отличия русского и польского диалектных атласов, рассмотрели методическую и техническую стороны этих работ, подчеркнули огромное научное значение «Атласа русских говоров...».

При Институте языкознания им. Я. Коласа АН Белорусской ССР с 1967 г. работает межреспубликанская группа по изучению польских говоров на территории СССР (главным образом в Литве и Белоруссии). Зачинателем и организатором этой работы является В. Л. Веренич; активное участие в изучении польских говоров на территории СССР принимают московские лингвисты, в том числе сотрудницы Института славяноведения и балканистики АН СССР Т. М. Судник и Л. И. Масленникова. Они ведут полевою диалектологическую работу, опубликовали ряд статей, содержащих описания языковых черт отдельных польских говоров. Работы наших диалектологов встречают в Польше с большим интересом, они получили положительную оценку в рецензиях известных польских языковедов М. Карась и Я. Сафаревича.

Проф. М. Карась, возглавлявший работу над «Словарем польских диалектов», неоднократно выступал с обзорами и статьями по проблемам диалектной лексики на страницах журнала «Вопросы языкознания». Теоретическую базу «Словаря польских диалектов» М. Карась разрабатывал с учетом опыта русских диалектологов, с учетом предложенной ими методологии диалектного словаря и практических приемов его подготовки; в первую очередь польские коллеги ориентировались на «Проект словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина.

В последние годы в советской лингвистической печати было опубликовано большое число рецензий на работы польских диалектологов. В частности, рецензенты отметили публикацию «Лингвистического атласа Силе-

зии» А. Зарембы. В этом атласе содержатся результаты сплошного диалектного обследования той диалектной зоны, которая длительное время в период господства Пруссии находилась под воздействием немецкого языка. В атласе отражен итог языкового развития силезских диалектов, устоявшихся, сохранившихся на исконной польской территории, несмотря на ассимиляторские усилия германизаторов. Обстоятельный анализ этой работы сделала сотрудница Института славяноведения и балканистики АН СССР С. М. Толстая в рецензии, опубликованной журналом «Вопросы языкознания».

Сотрудничество польских и советских лингвистов в области праславянской проблематики имеет давнюю традицию. На IV Международном съезде славистов в Москве (1958) был заслушан и обсужден доклад об этногенезе славян, подготовленный польскими учеными — языковедом Т. Лер-Сплавиньским, этнографом Я. Чекановским, археологом Г. Генселем. Доклад ставил цель ответить на вопрос, как надо рассматривать историко-языковые основы, из которых развилась балто-славянская общность: ведет ли она свое начало со времен индо-европейской общности или возникла только после ее распада. Лингвистические данные, полученные посредством относительной хронологии грамматических и фонетических фактов языка, явились большим вкладом в решение этого вопроса. Т. Лер-Сплавиньский в этом докладе использовал, в частности, факты хетского языка, содержащиеся в исследовании В. В. Иванова «Хетский язык». Докладчики сделали вывод о том, что «наречия, на которых говорили предки балтов и славян в эпоху распада балто-славянской общности, не представляли собой тесного единства».

Советские исследователи балто-славянских языковых отношений постоянно обращаются к работам польских ученых Я. Отрембского, Т. Лер-Сплавиньского, Е. Куриловича, Л. Мошиньского, используют их достижения в этой области. Проявлением научного контакта с ними были публикации их статей в советских изданиях, журналах и сборниках. Книга А. Фурдаля «Распад праславянского языка в свете данных развития фонетики» была рассмотрена В. К. Журавлевым на страницах журнала «Вопросы языкознания»; она послужила поводом для рассмотрения различных точек зрения на праславянский язык.

Задаче изучения прародины славян подчинены топонимические исследования В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева. Их книга «Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья» дала картину соотношения славянского и балтийского этносов на рубеже I и II тысячелетий. По поводу этой работы в «Вопросах языкознания» выступил Т. Лер-Сплавиньский, отметивший, что в книге содержится фактический материал, значительно приблизивший решение проблемы локализации и определения территориальных судеб славянской прародины, что авторы сделали интересные наблюдения, касающиеся этно-языковых отношений, господствовавших в древности в бассейне верхнего Днепра. Другой польский рецензент этой работы — Л. Оссовский — подчеркнул, что результаты исследования «по существу кладут конец предположениям о том, что первоначальная прародина славян могла лежать на Днестре или на Волыни». Далее Л. Оссовский отмечает, что выводы В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева полностью соответствуют взглядам Т. Лер-Сплавиньского, который основывался на лингвистических, археологических и антропологических исследованиях, сходных по результатам. Рецензент, однако, не разделяет мнения Т. Лер-Сплавиньского о том, что прародиной славян было Повислье. Выводы советских лингвистов, как считает Л. Оссовский, «вполне отчетливо подтверждают положение, согласно которому западное Полесье

было прародиной славян, а Повислье — районом первой славянской миграции с востока на запад». В подтверждение своих выводов Л. Оссовский ссылается на результаты исследований советских ученых В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, Н. И. Толстого.

Научные контакты в области этимологии связаны главным образом с работой над этимологическими словарями. О. Н. Трубачев руководит подготовкой этимологического словаря славянских языков, задачей которого является реконструкция праславянского лексического фонда. Аналогичную задачу решают составители «Праславянского словаря» в Кракове. Значительно продвинулось составление «Этимологического словаря польского языка» Ф. Славского. О. Н. Трубачев публикует рецензии на отдельные выпуски польского этимологического словаря, и каждая его рецензия представляет собой вклад в теоретическую разработку этимологии как науки и содержит этюды, посвященные изучению словообразовательной структуры и первичного значения отдельных славянских слов, в том числе польской лексики.

В 1967 г. в Институте русского языка АН СССР в Москве проходил первый симпозиум по этимологии, где рассматривались проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. В работе симпозиума приняли участие советские и зарубежные ученые; Ф. Славский выступил с докладом «Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка», который был встречен с большим интересом. В течение ряда лет Институт русского языка АН СССР публикует сборники «Этимология». Основателем и редактором этого издания является О. Н. Трубачев. В сборниках «Этимология» публикуются статьи, содержащие конкретные этимологические исследования, а также работы, в которых освещаются различные аспекты реконструкции праславянского лексического фонда, помещаются рецензии по вопросам этимологии и ономастики. Польские авторы принимают деятельное участие в этом издании.

Исследования в области грамматики призвана возглавить постоянная комиссия по изучению грамматического строя современных славянских языков. В 1973 г. в Москве состоялось заседание этой комиссии, посвященное методам описания структуры славянских языков и изучению порядка слов в славянском предложении. Из ПНР по этим вопросам выступили с докладами С. Кароляк и З. Тополинская. Ранее, в 1971 г., в Институте русского языка АН СССР проходил международный симпозиум, посвященный обсуждению новой академической грамматики современного русского литературного языка. В этом симпозиуме также приняли участие польские лингвисты. Раздел о словообразовании, содержащийся в этой грамматике, анализировала на страницах журнала «Slavia Orientalis» Я. Пузынина. Трактовка проблем словообразования в новой академической грамматике была предметом дискуссий в Польше в 1973 г. во время пребывания там сотрудника Института русского языка АН СССР И. С. Улуханова. В период служебной командировки он ознакомился с разработкой актуальных проблем словообразования в учреждениях ПАН в Варшаве и Кракове, с работой над морфологической частью грамматики современного польского языка. И. С. Улуханов выступил перед польскими коллегами с двумя докладами по словообразовательной проблематике.

Словообразование — отрасль лингвистики, успешно разрабатываемая в Польше прежде всего благодаря идеям и научно-организаторской деятельности профессора В. Дорошевского, создавшего свою школу и новое направление исследований. За успехами полонистов в этой области советским языковедам помогают следить обзоры польских работ по слово-

образованию, публиковавшиеся в нашей печати. Положение о двучленности словообразовательной структуры слова, выдвинутое польскими языковедами, оказало влияние на разработку словообразовательной теории нашими учеными. Эти идеи В. Дорошевского, в частности, лежат в основе словообразовательной концепции З. М. Волоцкой, автора диссертации «Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков)». Журнал «Советское славяноведение» в 1976 г. опубликовал статью З. М. Волоцкой «Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов», которая посвящена разработке словообразовательных проблем; статья написана на материале словарных статей «Словаря польского языка» под редакцией В. Дорошевского.

Советская полонистика — область исследований, где контакты с польскими лингвистами очень важны и всегда были плодотворными для наших языковедов. Направления работы советских полонистов разнообразны, что отчасти нашло отражение в сборнике «Исследования по польскому языку» (ред. З. Н. Стрекалова), подготовленном в Институте славяноведения АН СССР. Сборник содержит статьи полонистов из разных научных центров страны.

Характерной чертой работы наших полонистов является наличие сопоставительного плана в их исследованиях: явления польского языка изучаются, как правило, в сопоставлении с русским языком. Другая отличительная черта полонистических исследований в СССР — углубленный интерес к традициям русской лингвистической школы в сочетании с использованием достижений новых лингвистических теорий. Такой подход к полонистике позволяет ставить вопросы, наиболее важные в теоретическом отношении. Польские языковеды с интересом следят за изучением польского языка за пределами их страны, в СССР. Рецензии на указанный сборник, опубликованные в журналах «Język Polski» и «Rocznik Językowy», были обстоятельными и доброжелательными.

Ю. Речек (Краков) писал, что публикация сборника свидетельствует о живом развитии советской полонистики. В своей рецензии он подробно остановился на нескольких статьях, содержащихся в сборнике, отметил их высокий научный уровень, а также то, что они «документированы богатым материалом и содержат, как правило, исчерпывающую научную библиографию». Ю. Речек особенно внимательно отнесся к статье О. Н. Трубочева «Заметки по лехитской этимологии», разобрал предложенные им этимологии, сделал существенные дополнения и, опираясь на факты польского языка, предложил собственную трактовку истории отдельных слов. Варшавские рецензенты полонистического сборника — А. Басара и А. Зданюкевич — дали отзвыы о статьях С. М. Толстой, О. Б. Ткаченко, М. О. Онышкевича, В. Л. Веренича, Л. И. Масленниковой, Л. Л. Гумецкой и других участников сборника; они отметили тщательность проведенных исследований.

Польский лингвист Моника Дидиакин в соавторстве с сотрудницей Института славяноведения и балканистики АН СССР З. Н. Стрекаловой написала статью «Из истории русской лексикографии», которая содержит сведения о «Лексиконе полонославянском» (1670) — первом словаре, предназначенном для перевода с польского на русский язык; статья написана на основе архивных материалов, хранящихся в Архиве древних актов в Москве.

Монографию З. Н. Стрекаловой «Из истории польского глагольного вида» (М., 1968) рецензировали польские языковеды М. Куцала (Краков) и Ц. Перникарский (Варшава). Автор обязана им подробным разбором работы и некоторыми ценными критическими замечаниями.

Г. Сафаревич в обзоре работ советских полонистов (журнал «*Slavia Orientalis*») отмечала, что «советские ученые разрабатывают важные проблемы из области грамматики и истории польского языка и нередко получают результаты, которые имеют непреходящее значение и продвигают вперед науку о нашем языке».

Польские лингвистические журналы неоднократно публиковали различные обзоры работ советских языковедов, которые, как правило, носят научно-критический характер.

В последнее время появилась серия обзоров работ советских языковедов, посвященная 250-летию Академии наук СССР: обзоры Г. Поповской-Таборской «Работа советских языковедов над этногенезом славян» и Г. Сафаревич «В СССР о польском языке», помещенные в журнале «*Slavia Orientalis*». Об основных направлениях лингвистических исследований в ПНР и о польских лингвистических журналах писал в своем обзоре «Польское языкознание в 1945—1955 гг.» З. Штибер.

В переводе на русский язык были опубликованы труды известных польских лингвистов Т. Лер-Сплавиньского «Польский язык» и В. Дорошевского «Элементы лексикологии и семиотики», которые пользуются признанием в наших лингвистических кругах.

В публикуемом обзоре приведен всего лишь ряд примеров научного сотрудничества польских и советских лингвистов, имеющего большое значение для развития славяноведческой науки. Приведенные примеры сотрудничества показывают, что языковедческие работы ученых Польши и СССР часто взаимно дополняют друг друга и служат стимулом для дальнейшей работы.

В. Ф. КАДАЦКИЙ

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ БОЛГАРИИ (МАЙ 1934 — МАЙ 1936 гг.)

Очередное обострение кризиса буржуазной государственной системы в Болгарии на рубеже 20—30-х годов было вызвано экономическим кризисом, охватившим в конце 20-х годов весь капиталистический мир, в том числе и Болгарию.

Экономический кризис явился не только отправной точкой политического кризиса, но и стал постоянным его спутником на многие годы. Зигзаги экономических неурядиц немедленно отражались на ходе политического развития страны. Так, первый чувствительный удар кризиса болгарская экономика испытала в 1930 г. А в следующем году в результате парламентских выборов от власти был отстранен реакционный Демократический сговор, объединявший фашистские и консервативные буржуазные политические организации. К власти пришло коалиционное правительство так называемого Народного блока, состоявшего из четырех партий — Демократической, БЗНС «Врабча I», Национал-либеральной и Радикальной, заявившее о своем намерении придерживаться буржуазно-демократических норм в управлении страной. Экономический кризис, достигший кульминационной точки в 1933 г.¹, повлек за собой острый правительственный кризис, поставивший на грань краха Народный блок. Бездеятельность правительства в совокупности с беспомощностью парламента, погрязшего в межпартийных распрях, открыли путь к совершению государственного переворота в мае 1934 г.

В Болгарии в этот период действовало несколько десятков партий и политических организаций, что объяснялось сложной структурой болгарского общества, наиболее многочисленным классом которого являлась мелкая буржуазия деревни и города, метавшаяся от одной партии к другой в поисках силы, способной уберечь ее от неумолимо надвигавшегося — особенно в годы экономического кризиса — разорения. В результате этого в стране действовало много мелкобуржуазных партий: БЗНС, Радикальная, Ремесленная и др. Мелкобуржуазная стихия захватила и БРСДП. Вместе с тем, имущественная неоднородность мелкой буржуазии, дифференциация ее рядов привели к расколу этих партий на ряд фракций, которые по сути дела превратились в самостоятельные политические организации. Так появились БЗНС «Врабча I» и БЗНС «Пладне», Радикальная партия во главе с Г. П. Геновым и Радикальная партия во главе с Ст. Костурковым и др.

¹ В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 335.

Центробежным тенденциям оказались подвержены и буржуазные партии. Произошел раскол в лишившемся власти Демократическом сговоре. Из него ушел известный своими фашистскими воззрениями Ал. Цанков, основавший Национально-социальное движение (НСД). Туда из всех буржуазных партий, и прежде всего из самого Демократического сговора, потянулись поклонники этого главаря болгарских фашистов. Демократический сговор и после раскола продолжал свое существование, но теперь его лидеры уже отказывались от фашистских методов власти и более или менее решительно высказывались за конституционно-парламентский режим². Партийная верхушка, состоявшая из представителей финансово-монополистических кругов, экономически была тесно связана с западноевропейским капиталом и потому ориентировалась на Англию и Францию.

Демократическому сговору противостояли партии крупной буржуазии, заинтересованные в сближении с Германией. Это прежде всего партия Цанкова, выражавшая в то время интересы крупных торговцев сельскохозяйственной продукцией, основная часть которой шла на немецкий рынок, и крупных промышленников, видевших в фашизме единственное средство упрочения своей власти. Германофильские настроения наблюдались и у лидеров буржуазной Национал-либеральной партии, однако ее руководство, хотя и находилось на правом фланге политических сил, отвергало фашистские методы власти. Ведущей среди буржуазных политических организаций была Демократическая партия, представлявшая интересы значительных слоев средней и крупной буржуазии. Эта партия заявляла о своей приверженности конституционно-парламентскому режиму.

На протяжении первой половины 30-х годов в буржуазных и мелкобуржуазных партиях происходил сложный процесс определения перспектив политического развития страны, в основе которого лежали поиски путей выхода из экономического кризиса и снижения социальной напряженности. В зависимости от того, с каких позиций подходили к решению этих двух важнейших вопросов политические партии и организации, обозначилось несколько течений.

Нефашистское течение включало в себя широкий спектр буржуазных и мелкобуржуазных партий — Демократическую, Национал-либеральную, БЗНС, БРСДП, Радикальную, Демократический сговор, которые надеялись успешно разрешить эти вопросы в рамках традиционной политической структуры, в основе которой лежали парламентаризм, принципы конституционной монархии и буржуазно-демократическая законность. Военный союз, вновь возникший в рядах офицерства в конце 20-х годов, созданный тогда же политический кружок «Звено» и НСД, руководимое Ал. Цанковым, рассчитывали вывести страну из пучины экономического кризиса и устранить социальную напряженность в интересах господствующего класса путем коренной ломки одних частей этой структуры и существенной реорганизации других. Эти три организации составляли фашистское течение в среде буржуазных партий. С момента своего возникновения Военный союз и «Звено», с одной стороны, и НСД — с другой, в стремлении овладеть властью вступили в острое соперничество.

Сложные процессы протекали в рядах БКП. Несмотря на непрекращающийся террор со стороны властей и фашиствующих банд, партия не только сумела оправиться от нанесенных ей реакцией в 1923—1925 гг. тяжелых ударов, но и вновь превратилась в одну из ведущих политических

² И. Димитров. Българската демократична общественост, фашизмът и войната (1934—1939). София, 1976, с. 11.

сил страны. Наиболее наглядно это продемонстрировали муниципальные выборы 1932 г. — компартия, действуя через легальную Рабочую партию (РП), получила большинство мест в муниципалитетах практически всех рабочих центров страны, включая Софию, Пловдив, Сливен, Габрово и др.³

После ареста властями в конце 1929 г. полного состава ЦК БКП к руководству компартией пришли молодые деятели, преданные делу коммунизма, но не имевшие достаточного опыта и должной теоретической подготовки. Нацеливая трудящихся на немедленное совершение социалистической революции и нанесение основного удара по БЗНС и СДП, квалифицировавших их как партии фашистского типа, ЦК БКП не давал четкого определения источника фашистской опасности.

19 мая 1934 г., используя благоприятные обстоятельства: отсутствие единства среди демократических сил и правительственный кризис, — Военный союз, действуя совместно со «Звеном», сверг правительство Народного блока и установил военно-фашистскую диктатуру. В стране был ликвидирован конституционно-парламентский строй, под запретом оказались все политические партии, профсоюзы.

Почти все политические партии страны — одни сразу же после переворота, другие несколько позднее — отнеслись к новому правительству враждебно, порицая как метод его прихода к власти, так и антидемократическую форму правления. Ввиду этого в антифашистском лагере оказались три основные политические силы — революционная партия болгарского пролетариата — БКП, мелкобуржуазные партии, наиболее влиятельными из которых были БРСДП и две крупнейшие фракции БЗНС — «Врабча I» и «Пладне», и, наконец, нефашистские буржуазные партии — Демократическая, Национал-либеральная, а также Демократический сговор, ряды которого продолжали очищаться от фашистских элементов, спешивших присоединиться к Цанкову или же примкнуть к правительственному лагерю.

Однако для этого лагеря, так же как и для составлявших его буржуазных и мелкобуржуазных партий была характерна крайняя разобщенность в организационном отношении, которая уходила своими корнями в период, значительно предшествовавший перевороту. Равную степень заинтересованности проявляли они и в отношении целесообразности сохранения и защиты тех или иных буржуазно-демократических институтов и свобод. Все это помешало организации совместного отпора путчистам в момент совершения переворота.

С установлением в стране военно-фашистской диктатуры, которая постепенно трансформировалась в монархо-фашистскую, все демократические и нефашистские партии встали перед необходимостью определить свое место в антифашистской борьбе, сформулировать свою тактику ведения борьбы за демократию.

Буржуазно-демократические партии, несмотря на запрет, наложенный военно-фашистским правительством на деятельность всех политических организаций, сохранили в целостности высшие и средние звенья своей организационной структуры. Это объяснялось прежде всего тем, что основным удар фашистской диктатуры пришелся по БКП. Лидеры буржуазно-демократических партий, хотя и были стеснены в своих действиях, обладали различными возможностями для установления контактов со своими функционерами и для организации и проведения различных политических акций.

³ «Работническата партия в България (1927—1938). Сборник от документи и материали». София, 1966, с. 469.

В определении своих взглядов на методы и формы ведения борьбы за конституцию буржуазные партии нефашистской оппозиции исходили из того, что «диктаторский режим», ликвидировавший 19 мая 1934 г. конституцию, ущемлял права и прерогативы двух «верховных факторов» государственной жизни — народа и царя⁴.

Однако от привлечения широких народных масс к своей деятельности и организации всенародной борьбы за демократические права и свободы они отказывались по ряду причин, основной из которых была их боязнь упустить эту борьбу из-под своего контроля. А это было чревато для них выдвиганием в ходе борьбы таких лозунгов и требований, на удовлетворение которых они не могли пойти из-за своего социально-экономического положения. Поэтому отказ от опоры на народную борьбу обосновывался ими следующим образом. Лидер Демократического сговора Гр. Василев прямо заявил, что он и его единомышленники были крайне озабочены тем, как бы майский переворот не привел к гражданской войне⁵.

В результате явного нежелания развертывать массовую борьбу с фашизмом лидеры буржуазной нефашистской оппозиции обратились ко второму «конституционному фактору» — царю, твердо надеясь, что получив от них посильную поддержку в конфликте с военными, он отстранит последних от власти и восстановит конституционные гарантии.

Наиболее полно взгляды нефашистских буржуазных партий на формы и методы борьбы за демократию изложил в 1938 г. Гр. Василев: «Наша формула: моральный натиск, но ни в коем случае не кровопролитная акция. Мы всегда в недалеком прошлом говорили: никаких испанских методов!»⁶ Есть болгарский метод — ...моральный напор...»⁷.

В свете выработанных постулатов и протекла деятельность этой части оппозиции. Лидеры ряда партий, ограничившись выражением протеста против действий путчистов и установления военно-фашистского режима, примкнули к царю. Некоторые из них направили руководителям Военного союза и правительству свои соображения по вопросу восстановления демократических свобод⁸.

В отличие от буржуазных нефашистских партий БКП сразу же после переворота приняла решение о свержении фашизма посредством всенародной борьбы. Однако левосектантское руководство компартии, не учитывая настроений и готовности народных масс, призвало их начать всеобщую политическую стачку и вооруженную борьбу за установление Советской власти, диктатуры пролетариата. Подавляющая масса населения не была в тот момент готова ни к таким формам борьбы, ни к реализации конечных целей компартии. В результате этого, несмотря на личный героизм и самопожертвование многих коммунистов, должного отпора БКП организовать не сумела.

Анализируя действия руководства компартии до переворота и в момент переворота, Г. Димитров и В. Коларов квалифицировали их как проявление левоопортунистической пассивности⁹.

В августе 1934 г. Политсекретариат Коминтерна дал БКП ряд рекомендаций. Их реализация позволила бы ей выйти из того тупика, в который ее завел левосектантский курс. В резолюции Политсекретариата,

⁴ «Стенографски дневници на XXIV обикновено Народно събрание, I РС» (далее — ОНС, I РС). София, 1939, с. 308; В. Георгиев. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България (1934—1939). София, 1971, с. 90.

⁵ «Стенографски дневници на XXIV ОНС, I РС», с. 308.

⁶ Имеются в виду народный фронт и гражданская война в Испании.

⁷ «Стенографски дневници на XXIV ОНС, I РС», с. 1273.

⁸ В. Георгиев. Там же, с. 90, 92—93, 146—153.

⁹ «История на Българската комунистическа партия». София, 1964, с. 395.

в частности, указывалось, что задачей первоочередной политической важности для всей БКП является широкое осуществление в городах и селах действительно широкого единого фронта во имя борьбы за демократические права и удовлетворение насущных социально-экономических нужд трудящихся. Компартии предлагалось пересмотреть не отвечающую действительности оценку БЗНС и БРСДП как фашистских партий и привлечь их к созданию такого фронта¹⁰.

Лишь после длительной и упорной борьбы, когда весной 1935 г. от руководства БКП были отстранены проводники левого сектанства, компартия предложила демократическим силам страны создать народный фронт, целью которого было бы восстановление поправных реакцией демократических прав и свобод. Тогда же она установила контакты и начала переговоры с рядом «земледельческих» и социал-демократических деятелей по широкому кругу проблем антифашистской борьбы. Возвращение народу его прав и свобод, а страны к конституционно-парламентскому строю, указывала БКП, возможно лишь при выполнении двух условий: объединения всех заинтересованных в свержении фашизма сил в народный фронт и вовлечения в антифашистскую борьбу самых широких слоев населения.

Плодотворными оказались усилия болгарских комсомольцев, направленные на объединение антифашистской молодежи. Летом 1935 г. центральные руководства молодежных организаций¹¹ компартии, обеих фракций БЗНС и БРСДП приняли решение о единстве действий. Тем самым в стране в основном было закончено создание единого фронта молодежи.

Противоречивым оказался процесс определения форм борьбы за конституцию мелкобуржуазной частью антифашистского лагеря. Многие лидеры мелкобуржуазных партий разделяли взгляды буржуазных нефашистских партий на методы восстановления конституции. Остальные же, наоборот, проявляли заинтересованность в сотрудничестве с коммунистами и были готовы вступить совместно с ними в народный фронт. Некоторые деятели БЗНС ратовали за восстановление былой самостоятельности «земледельческого» движения и отвергали сотрудничество как с БКП, так и с буржуазными партиями нефашистской оппозиции. Наконец, ряд деятелей БЗНС, проявляя типичную для своей среды мелкобуржуазную нетерпимость, был готов принять участие в авантюристических действиях.

Колебания лидеров мелкобуржуазных партий, и в первую очередь, лидеров БЗНС- в выборе тактики борьбы проистекали из характера мелкой буржуазии в связи с двойственностью ее социально-экономического положения: крестьянин-собственник, но он же и труженик¹². Частно-собственническая психология толкала его на сближение с буржуазией, а трудовая деятельность являлась объективной предпосылкой достижения сотрудничества с пролетариатом и его классовой партией.

Из-за этой раздвоенности мелкобуржуазные партии оказались не в состоянии предложить, подобно БКП и буржуазным партиям, свою особую линию борьбы. «...Везде и всегда,— отмечал В. И. Ленин,— результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом»¹³. Об исторической бесперспективности мелкой буржуазии, обреченной как прослойка на исчезновение, и несостоятельности

¹⁰ «БКП в резолюции и решения на конференцие и пленумите на ЦК», т. III. София, 1954, с. 322—324.

¹¹ Т. Ангелова. Борба за младежко антифашистско единство в България. 1934—1939 г. София, 1965, с. 86—98.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 307.

¹³ Там же, т. 43, с. 136—137.

политических концепций ее партий наглядно свидетельствовала, например, деятельность БЗНС в 1920—1923 гг. Находясь у власти, Земледельческий союз проводил политику, направленную и против буржуазии, и против пролетариата. Финалом самостоятельной деятельности земледельцев, как известно, явился фашистский переворот 9 июня 1923 г.

Правые лидеры БЗНС и СДП после установления в стране военно-фашистской диктатуры явно тяготели к формам борьбы, составляющим суть тактики буржуазных нефашистских партий. Так, Д. Гичев признавался в охватившем его в день переворота беспокойстве, как бы народные массы не поднялись на борьбу¹⁴. По той же причине и лидеры мелкобуржуазных партий «молчаливо и спонтанно встали за царем, чтобы помочь ему взять армию в руки»¹⁵. «Мирный ход к торжеству демократии» провозгласили правые социал-демократы, исключавшие из прокламируемого ими шествия народные массы¹⁶. Так, ведущие деятели мелкобуржуазных партий по существу солидаризировались с буржуазными нефашистскими партиями в вопросе о средствах восстановления конституции, отказываясь от активной борьбы с фашизмом.

Некоторые деятели БЗНС и СДП, наоборот, выражали решимость вести активную борьбу за демократию, всемерно вовлекая в нее народные массы, и проявляли заинтересованность в сотрудничестве с коммунистами. Уже в апреле 1935 г. компартия удалось достигнуть антифашистского соглашения с левым БЗНС «Пладне», которое было заключено на общедемократической платформе и предусматривало проведение обеими партиями ряда совместных действий. Однако по вине пладненских лидеров это соглашение вскоре утратило силу¹⁷.

Летом 1935 г. между коммунистами и левыми социал-демократами было достигнуто согласие о необходимости объединения действий обеих партий в рамках единого фронта. Однако с оформлением антифашистского соглашения с БКП лидеры СДП медлили. А пладненские руководители, стремясь определить свои, особые пути восстановления конституции, аннулировали соглашение о едином фронте с БКП и осенью 1935 г. приняли участие в подготовке переворота, задуманного недовольными царем офицерами из Военного союза¹⁸. После того как заговор был раскрыт, пладненцы приступили к реализации своего замысла создать третью силу в антифашистском лагере — «земледельческий фронт», в который стремились объединить все фракции БЗНС — от крайне правых, проявлявших сговорчивость с фашистами, до левых, изъявлявших желание сотрудничать с коммунистами¹⁹. Уже в начале января 1936 г. переговоры о реализации этого замысла начали вести представители «земледельческих» фракций и групп «Пладне», «Победа» и ряда других. В марте 1936 г. руководитель группы «Победа» Ас. Стамболийский за бурную деятельность в этом направлении был задержан полицией. Предлогом послужило выпущенное им открытое письмо своим последователям и всем членам БЗНС с призывом к объединению «земледельческих» сил.

Как и следовало ожидать, эти планы реализовать не удалось, и многие деятели БЗНС «Пладне», вновь поставленные перед выбором, с ого-

¹⁴ «Стенографски дневници на XXIV ОНС, I Извъзредна сесия (И.С.)». София, 1938, с. 172.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 265.

¹⁷ Централен партиен архив при ЦК БКП (далее — ЦПА ЦК БКП), ф. 3, оп. 4, д. 503, л. 6.

¹⁸ Д. Петрова. БЗНС и народният фронт, с. 29—30.

¹⁹ В. Георгиев. Там же, с. 222—223; В. Митев. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България (1934—1936). София, 1977, с. 111—112.

ворками, с отступлениями, но все же одобряли взгляды компартии на характер, формы и методы борьбы против фашизма.

Руководствуясь решениями VII конгресса Коминтерна и исходя из собственного, ранее накопленного опыта создания народного фронта, БКП на VI расширенном пленуме ЦК, который состоялся нелегально в Болгарии в феврале 1936 г., в основном закончила разработку политической и социально-экономической платформы народного фронта и определила пути борьбы за демократию в стране. Рассматривая единство всех демократических сил как неперемнное условие свержения фашизма, ЦК БКП считал важнейшим звеном народного фронта прочный антифашистский союз между БКП и БЗНС, и в первую очередь его крупнейшей фракцией «Врабча I».

VI пленум, учитывая наличие в нефашистском лагере буржуазных партий, выразил свое отношение к их тактике и, вместе с тем, определил свою концепцию борьбы за демократию. Выход из создавшегося положения,— говорилось в резолюции пленума,— нужно искать в могучих силах народа, в его сильно развитом чувстве демократии, в борьбе масс, а не в компромиссах... с двором²⁰. Так, компартия еще раз подчеркнула, что залогом успеха борьбы за демократию она считает самое широкое вовлечение в нее народных масс: совместное участие демократических партий в предвыборной борьбе, проведение общих демонстраций и митингов, совместная работа в массовых организациях и других формах, определяемых «в каждом конкретном случае участниками народного фронта сообразно обстановке и наличным силам»²¹.

В докладе о выполнении решений VII конгресса Коммунистического Интернационала в Болгарии, подготовленном в марте 1936 г., ЦК БКП, анализируя действия нефашистских сил и прежде всего социал-демократии и земледельцев, отмечал, что их лидеры «боятся народного движения» и потому «предпочитают компромисс с царем и дворянскими кругами, «стремятся лишь нажать на царя и вынудить его к уступкам»²².

Ввиду отказа лидеров оппозиции от создания народного фронта, отклонивших, в частности, и предложение, сделанное коммунистами на VI пленуме, компартия активизировала деятельность по созданию народного фронта снизу, на местах. Идея народного фронта и принципы антифашистской борьбы, пропагандируемые коммунистами, находили одобрение и поддержку среди различных слоев трудящихся. Осенью 1935 г. активисты руководимых коммунистами Независимых рабочих профессиональных союзов (НРПС), социал-демократических Свободных профессиональных союзов (СПС) и других профобъединений заключили соглашение о единстве действий в борьбе против казенного Болгарского рабочего союза (БРС) и совместно выступили в кампании по подготовке к созыву Учредительного съезда БРС и на самом съезде. Действуя единым фронтом, коммунисты, социал-демократы, земледельцы добились отмены декрета о взимании с зарплаты рабочих налога на строительные работы²³.

В борьбе за насущные интересы трудящихся низовые организации БЗНС и СДП, пренебрегая запретами своих руководителей, устанавливали сотрудничество с коммунистами. С лета 1935 г. в различных городах страны (в Софии, Пернике, Варне, Сливене и других) создаются комитеты народного фронта, осуществлявшие подготовку антифашистских выступлений и руководство ими²⁴. Важным обстоятельством было то, что комитеты

²⁰ «БКП в резолюции и решения...», с. 331.

²¹ Там же, с. 333.

²² ЦПА ЦК БКП, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 503, л. 6.

²³ Там же, л. 2—3.

²⁴ Г. Радев. Единият пролетарски фронт. 1934—1939 гг. София, 1967, с. 58 и след.

народного фронта возникали не только на профессиональной основе, на предприятиях, но и по территориальному признаку. Так, в ряде крупных городов, таких как Шумен, Русе и др., представителями демократических партий совместно с компартией были созданы общегородские комитеты народного фронта.

Переход осенью 1935 г. всей полноты власти в руки царя вывел лидеров оппозиции из состояния протеста, в которой они пребывали все это время и на которую сами себя обрекли своей тактикой.

В ноябре 1935 г. в Софии состоялись совещания лидеров нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий. На них не были приглашены представители компартии и пладненского БЗНС. Не присутствовали там и члены НСД. Однако, если первые две партии подверглись дискриминации ввиду того, что являлись левыми партиями, и их взгляды на проблемы антифашистской борьбы не устраивали верхушку буржуазно-демократической оппозиции, то данковское НСД отвергло предложение лидера Демократической партии А. Малинова об участии по той причине, что в тот момент, рассчитывая на благосклонность монарха и содействие фашистских государств, придерживалось тактики самостоятельного прихода к власти и отвергало всякие компромиссы с другими политическими партиями²⁵.

На этих совещаниях, по свидетельству А. Малинова, выявилось единодушие представленных на них буржуазных и мелкобуржуазных партий в определении средств и методов восстановления конституционно-парламентской системы²⁶. Это было первым, так сказать, «официальным» подтверждением того, что ведущие мелкобуржуазные партии в решении вопроса о тактике антифашистской борьбы следовали за буржуазными нефашистскими партиями. Однако задуманная участниками переговоров попытка совместного выступления перед царем с целью реализации своих требований потерпела неудачу. Предпринять такой демарш помешала «неговорчивость», по выражению того же А. Малинова, участников совещаний²⁷ при выборе руководителя этой акции, а следовательно, и всей нефашистской оппозиции.

Практика переговоров, проводившихся осенью 1935 г., показала, что одно лишь принятие мелкобуржуазными лидерами тактики нефашистских буржуазных партий было недостаточным для достижения организационного единства между ними. Политические обозреватели в тот момент указывали на столкновение честолюбивых устремлений Д. Гичева (БЗНС «Врабча») и А. Малинова (Демократическая партия), каждый из которых стремился встать во главе проектируемой коалиции партий.

Однако сущность конфликта Гичев—Малинов по вопросу о главенстве в единой группировке нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий была значительно глубже, чем это кажется на первый взгляд. Руководство Демократической партии, ведущей партии нефашистской буржуазной оппозиции, одним из первых осознало необходимость достижения единства демократических сил — естественно, без БКП. Его горячим поборником выступал лидер этой партии А. Малинов, трижды занимавший пост премьера и пользовавшийся широкой известностью среди населения. В 1935 г. инициатива создания такого фронта, исходившая от Малинова, находила понимание и поддержку со стороны ряда фракций Радикальной партии. Совместно с одной из фракций, лидером которой был Г. П. Генов, Демократическая партия даже издавала газету под названием

²⁵ «Зора», 5 XII 1935.

²⁶ Там же, 4 XII 1935.

²⁷ Там же.

«Струя»²⁸. Ими же в марте 1936 г. был направлен царю меморандум с просьбой о помиловании осужденных на смерть за политические преступления²⁹. В связи с официальным объявлением о роспуске властями Военного союза Малинов и Генов заявили царю, что вслед за этим они ожидают восстановления конституционно-парламентской системы³⁰. Заручились демократы и поддержкой национал-либералов Смилова. Из всех оппозиционных партий свою партию и персонально себя А. Малинов считал единственно достойными возглавлять буржуазно-демократическую коалицию, т. е. коалицию нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Стремление Малинова стать руководителем такой группировки встретило сопротивление со стороны Д. Гичева. Позиция руководства БЗНС «Врабча I» определялась мотивами морального, политического и тактического характера. Во-первых, БЗНС «Врабча I» был самой массовой политической партией в стране и потому, по мнению Гичева, должен был быть костяком любой коалиции, в том числе и буржуазно-демократической. Во-вторых, признание Д. Гичевым руководящей роли буржуазной партии, в особенности Демократической, вызвало бы сильное противодействие со стороны рядовых членов его партии и явилось бы поводом для новых нападков со стороны левых фракций БЗНС, давно уже обвинявших Гичева в предательстве интересов земледельческого движения и идеалов Ал. Стамболийского³¹. Эти плоды Д. Гичев пожинал как результат своего участия в Народном блоке 1931—1934 гг. и его правительстве, где доминирующую роль играла именно Демократическая партия, а Малинов был одно время премьер-министром.

Руководители Демократической партии, даже если они и понимали тактические соображения Гичева и его окружения в БЗНС, не могли пойти в этом вопросе навстречу земледельцам. В случае удовлетворения стремлений Д. Гичева демократы Малинова могли оказаться на вторых ролях не только в конъюнктурной группировке нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий, но и в политической жизни в целом. Это означало бы закрепление ведущей роли мелкой буржуазии, в частности крестьянства, в развитии событий. Конечно, у демократов не было сомнений относительно верности Гичева буржуазной демократии. Но за Гичевым стояли крестьянские массы, помнившие Ал. Стамболийского и верившие в его идеалы; при известных условиях они могли заставить руководство БЗНС «Врабча I», да и самого Д. Гичева продолжить политику Ал. Стамболийского. Имея в виду подобную политическую перспективу, Демократическая партия выступила ярким противником руководящей роли Гичева в буржуазно-демократической группировке. Поэтому-то предпринятая осенью 1935 г. попытка консолидировать буржуазные и мелкобуржуазные партии не увенчалась успехом.

Нежелание мелкобуржуазных партий, и в первую очередь БЗНС

²⁸ «Български периодичен печат. 1844—1944», т. II. София, 1966, с. 367—368.

²⁹ «Дневник», 20 III 1936.

³⁰ В. Г е о р г и е в. Там же, с. 178.

³¹ Левая «земледельческая» газета «Победа», издававшаяся сыном Ал. Стамболийского Ас. Стамболийским, 29 декабря 1935 г. писала, что Малинов опять пытается обмануть народ, как это он делал и раньше. Газета, считая Малинова источником горьких разочарований народных масс в период Народного блока, советовала ему сойти с политической сцены. В то же время «Победа» резко нападала на Гичева, не называя его по имени, и выражала желание, чтобы его союз с Малиновым, если таковой состоялся бы, способствовал политической дискредитации и Гичева. Месяц спустя, 26 января 1936 г., в той же газете Ас. Стамболийский объявлял войну «предателям земледельческого движения», под которыми подразумевались в первую очередь Гичев и Димов и угрожал в ближайших номерах своей газеты начать публикацию разоблачающих материалов.

«Врабча I», признать ведущую роль Демократической партии побудило ее лидеров принять меры для усиления буржуазного ядра в оппозиции, как важнейшей предпосылки установления преобладания буржуазной части нефашистской оппозиции над мелкобуржуазной. Вскоре после переговоров Ал. Малинов в прессе обратился с призывом об объединении к близким по духу партиям³², имея в виду партии центра, находящиеся между «цанковским движением» и земледельцами. Была предпринята попытка создать политический гибрид под претенциозным названием «Крестьянско-демократическая партия», в которую входили бы буржуазные партии и ряд мелкобуржуазных фракций, в том числе крайне правые деятели БЗНС³³.

Неудача переговоров Гичева с лидерами нефашистских буржуазных партий, с которыми руководство БЗНС «Врабча I» связывало значительные надежды на восстановление конституции, заставила «земледельческих» лидеров решиться на организацию открытых антиправительственных акций — решительных действий от них требовали рядовые члены БЗНС. В своих новогодних пожеланиях читателям неофициального органа БЗНС «Врабча I» Д. Гичев и В. Димов вынуждены были учесть эти настроения. Так, Д. Гичев заявил, что «от нас самих» зависит то, чтобы наступающий год стал счастливее истекшего. Для этого, продолжал Гичев, необходимы воля и смелость. А В. Димов добавил, что нужны еще твердость и готовность к жертвам. Можно сомневаться в полной искренности этих заявлений. Тем не менее, в середине января 1936 г. Д. Гичев выпустил за своей подписью циркуляр «Времени для промедления нет», в котором выдвигалось требование восстановить конституцию и все институты, предусмотренные ею. Вслед за этим руководство БЗНС «Врабча I» провело ряд партийных конференций, на которых обсуждался вопрос о методах борьбы за конституцию. Участники конференций призвали население отказываться от уплаты налогов, оказывать отпор действиям местных властей, отправлять в высшие государственные инстанции письма с требованием восстановить конституцию и т. п. Местные организации БЗНС «Врабча I» обязывались укреплять свои ряды и готовиться к развертыванию борьбы³⁴. В решениях конференций отразились сильные антифашистские настроения и решимость народных масс бороться за свои насущные права.

Весной 1936 г. активизируется деятельность оппозиционных нефашистских сил. Причин тому было много. Действия властей развеивали появившиеся было у лидеров оппозиции надежды на восстановление конституции сверху³⁵. Так, как раз в апреле 1936 г. правительственная комиссия по ликвидации имущества политических партий объявила об аукционе, на котором распродаже подлежала недвижимая собственность Демократической партии, Земледельческого союза, БРСДП. Ясно, что такая мера не могла не навести лидеров оппозиции на мысль о том, что власти не собираются легализовать политические партии в обозримом будущем.

Не могло не тревожить лидеров оппозиции и проникновение призывов коммунистов о создании народного фронта в среду приверженцев нефашистских буржуазных партий. В газете «София» молодой софийский адвокат, член Демократической партии М. Крычмаров выступил за сотрудничество нефашистской оппозиции с компартией и за создание народного фронта³⁶. А в г. Шумене члены нефашистских буржуазных партий

³² «Зора», 27 XI 1935.

³³ В. Георгиев. Там же, с. 176—178.

³⁴ Д. Петрова. БЗНС и народный фронт (1934—1939). София, 1967, с. 43; В. Георгиев. Там же, с. 179—181.

³⁵ «Искра», 23 IV 1936; «Зора», 22 IV 1936.

³⁶ «София», 20 IV 1936.

(Демократической, Национал-либеральной и Демократического сговора) приняли предложение коммунистов о единстве и вместе с ними основали комитет народного фронта³⁷. Намеревались вступить в городской комитет народного фронта руководители местной организации Демократической партии в г. Фердинанде³⁸.

Из различных районов страны в адрес лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий оппозиции, а особенно на имя лидеров БЗНС «Врача I», поступали многочисленные послания от рядовых членов партий с требованиями перехода к более активным формам борьбы и принятия предложения коммунистов о создании народного фронта. Вместе с тем в рядах этих партий имелись функционеры, которые рассматривали вопрос о необходимости активизации буржуазно-демократической оппозиции совершенно в иной плоскости — антикоммунистической. Они призывали лидеров нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий к усилению деятельности в рамках тактики «морального напора» и в качестве первого шага в этом направлении требовали немедленного оформления единства действий этих партий. В противном случае, как указывалось ими, массы перейдут на сторону народного фронта и в перспективе порвут со своими сегодняшними партиями³⁹.

В апреле 1936 г. лидеры оппозиционных партий воспользовались Пловдивской ярмаркой, на которую съехалось много народа со всей Болгарии, для еще одного выяснения настроений своих сторонников. Некоторые из них, стремясь реабилитировать себя в глазах народных масс за свою бездеятельность, попытались организовать кое-какие политические акции. Например, руководители Демократической партии А. Малинов и Н. Мущанов по прибытии в Пловдив организовали своего рода демонстрацию своих сторонников. На следующий день на банкете А. Малинов намеревался произнести речь политического характера, но по требованию полиции отказался.

Деятельность компартии по созданию народного фронта снизу и практические действия руководителей БЗНС «Врача I», хотя и отвергших идею народного фронта, но обратившихся за содействием к своим сторонникам, встревожили лидеров нефашистской буржуазной оппозиции, понимавших, что общность политических целей и общность тактических установок по их претворению рано или поздно приведет БЗНС к антифашистскому сотрудничеству с БКП.

Весной—летом 1936 г. компартией были организованы крупнейшие за последние годы стачечные выступления рабочих различных отраслей производства: в мае — всеобщая забастовка табачников, в мае — июне бастовали рабочие ведущих текстильных центров страны, а в июне на всеобщую стачку поднялись шоферы. Эти выступления, которые год спустя были оценены ЦК БКП как первый мощный толчок к созданию народного фронта, получили огромный резонанс в стране и существенным образом повлияли на развитие общественно-политической жизни⁴⁰.

В активную борьбу под политическими и экономическими лозунгами коммунисты вовлекали широкие слои крестьянства. Во многих районах страны совместно с местными «земледельческими» деятелями они организовали массовые кампании гражданского неповиновения крестьян представителям местных органов власти. Избрание на крестьянских собраниях делегаций в различные государственные органы с требованиями социаль-

³⁷ В. Георгиев. Там же, с. 186.

³⁸ ЦПА ЦК БКП, ф. 3, оп. 4, д. 546, л. 76.

³⁹ В. Георгиев. Там же, с. 168; И. Димитров. Там же, с. 87—88.

⁴⁰ ЦПА ЦК БКП, ф. 3, оп. 4, д. 508, л. 20.

но-экономического характера было другой формой вовлечения коммунистами крестьян в антифашистскую борьбу⁴¹.

В усилении антифашистского движения большая роль принадлежала выступавшей единым фронтом болгарской молодежи, которая, в частности, в мае 1936 г. приняла активное участие в демонстрациях в связи с национальным праздником болгарского народа под политическими, антифашистскими лозунгами⁴².

Наметившийся ранее процесс консолидации буржуазных и мелкобуржуазных партий нефашистского лагеря страны усилился в связи с давлением их сторонников. Лидеров этих партий не могли не тревожить глубокие процессы полевения их последователей, которые, несмотря на категорические запреты «сверху», сотрудничали на местах с коммунистами и входили в комитеты народного фронта. Однако они продолжали верить в возможность восстановления конституции не через народную борьбу, а путем переговоров с двором. Создание группировки буржуазно-демократических партий, по мнению лидеров оппозиции, должно было повысить их авторитет в глазах царя и весомость их требований в переговорах с ним и, как следствие этого, способствовать реализации их планов восстановления демократии. Оппозиция рассчитывала, что внутривластная обстановка, сложившаяся весной — летом 1936 г. под влиянием антифашистской борьбы, которую организовала и возглавила БКП, будет способствовать успеху их предприятия. Именно поэтому, опасаясь дальнейшего накала классовых битв пролетариата и усиления антифашистской борьбы других слоев населения, лидеры оппозиции не подняли свой голос в поддержку весенних выступлений. Они не сомневались в том, что царь, поставленный перед дилеммой: коммунисты или «благонравные подданные» — выберет второе. Так, весной 1936 г. на повестку дня со всей актуальностью встал вопрос о достижении единства буржуазно-демократических сил.

Ни ранее, в 1935 г., ни теперь проблема создания единого фронта буржуазных нефашистских и мелкобуржуазных партий не упиралась в выбор тактики действий, политической линии борьбы. Этот вопрос отпадал уже потому, что на протяжении двух истекших лет с 19 мая 1934 г. у их лидеров были единые взгляды на формы и методы борьбы за конституцию. Категорический отказ от опоры на народные силы и, как следствие этого, отклонение предложений БКП о создании всеми демократическими партиями народного фронта борьбы с фашизмом предопределяли политику противников народного фронта.

Для того, чтобы перехватить у компартии инициативу и направить ход событий в оппозиционном лагере в желательном для себя направлении, нефашистским буржуазным лидерам необходимо было покончить с дальнейшими проволочками и удовлетворить требования руководства БЗНС «Врабча I» возглавить буржуазно-демократическую коалицию на основах тактики действий, предложенной нефашистскими буржуазными партиями. Они спешили пересмотреть свою позицию в этом вопросе еще и потому, что руководство БЗНС «Врабча I», вынужденное под давлением масс вносить в свою деятельность все новые коррективы, оказалось в этот момент в трудном положении.

Весной 1936 г. как раз в то время, когда реализовывалась программа борьбы, выдвинутая в гичевском циркуляре и конференциями, руководство БЗНС «Врабча I» начало трубить отбой, опасаясь, как бы эта борьба

⁴¹ Д. Петрова. Там же, с. 38—39; Д. Тишев. Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967, с. 274—275, 288—290.

⁴² Тр. Ангелова. Борба за младенко..., с. 114—115.

не зашла слишком далеко и не дала бы властям повода усомниться в лояльности «земледельческих» лидеров к царю. Пока политические деятели решают, как добиться нормализации положения, с явной озабоченностью констатировал неофициальный орган БЗНС «Врабча I» газета «Нива», «в народе формируются взгляды и ориентация, которые не отвечают интересам государства и правящих кругов»⁴³. Чувствуя приближение антифашистского подъема, первым признаком которого была всеобщая стачка табачников, «Нива» еще более сгущала краски. Промедление с решением вопроса о нормализации, писала она, не скрывая тревоги, в редакционной статье, таит в себе смертельную угрозу для государства⁴⁴. Именно поэтому руководству БЗНС «Врабча I» позарез нужны были не связанные с особым риском альтернативные методы борьбы, которые оно могло бы предложить своим последователям взамен тех, на которые оно отважилось и которых теперь испугалось. Так что готовность лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий признать БЗНС «Врабча I» руководящим элементом оппозиции пришлось Гичеву как нельзя кстати.

Некоторые наиболее дальновидные буржуазные лидеры, понимавшие, какую роль играл Земледельческий союз в политической жизни страны, еще в 1935 г. пытались достигнуть взаимопонимания с гичевской фракцией в БЗНС. Так, в середине 1935 г. обозначилось сближение между руководствами Демократического сговора и БЗНС «Врабча I»⁴⁵. 15 декабря 1935 г. Гр. Василев провел в своем доме совещание⁴⁶ прибывших из разных районов страны деятелей Демократического сговора с целью обсуждения политической обстановки в стране. В письме, направленном после этого совещания в редакции газет, Гр. Василев публично осудил лидеров Демократической партии за «полное пренебрежение интересами крестьянства» и заявил об имевшейся уже в тот момент близости между Демократическим сговором и БЗНС «Врабча I». Он выразил уверенность в том, что в недалеком будущем достигнутое сближение сыграет большую роль в политической жизни⁴⁷.

После разрыва между БРСДП и Демократической партией⁴⁸ и социал-демократическое руководство также высказывалось в пользу БЗНС «Врабча I». Б. Смилов (Национал-либеральная партия) и Г. П. Генев (Радикальная партия) ранее было согласились принять предложение Демократической партии о создании с ней коалиции. Однако стремление привлечь к себе Земледельческий союз заставило радикалов и национал-либералов пойти на попятную.

1 июня 1936 г. Кр. Пастухов вручил советнику царского двора для передачи Борису III меморандум за подписью лидеров пяти партий: БЗНС «Врабча I», Демократического сговора, БРСДП, Национал-либеральной и Радикальной партий. На политической сцене страны появилась буржуазно-демократическая коалиция, так называемая «пятерка».

⁴³ «Нива», 27 III 1936.

⁴⁴ «Нива», 10 IV 1936.

⁴⁵ И. Д и м и т р о в. Там же, с. 81.

⁴⁶ О собрании стало известно полиции. Явившись туда, полицейские, однако, ограничились тем, что переписали имена участников, а затем удалились, оставив присутствовавших спокойно продолжать заседание.

⁴⁷ «Утро», 28 XII 1935 г.

⁴⁸ Поводом для разрыва послужила острая полемика между К. Пастуховым и А. Малиновым, касавшаяся процедуры вручения царю общей петиции, которая была бы подписана лидерами буржуазных и мелкобуржуазных партий. Пастухов настаивал на том, чтобы вручение этой петиции было поручено ему как лидеру партии, имевшей «не запятнанную в прошлом репутацию». Малинов ответил отказом, считая это ущемлением авторитета и прерогатив своей партии, обязанной, по его мнению, быть руководителем буржуазно-демократической оппозиции.

В своем первом совместном меморандуме лидеры «пятерки», приведя аргументы внутривластного и международного характера, высказались за скорейшее восстановление Тырновской конституции, проведение парламентских выборов и создание ответственного перед парламентом правительства. «Верховные интересы, спокойствие страны и ее мирное развитие» требуют, говорилось в меморандуме, чтобы осуществление этих мероприятий произошло по инициативе царя. При вручении меморандума Кр. Пастухов сообщил советнику двора о желании авторов меморандума быть принятыми царем. Отказавшись от участия в «пятерке», Демократическая партия направила царю свое послание.

В отличие от лидеров «пятерки», лишь намекавших в своем меморандуме на опасное развитие событий в стране, демократы открыто заявили царю, что «с некоторого времени» вопреки административным мерам народные массы усиливают борьбу за свои права. Выражая опасения в связи с таким развитием событий, демократы настоятельно советовали царю поспешить с восстановлением конституционного порядка.

«Пятерка» преследовала две цели: воспрепятствовать созданию в стране народного фронта, уверить своих сторонников в эффективности пропагандируемой ими тактики действий, с одной стороны, а с другой — воспользоваться подъемом массовых антифашистских выступлений весны 1936 г. в своих переговорах с царем и убедить его в необходимости реставрации конституционно-парламентского строя.

Образование «пятерки» и выработанный ею меморандум свидетельствовали об официальном принятии мелкобуржуазными партиями принципов ведения борьбы за конституцию, выработанных нефашистскими буржуазными партиями. И это несмотря на то, что руководителями «пятерки» были лидеры БЗНС «Врабча I». Не сумев добиться руководящей роли в едином блоке своих партий с партиями мелкобуржуазными, нефашистская буржуазия удовлетворилась тем, что деятельность «пятерки» осуществлялась в определенном ею направлении. А это она рассматривала как одну из гарантий того, что возврат к конституционно-парламентским нормам произойдет без опасных для нее народных выступлений.

Но все же то обстоятельство, что нефашистская буржуазия была вынуждена уступить Д. Гичеву, не позволяла ей полностью связывать себя с партиями мелкой буржуазии. Ей нужен был запасной центр, который бы действовал как своеобразный противовес попыткам мелкобуржуазных партий выдвинуться на передний план в период борьбы за конституцию и после ее восстановления. Кроме того, этот центр должен был служить и запасным вариантом объединения политических сил. Реализация этого варианта началась бы в том случае, если бы по тем или иным причинам мелкобуржуазные партии отошли бы от тактики действий, рекомендованной этим партиями нефашистской буржуазной оппозицией, и поставили бы перед собой цели, неприемлемые для нее. Роль такого центра, такой политической силы должна была играть не присоединившаяся к «пятерке» Демократическая партия. В свете этого становятся ясными истинные причины того, почему Демократическая партия стала особняком в нефашистском лагере страны. Имея в «пятерке» поддержку, в частности, национал-либералов, Демократическая партия рассчитывала присоединиться к акциям этого блока, когда ей это представится необходимым. Однако, организационно не связывая себя с «пятеркой», она в любой ситуации имела свободу действий и могла поступать по собственному усмотрению. Таким образом, основным содержанием первого этапа деятельности нефашистских сил, продолжавшегося с момента прихода фашизма к власти в мае 1934 г. до весны 1936 г., явилось определение их линии борьбы с фашизмом.

На VI пленуме ЦК БКП, работа которого проходила в духе решений VII конгресса Коминтерна, была в основном завершена разработка программы народного фронта и обоснованы принципы ведения борьбы за демократию, основывавшиеся на единстве всех антифашистских сил и привлечении широких народных масс к борьбе с фашизмом. Свою линию действий предложили демократическим силам нефашистские буржуазные партии, противившиеся заключению антифашистского союза с БКП и развертыванию борьбы народных масс за демократию. Единственным средством восстановления конституции в стране они считали переговоры с царем и правительством, готовы были идти на компромиссы с ними, отвергали всякие формы воздействия на правящую верхушку, кроме «морального нажима».

Мелкобуржуазные участники демократического лагеря стояли перед необходимостью выбора между этими двумя тактиками борьбы. Создание «пятерки» означало, что мелкобуржуазный БЗНС «Врача I» и реформистская БРСДП официально становились на позиции буржуазных нефашистских партий в вопросе о методах борьбы за конституцию. Вместе с тем, образование «пятерки» закрепляло организационный раскол демократического лагеря страны и затрудняло успешное ведение борьбы за восстановление конституции. В результате этого деятельность БКП по созданию народного фронта была сопряжена с серьезными трудностями.

МАРИЯ МАНОЛОВА

РЕАКЦИОННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ БОЛГАРСКОГО ПАРЛАМЕНТА (1924—1943 ГОДЫ)

Военно-фашистский переворот в Болгарии 9 июня 1923 г. положил начало фашизации страны. Этот процесс проявился прежде всего в издании ряда крайне реакционных законодательных актов, которые были направлены против рабочего класса и его организаций — БКП и комсомола, а а также других прогрессивных организаций. Одним из наиболее важных актов такого рода был принятый еще в январе 1924 г. Закон о защите государства (ЗЗГ)¹, который затем неоднократно изменялся и дополнялся. ЗЗГ запрещалась деятельность компартии, комсомола и других рабочих и прогрессивных политических и хозяйственных организаций, которые для достижения своих целей пропагандировали или осуществляли «вооруженные акции, насилие или террор». В марте следующего года в закон было внесено изменение: отныне запрещались любые организации, группы и их секции, выступавшие за насильственное изменение существующего государственного и общественного строя или за захват власти². Формулировка этой статьи закона была настолько общей, что, по словам П. Киранова, «любая организация могла быть подведена под этот закон за агитацию, за перечисленные в статье преступления или, наконец, как секция какой-либо другой организации»³.

На основании статей 1 и 16 ЗЗГ по предложению министра юстиции Уголовное отделение Верховного кассационного суда 2 апреля 1924 г. приняло решение о роспуске БКП, Коммунистического союза молодежи как секции БКП⁴, Общего рабочего профессионального союза, рабочего кооператива «Освобождение» и Партии труда. Все движимое и недвижимое имущество этих организаций конфисковывалось в пользу государства⁵.

Уже 9 апреля министерство юстиции направило в министерство внутренних дел и финансов копии определения Верховного кассационного

¹ «Държавен вестник», № 240, 25 I 1924.

² Там же, № 278, 16 III 1925.

³ П. К и р а н о в. Борбата с политическите престъпления. Закон за защита на държавата. София, 1925, с. 31.

⁴ В определении суда указывалось, что по статье 1 ЗЗГ «секцией следует считать такую организацию, которая служит или создана для того, чтобы служить передаточным звеном, через которое будет преследовать свои цели другая организация. Коммунистический союз молодежи не только числится при БКП, но и имеет идентичные ей цели». Главная цель комсомола состоит «прежде всего в том, чтобы воспитывать своих членов в духе коммунизма, подготовить будущих хороших и дисциплинированных членов коммунистической партии» и поэтому Союз подлежит роспуску. ЦДИА, ф. 242, оп. 5, а. е. 25, л. 115, 117.

⁵ Там же, л. 47.

суда⁶. Такое же письмо-инструкцию министерство юстиции разослало 12 апреля всем прокурорам окружных судов, обязывая их без промедления рассматривать все дела по Закону о защите государства⁷.

Этими мерами правительство, однако, не смогло подавить революционное движение в стране. «... Ни компартия, ни революционные профсоюзы, — отмечал Г. Димитров, — не пожелали добровольно считать себя распущенными... Компартия ушла в подполье, продолжая деятельно руководить борьбой масс»⁸.

Об активной и разнообразной деятельности партии, несмотря на исключительно трудные условия подполья, сообщалось в строго секретном письме административно-полицейского отделения министерства внутренних дел от 14 мая 1924 г. окружным управляющим, столичному кмету и начальнику общественной безопасности. «Последние выборы показали, — говорилось в нем, — что коммунистическая партия, вопреки постановлению о роспуске, продолжает свою деятельность в стране. Распространяемые в последнее время прокламации доказывают также, что коммунисты имеют, помимо уже обнаруженных, другие подпольные типографии как в столице, так и в провинции»⁹. В связи с этим предписывалось предпринять самые энергичные меры против коммунистической партии и ее секций, «чтобы не только на бумаге, но и фактически добиться прекращения их деятельности, не допуская впредь никаких проявлений организационной жизни. Лица, заподозренные в нарушении закона, в какой бы форме это ни проявилось, должны были немедленно предстать перед судом на основании статей 1, 2, 3, 6 и пр. Закона о защите государства, сообразуясь с конкретным случаем»¹⁰.

ЗЗГ устанавливались тяжелые наказания за нелегальную деятельность. По статье 3 субсидирование запрещенных организаций, укрытие их членов, поддержка их или помощь советом или любым другим способом карались тюремным заключением в условиях строгого режима сроком до 8 лет и штрафом от 30 до 150 тыс. левов. Наказанию подвергалась даже мать, если она не донесла на своих детей (ст. 18).

Статья 13 закона¹¹ определяла наказание лицам, принимавшим участие в мятежах, бунтах, убийствах и прочих опасных для общества преступлениях. Организаторов, руководителей и главных участников перечисленных акций неминуемо ждала смерть, а остальные члены организации и оказывавшие помощь лица приговаривались либо к смертной казни, либо к строгому тюремному заключению сроком не менее 10 лет. При этом все должны были уплатить штраф в размере от 200 до 500 тыс. левов.

Таким образом, вопреки основным принципам уголовного права, действие влекло за собой такое же наказание, как и прямое участие в действии¹². Более того, в случае осуществления террористического акта или иного действия (в статье 13 весьма неопределенно и общо говорилось об этом — «какого-либо опасного для общества преступления») к смертной казни или к 10 годам тюрьмы могли быть приговорены любые ее члены независимо от личного участия в деятельности организации. Статья констатировала, что «личное отношение члена организации к ее действиям не

⁶ Там же, л. 51, 52.

⁷ Там же, л. 53.

⁸ Г. Д и м и т р о в. Стъч., т. 8, с. 111.

⁹ ЦДИА, ф. 242, оп. 5, а. е. 25, л. 85.

¹⁰ Там же.

¹¹ В результате изменений закона от 16 III 1925 г. статья 13 стала статьей 16. «Държавен вестник», № 21 (приложение), 29 IV 1925.

¹² П. К и р а н о в. Там же, с. 32. См. также: Ф. М и л к о в а. Реакционният закон за защита на държавата като изключителен наказателен закон в България през периода 1924—1934. София, 1973, с. 81—82.

имеет никакого значения. Достаточно, так сказать, опосредствованной вины, участия посредством организации», — пишет П. Киранов, анализируя понятия «организация» и «организация в действии»¹³.

Авторы фашистского законодательства, утверждая, что если организация приступила к деятельности, то каждый член ее должен отвечать за все действия как непосредственный исполнитель, допускали грубейшее нарушение основных принципов буржуазной уголовно-правовой доктрины.

Статьи 6 и 7 ЗЗГ имели целью оградить армию, жандармерию и полицию от революционного воздействия. Призыв к революционным выступлениям или организация таких выступлений в армии, жандармерии или полиции влекли за собой смертный приговор или строгое тюремное заключение сроком не менее 10 лет. Виновник должен был также уплатить штраф в размере от 50 до 100 тыс. левов. Призывы к неподчинению начальству карались тюремным заключением до 10 лет и штрафом от 30 300 тыс. левов¹⁴.

Несмотря на это коммунисты и комсомольцы вели революционную работу в армии. Стремясь противостоять распространению революционных идей в армии, правительство издало декрет о сохранении моральной и материальной силы армии¹⁵. Запрещалась деятельность всех организаций, групп и их секций, стремящихся «вовлечь армейские подразделения или отдельных военнослужащих в общественно-политическую борьбу или другие действия, противоречащие предназначению армии, определенному законом», а также существование любых тайных организаций в армии, независимо от их целей. Действие декрета распространялось и на жандармерию. По аналогии с ЗЗГ декрет определял наказание не только за создание таких организаций, групп и участие в них, но и за укрытие их членов и помощь им советом или другим способом, причем лицо, оказавшее помощь, наказывалось наравне с членом организации. Предусматривалось наказание всех, кто устно или письменно или «другим способом» вел пропаганду или агитацию за вовлечение армии в общественно-политическую борьбу, кто составлял или распространял воззвания или анонимные письма с целью внести недоверие, вызвать деморализацию армии, кто распространял «клевету» на командование армии в лице ее «верховного вождя — главы государства» или на любого старшего офицера. Лицо, вынесшее оружие или боеприпасы из казармы или склада и передавшее их нелегальным организациям, каралось тюремным заключением сроком не менее 5 лет и штрафом от 50 до 200 тыс. левов. Если это было сделано военным или вольнонаемным, то срок заключения увеличивался до 10 лет и более. Вообще же военнослужащие и вольнонаемные за совершенное ими «преступление» подвергались более суровому наказанию, чем лица, не связанные с армией.

Законодательные акты, принятые во время военно-фашистской диктатуры, установившейся в результате переворота 19 мая 1934 г., расширили сферу применения репрессий в отношении революционного и демократического движения. Были распущены политические организации, их имущество конфисковано¹⁶. Запрещались все печатные издания этих организаций. Позднее, в 1938 г., был издан декрет о временном надзоре за пе-

¹³ П. Киранов. Там же, с. 36; Ф. Милкова. Там же, с. 19—20.

¹⁴ Ф. Милкова. Там же, с. 20—22; В. Бузов. Антикоммунизмът в класовата борба през периода 9 юни 1923 г.—9 септември 1944 г. и законът за защита на държавата. «Известия на Института за правни науки», т. XXIX, с. 212—213.

¹⁵ «Сборник на действащите военно-съдебни закони и правилници в Царството». София, 1938, с. 51—55.

¹⁶ «Държавен вестник», № 58, 14 VI 1934; № 92, 25 VII 1934; № 210, 14 XII 1934.

чать, введивший строжайшую предварительную цензуру. Редактором не могло быть лицо, сочувствующее коммунистам¹⁷.

Декретом 1934 г. о защите безопасности государства запрещались все организации и группы, действия которых направлялись против личности или жизни должностных и частных лиц или против другого государства (имелись в виду случаи, не оговоренные в ЗЗГ). Создание таких организаций и групп, помощь им советами или «другим способом», укрытие лица, о котором известно или «исходя из обстоятельств» можно предположить, что оно совершило какое-либо незаконное деяние, считались преступлениями¹⁸.

Изданные правительством после 19 мая 1934 г. декреты грубо и открыто попирали основные принципы Тырновской конституции: свободу слова, собраний и союзов, равенство граждан перед законом и др. Превратное толкование статьи 47 конституции, предоставлявшее Совету министров право, в случае возникновения внешней или внутренней опасности для государства и невозможности созыва Народного собрания, издавать распоряжения, имевшие силу закона, сводило на нет роль парламента. Правительство игнорировало конституцию и Народное собрание, присваивало себе законодательную власть, вследствие чего происходила дальнейшая фашизация государства.

Коммунисты неустанно разоблачали реакционную сущность этих законов, добивались их отмены и восстановления Тырновской конституции. Они организовывали демонстрации, митинги и стачки, направленные против фашистского законодательства. В 1937 г. в связи с изданием нового избирательного закона, отнявшего у молодежи право участвовать в политической жизни, студенты-коммунисты, члены Болгарского общенародного студенческого союза организовали стачку, требуя восстановления избирательных прав молодежи. Вместе с тем они протестовали против закона, которым вводился обязательный двухлетний стаж для врачей, работающих на селе (труд их при этом не оплачивался), против системы обучения на юридическом факультете, добивались автономии университета, демократизации образования, права иметь свои организации¹⁹. Участники стачки подверглись репрессиям. «Так как стачка была направлена против правительственных законов, — говорилось в докладе дирекции полиции, — были задержаны 72 студента — руководители и инициаторы стачки — со всех факультетов. Некоторые из них были интернированы, а полный список был направлен ректору для принятия мер»²⁰. Во время празднования Дня Кирилла и Мефодия (24 мая) студенты организовали антиправительственное выступление под лозунгом отмены ряда законов и восстановления Тырновской конституции.

В период второй мировой войны правительство усилило репрессии против антифашистов. Были приняты крайне реакционные законы о гражданской мобилизации, реквизициях, защите нации, об организации болгарской молодежи, об изменении и дополнении ЗЗГ²¹ и др.

Закон о гражданской мобилизации предусматривал полную этатизацию хозяйственной и общественной жизни в связи с возможным вступлением Болгарии в войну²², введение военного режима и подавление любых

¹⁷ Там же, № 83, 15 IV 1938.

¹⁸ Там же, № 126, 4 IX 1934; ЦДИА, ф. 242, оп. 4, а. е. 130, л. 1.

¹⁹ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 534, л. 65; «История на младежкото революционно движение в България». София, 1972, с. 353, 354.

²⁰ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, а. е. 534, л. 65.

²¹ «Държавен вестник», № 100, 4 V 1940; № 65, 23 III 1939; № 16, 23 I 1941; № 18, 25 I 1941; № 202, 12 IX 1941.

²² «...В наши дни в войне, — говорилось в мотивировке к законопроекту, — участвует не только армия, но и все государство полностью... Это вызывает необходимость осуществлять наряду с военной еще и гражданскую подготовку и мобилиза-

проявлений недовольства и сопротивления со стороны трудящихся масс. Дирекции гражданской мобилизации и другим органам, ответственным за проведение его в жизнь, предоставлялись особо широкие полномочия при решении таких вопросов, как распределение сырья и необходимых материалов для нужд армии и производства, создание сырьевых запасов, организация системы военного обучения граждан, мобилизация и т. д. Вводилась обязательная мобилизация граждан в возрасте от 17 до 70 лет без различия пола. За неявку на работу без уважительных причин или за отказ выполнять предписанную работу следовало суровое наказание. Если в результате невыполнения работы был нанесен ущерб производству или нарушен порядок на нем, виновный приговаривался к строгому тюремному заключению сроком до 5 лет. За самовольное отсутствие в течение более 5 суток предусматривалось тюремное заключение сроком не менее 1 года, а если, отказываясь работать, виновный применял силу, то он мог быть осужден на пожизненное заключение. Строгое тюремное заключение ждало всякого, кто мешал работе других. Подстрекательство мобилизованного или призванного на временное обучение лица к невыполнению его обязанностей или неявке на место сбора в точно указанное время каралось строгим тюремным заключением от 3 до 12 лет.

Над всеми областями экономической жизни страны устанавливался непосредственный контроль органов государственной власти и управления. При этом до минимума ограничивались политические права и свободы граждан. Совет министров мог принимать чрезвычайные меры против «шпионажа» и «вредной пропаганды». Предполагалось введение строгого надзора за печатью и корреспонденцией и запрещение собраний²³.

Готовясь к вступлению в войну на стороне гитлеровской Германии, болгарская правящая верхушка поспешила вынести на рассмотрение Народного собрания законопроект, который под предлогом «заботы о процветании» болгарской нации предусматривал, вопреки Тырновской конституции, установление режима открытой политической и правовой дискриминации лиц еврейской национальности²⁴. Этот законопроект, который после принятия его стал именоваться Законом о защите нации, полностью соответствовал антисемитским законам фашистской Германии. Его резко осудили БКП²⁵, прогрессивные и антифашистские круги общества. Сопротивление народных масс этой мере фашистского правительства Б. Филова по сути дела воспрепятствовало физическому истреблению болгарских евреев в концлагерях Германии²⁶.

В связи с курсом БКП на вооруженную народно-освободительную борьбу²⁷ правительство в сентябре 1941 г. внесло в Народное собрание законопроект об изменении и дополнении ЗЗГ²⁸. В мотивировке к законопроекту говорилось, что его быстрое рассмотрение и принятие вызваны несоответ-

---

цию, готовя к условиям военного времени тыл, все народное хозяйство и все нравственные силы нации». «Стенографски дневници на XXV Обикновено народно събрание (далее — ОНС), I Редовна Сесия» (далее — Р. С.), 28 III 1940, с. 393.

²³ Некоторые депутаты Народного собрания выражали несогласие с отдельными статьями закона, указывая, что они противоречат Тырновской конституции. Их предложения о пересмотре статей о возрастном цензе и об уголовных наказаниях обвиняемым в нарушении данного закона были отклонены большинством голосов. «Стенографски дневници на XXV ОНС, I Р. С.», 30 III 1940, с. 415, 431, 432, 434, 435.

²⁴ «Стенографски дневници на XXV ОНС, II Р. С.», 15 XI 1940, с. 204, 226, 689; там же, 24 XII 1940, с. 808.

²⁵ В. К о л а р о в. Противоеврейският поход на фашистката шайка (Реч по радио Москва). Избрани произведения, т. III. София, 1955, с. 104—107.

²⁶ «История на България», т. III. София, 1964, с. 366.

²⁷ Там же, с. 383.

²⁸ «Стенографски дневници на XXV ОНС, III Извънредна Сесия» (далее — И. С.), 4 IX 1941, с. 19.

ствием ЗЗГ условиям военного времени, необходимостью принятия строгих мер в отношении некоторых опасных для государства действий и т. д.²⁹ Для буржуазного законодателя приспособление ЗЗГ к условиям военного времени означало ужесточение его статей, введение добавлений, смысл которых сводился к превращению смертной казни из меры исключительного характера в основную, чаще всего применяемую санкцию. Таковы дополнения к статьям 2, 3, 4, 6, 9, 11 (§ 1) и 14. В Народном собрании депутаты правительственного большинства считали расширение сферы приложения Закона о защите государства необходимой и своевременной мерой, основная цель которой заключалась в том, чтобы укрепить монархо-фашистский режим. Громкие фразы о «самосохранении государства», защите «национальных идеалов» болгарского народа, гарантиях «независимости и целостности государства» не могли никого обмануть: усиление репрессий против революционного движения — вот истинный смысл изменений ЗЗГ. «Законопроект нанесет удар тем, кто выступает против целей и задач правительства», — заявил депутат парламентского большинства Ив. Минков³⁰.

Авторы законопроекта предлагали считать «военным временем» период со дня приведения в действие по решению Совета министров законов и распоряжений, применяемых обычно в военное время (статья 33^a закона о гражданской мобилизации). Расширенное толкование понятия «военное время» по сути дела давало правительству неограниченные возможности для суровой расправы с антифашистами и вне пределов действительно военного времени. Кроме того, с объявлением военного времени и гражданские лица предавались военному суду³¹. Это положение было грубым нарушением статьи 73 конституции³².

Другие дополнения к ЗЗГ были направлены против вооруженной борьбы, агитационной и пропагандистской деятельности компартии, комсомола и других антифашистских организаций. При этом обнаруживается тенденция распространить действие закона и на те формы вооруженной борьбы, которые до того времени оставались «неучтенными». Власти стремились изолировать народ от влияния прогрессивных идей и событий в мире. Виновный в слушании зарубежных радиостанций в военное время карался строгим тюремным заключением сроком не менее 5 лет и штрафом от 50 до 500 тыс. левов. Если владелец радиоприемника предоставлял возможность посторонним лицам слушать запрещенные властями радиопередачи, то наказание усилвалось — не менее 10 лет строгого тюремного заключения и штраф от 100 до 500 тыс. левов. По закону военного времени карались смертью лица, выступавшие по радио против болгарского государства и его правящих кругов, их политики, распространяющие слухи, «смущающие спокойствие» народа и «вредящие его единству».

Проект закона предусматривал наказание за распространение в военное время печатных изданий, листовок, писем, афиш, фотографий, картин и пр., за рисунки и надписи на стенах и заборах, за публичные вы-

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 30.

³¹ Там же, 6 IX 1941, с. 62. О «правосудии» военных судов еще в 1925 г. П. Киранов писал: «Человек, наблюдающий за деятельностью наших военных судов, не увидит в ней ничего другого, кроме крайне несправедливого и враждебного отношения ко всем без исключения „политическим“. В любом случае к ним относятся хуже, чем к обычным преступникам. Подобное наблюдается и по отношению к несовершеннолетним „заговорщикам“ — учащимся гимназий. Единственное, на что обращается внимание, и единственное смягчающее вину обстоятельство — „раскаяние“, отказ от самого себя и... донос на своих же товарищей». П. К и р а н о в. Там же, с. 38—39.

³² «Стенографски дневници на XXV ОНС, III И.С.», 6 IX 1941, с. 60—61. Депутат П. Стайнов обратил внимание на различие понятий «военное время» и «военное положение» в законе и в статье 73 Тырновской конституции.

ступления, распространение слухов, ослабляющих «народное единство»³³, за действия в пользу запрещенных партий и организаций. Наказанием во всех этих случаях являлось тюремное заключение в условиях строгого режима сроком не менее 5 лет и штраф в размере от 50 до 500 тыс. левов. Более суровое наказание, вплоть до пожизненного заключения и даже смертной казни следовало «в особо важных случаях» или «если преступление было совершено организованно двумя или более лицами».

Обширный перечень преступлений и явная неопределенность их формулировок создавали угрозу весьма широкого применения закона. Это, вероятно, вызвало беспокойство у некоторых депутатов, потребовавших второго чтения законопроекта, дальнейшего его обсуждения и разъяснения таких, например, понятий, как «партийно-политические течения», «союзническая или дружественная армия», «народная сплоченность» и др.³⁴.

Понятию «партийно-политическое течение» (статья 16^Г законопроекта) придавалось значение, позволявшее властям применять репрессии ко всем антифашистским и прогрессивным силам. По словам министра юстиции В. Митакова: «Понятие „течение“ введено намеренно, поскольку в настоящее время о партиях можно не говорить, партии фактически не существуют. Существуют течения, движения и т. д. Суть заключается в том, чтобы, употребив слово „партии“, не сузить смысл стать 16^Г и не создать положение, при котором суд скажет, что дело касается лишь партий, а не течений...»³⁵.

Для рассмотрения дел по 33Г вводилась упрощенная и более быстрая процедура. Это обосновывалось, «во-первых, естественном содеянного и требованиями момента и, во-вторых, чтобы наказание дало желаемый эффект как в отношении самих провинившихся, так и тех, кто проявляет неустойчивость в отношении подобных проступков»³⁶. Дело надлежало рассматривать в суде в 3-х дневный срок с момента его регистрации. Суд получал право выносить решение о публичном приведении в исполнение смертной казни через повышение или расстрел.

Подверглась изменению и статья 20 33Г: отныне ни один член запрещенной организации не мог быть принят на государственную или общественную службу и избран депутатом Народного собрания или органов самоуправления; прокурор имел право возбуждать уголовное преследование уволенных по статье 20 служащих и утративших свои мандаты депутатов Народного собрания или общинных советников; осужденные по 33Г бывшие служащие лишались пенсии или права на ее получение в будущем.

Новый закон об изменении и дополнении 33Г, предусматривавший усиление уголовной ответственности за некоторые действия, расширение состава преступлений и введение упрощенной процедуры судопроизводства, был опубликован 12 сентября 1941 г. Несколько дней спустя, 16 сентября, он подвергся коррекции: суд получал право не смягчать наказание за действия, совершенные «по неосторожности»³⁷.

Позднее, в июле 1943 г., в 33Г были внесены новые изменения, одно из которых касалось самых молодых участников антифашистской борьбы:

³³ Независимо от того, верны или нет сами по себе эти слухи. «Содержалось ли когда-либо прежде в законодательстве более жестокое постановление? — спрашивал, выступая в Народном собрании, Н. Мушанов. — И как могут г-н министр юстиции и Совет министров выносить на обсуждение закон, в котором говорится: те, кто распространяют слухи, хотя и соответствующие истине, должны быть наказаны смертью». «Степнографски дневници на XXV ОНС, III И. С.», 5 IX 1941, с. 52.

³⁴ Там же, с. 35, 46, 47, 48.

³⁵ Там же, 6 IX 1941, с. 56.

³⁶ Там же, 4 XI 1941, с. 21.

³⁷ «Държавен вестник», № 205, 16 IX 1941.

теперь не могло быть и речи о смягчении наказания для лиц моложе 21 года. Эта мера правительства цинично аргументировалась следующим образом: «...констатируется, что организации, перечисленные в статье 1 ЗЗГ, используют в своих преступных целях лиц, не достигших 21 года, рассчитывая на то, что им будет смягчено наказание. Против подобных попыток направлен параграф 9 законопроекта, предоставляющий право суду в особо важных случаях не смягчать наказание, как это предусмотрено статьями 58 Уголовного и 54 Военно-уголовного кодексов»³⁸.

Прочие изменения были связаны с применением закона в случаях неповиновения железнодорожников и телеграфистов.

Наказанию подлежали не только граждане, поддерживавшие связь с лицами, группами или организациями, которые за рубежом вели борьбу против государства, но и те граждане, которые были связаны с направленными в страну из-за границы эмиссарами³⁹.

Эти и другие репрессивные меры правительства не могли подавить растущее антифашистское движение в стране. Народные массы во главе с БКП в сентябре 1944 г. свергли ненавистную фашистскую диктатуру.

---

³⁸ «Стенографски дневници на XXV ОНС, V И. С.», 21 VII 1943, с. 33.

³⁹ Там же.

И. М. ШЕПТУНОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

На протяжении длительного времени — нескольких веков — Россия не раз вступала в борьбу против Османской империи. И почти каждая из этих войн вызывала новый прилив свободолюбивых стремлений у народов Балкан, находившихся под тяжким османским игом.

Русско-турецкие войны имели большое воздействие на болгарский народ, земли которого неоднократно были театром военных действий противоборствующих сторон.

События военных кампаний XVIII—XIX вв. находили в той или иной мере отражение в фольклоре балканских народов и прежде всего болгарского, питавшего глубокую веру в то, что освобождение его придет благодаря помощи русского народа, России, которых он ласково и уважительно называл «дядо Иван» — «дедушка Иван», «велика Русийка» — «великая Россиюшка» и другими подобными именами.

Болгарский фольклор содержит в себе много свидетельств огромной веры народа в Россию, которая облегчит участь порабощенных, принесет им освобождение. В родопских песнях, например, есть прекрасные строфы, иллюстрирующие высказанные выше утверждения.

Так, в песне «Сурку е пиле форкалу»¹ мы находим следующие слова:

Сурку е пиле форкалу
Низ Рожен, низ планинона.

Серая птичка летала
По Рожену, по горе.

.....
Пиле ми, майчу, прифорка
Нах Четак, нах касабона.
Кайну форкаше, пееше,
Че ще Русия да дойде
Ут робство да ни утарве.

.....
Птичка, матушка, прилетела
В Читак *, в город.
Когда летела, (то) пела,
Что Россия придет,
От рабства нас избавит.

(Перевод везде подстрочный. — И. Ш.)

В другой песне — «Дойке на порти чукаше»² поется о том, что Россия поднялась на защиту болгар:

Русие са е дичнала
Ут турце да ни утарве,
Ут турце, ут кържелие.

Россия поднялась
От турок нас освободить,
От турок, от кирджалиев.

¹ «Родопски народни песни». Отбрали и редактирали А. Примовски и Н. Примовски (далее — «Родопски народни песни»). «Народна просвета», София, 1968, с. 140.

* Четак — Читак — тур. название с. Устово ныне района г. Смолян.

² «Родопски народни песни», с. 140.

При этом интересно отметить, что последняя песня хронологически относится, по-видимому, к концу XVIII — началу XIX в., так как в ней мы встречаем упоминание кирджалиев — разбойничьих отрядов в основном турецко-албанского состава, не подчинявшихся центральной власти Османской империи и опустошавших болгарские земли на протяжении более 25 лет, до 1815 г., когда кирджалийское движение было окончательно разгромлено.

В песне «Девойка очаква руски юнаци»³ («Девушка ждет русских богатырей»), относящейся по времени возникновения также, по-видимому, к концу XVIII — началу XIX в., пелось о том, что девушка просит у всевышнего дать ей «крила паунови» («крылья павлиньи»), чтобы могла она перелететь через «Влашко и Богданско» (т. е. через Валахию и Молдову) и попасть в войско русское — «русянска война» — и найти в том войске самого достойного богатыря.

Болгарские народные певцы, слагатели поэтических произведений наделяли Россию, русских воинов, сражавшихся в болгарской земле с османскими поработителями, идеальными, почти сказочными чертами, подчас фантастическими, чудесными свойствами. Так в песне «Великата Русия»⁴, относящейся к ранним русско-турецким войнам, поется о том, что

Били са се турците със руси,	Бились турки с русскими,
Били са се три дни и три ноци:	Бились три дня и три ночи:
От турците чръни кръви текат,	От турок — черные кровя текут,
От Русийка — ясен огин свети!	От Россияшки — ясный огонь светит!

В народных песнях с именем России, с русскими солдатами, казаками связывались светлые надежды народа на грядущее освобождение, и потому в большинстве случаев и Россия и российские воины метафорически осмысляются как лучезарные, светоносные. От них идет сияние, светит огонь ясный, они подобны ясному солнцу, как например, в песне, относящейся к военной кампании 1828—1829 гг., когда русские отряды на исходе военных действий достигли Константинополя:

Изгряло е ясно слънце	Взошло ясное солнце,
Ясно слънце до бял Дунав,	Ясное солнце над белым Дунаем,
Та й греяло, та й блестяло	И светило, и блестело,
Та й препяло по бял Дунав,	И трепетало в белом Дунае,
Та й греяло денем, нощем,	И светило днем, ночью,
Цели три дни и три ноци,	Целых три дня и три ночи,
Не е било ясно слънце,	Не было то ясное солнце,
Най са били казаците,	Но были то казаки,
Казаците, бре донските!	Казаки донские!
Блестели са сабите им,	Блестели сабли их
Сабите им, маждраците,	Сабли их, копыя,
Стигнали са до Цариград ⁵ .	Дошли они до Царьграда.

В ряде песен русские воины обладают чертами и свойствами, схожими с титаническими силами природы, что достигается опять же с помощью отрицательного сравнения, как, например, в одной из песен о казаках, где они появляются подобные темному облаку.

³ И. Качулев. Български народни песни за Русия и Съветския съюз. София⁴ 1953, с. 11.

⁴ Там же, с. 16.

⁵ Там же, с. 47.

Военные походы, сражения русских войск с османскими вооруженными силами, эпизоды отдельных боевых операций, относящиеся к русско-турецким войнам конца XVIII — начала XIX в., нашли свое отражение не только в болгарском, но и в русском фольклоре — им посвящены многие солдатские песни.

Одна из них, связанная с суворовскими походами и военными действиями на болгарской территории в 70-х годах XVIII в., повествует о славе русского солдата, родившийся и на «горах... Балканских», о его смелости и доблести, стойкости и мужестве:

Мы Балканы грудью брали,
 Все враги от нас бежали,
 . . . . .
 Пушки, ружья оставляли.
 Сам Суворов приезжал,
 Нас с победой поздравлял,
 . . . . .
 Боевой приказ давал:
 «Все Суворовски полки
 Со мной вместе впереди
 Всю туретчину пройти»⁶.

Русско-турецкие войны XVIII и начала XIX в., подвиги русских солдат и казаков нашли в песенно-поэтическом наследии болгарского фольклора довольно широкое отражение. Но неизмеримо большим является песенный массив народного устно-поэтического творчества, связанный с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Это и понятно, так как эта война, объявленная Россией Турции 12 апреля 1877 г. после героического болгарского Апрельского восстания 1876 г., жестоко подавленного оттоманской империей, несла народам Балканского полуострова — и прежде всего болгарскому народу — освобождение от османского ига, от военно-феодалного гнета, она открывала перед ними возможности самостоятельного государственного строительства и национального развития. Поэтому она пользовалась большой популярностью у народов России⁷ и с энтузиазмом была встречена народами Балканского полуострова.

Слагатели песен, среди которых были и современники русско-турецкой войны 1877—1878 гг., отразили в них народное понимание причин войны, народное отношение и к различным эпизодам этой кампании и ко всей войне в целом. Болгарский народ устами своих певцов выразил глубокую признательность русским воинам, принесшим свободу Болгарии.

При этом любопытно отметить, что все песни о русско-турецкой войне, о предшествующих ей и последующих событиях, записанные в различных местах Болгарии, при их классификации и изучении предстают своеобразным дневником военных событий, хроникой, построенной по законам фольклорной поэтики и народного миропонимания. Они не являются однотипными и представляют разные видовые образования — в первом приближении их можно разделить на эпические и лироэпические песни. При этом эпические песни посвящены или всему течению войны — изображению ее причин в народном понимании, началу кампании, основным событиям ее, или же нескольким важнейшим эпизодам. Таких песен немного и они различны по объему.

Рассмотрим одну эпическую песню пространной редакции, например «Освобождение», которая была записана в 40-х годах XX в. извест-

⁶ «Исторические песни», библиотека поэта. Малая серия, изд. 2. Л., 1951, с. 306.

⁷ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. II. М., 1964. Документы: № 29, с. 47—48; № 79, с. 108; № 66, с. 79; примеч. к док. № 59, с. 79 и др.

ным писателем и фольклористом Д. Осининым у народного певца Вичо Бончова. Сюжетно она делится на две части: первая половина (строки 1—215) представляет собою довольно достоверное изображение Константинопольской конференции 1876 г., созванной по предложению России; вторая половина является повествованием о подготовке и разворачивании военных операций (строки 220—446). В песне рассказывается о том, что Россия предъявляет претензии султану за пятисотлетнее рабство, за разрушенные села и города, за сожженные во время Апрельского восстания 1876 г. Бойджик, Перуштицу, Батак и за другие муки, которым подвергаются болгары под османским владычеством.

Среди военных эпизодов особый интерес представляет описание успешного форсирования Дуная русскими войсками благодаря военной хитрости русских, обманувших бдительность турок.

В этой же песне поется также о боях на Шипке, о бегстве разбитых турок, о захвате казаками большого числа пленных.

Обратимся к эпической песне краткой редакции, например «Освобождение Болгарии»⁸. В ней, в весьма сжатой форме (всего на протяжении 59 строк) показаны основные события русско-турецкой войны 1877—1878 гг. При этом характерным является чрезвычайное стяжение эпического времени — все действия происходят быстро: так войска «прямо через Русук прошли, прямо к Плевне пошли, под конец Плевну окружили, два дня дневку имели, пока войска собрались. Россия знамя подняла: три дня битва длилась... и Османа-папу захватили с сорока тысячами...».

Лирико-эпические песни, посвященные событиям русско-турецкой войны 1877—1878 гг., связаны каждая с каким-либо эпизодом этой кампании. В них почти нет широких картин исторического плана, они имеют более частный, локальный характер, повествуя о подготовке к войне и русско-болгарских связях, о прибытии русских войск к Дунаю и о переправе через Дунай, о Шипкинском эпизоде, об осаде и взятии Плевны, о русско-болгарской дружбе. Каждая из названных тем объединяет вокруг себя целый ряд песен, на некоторых из них мы коротко остановимся.

Своеобразным документом эпохи является песня «Жалба пише жална България»⁹. В ней на протяжении всего сорока строк певцы лаконично и искусно поведали о судьбе народной на протяжении последних трех — пяти лет перед русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Написанное кровью мальчика, пронзенного турецким копьём, письмо-жалоба «печальной Болгарии» «сильной России» было запрятано в подкову коня и таким образом направлено в Россию. Эта жалоба

Ходила е ни много, ни малко
Ходила е три години време
И най — после у Русия стигнала

Ходила ни много, ни мало,
Ходила три года
И в конце концов России
достигла.

В результате этого письма-жалобы русский царь с генералом Столетовым и другими генералами

И си с войска за българско поиде...

Пошли с войсками (за землю)
болгарскую...

Они бились целый год и «спасли печальную Болгарию».

С трогательной заботой и вниманием относился болгарский народ к русским солдатам и казакам, прибывавшим на театр военных действий — на многострадальную землю Болгарии: девушки болгарские, увидев

⁸ «Българско народно творчество в дванадесет тома», т. III. София, 1961, с. 549-550.

⁹ И. К а ч у л е в. Там же, с. 39—40.

приехавших к ним на хоровод всадников — русских молодцов, как ковром «покрывают перед ними землю» снятыми с себя «долбенами» — белыми платками тонкого полотна¹⁰. А красавица Бойка, прятая у своего дома хлопком, добрым словом встречает русских воинов, говоря им:

Руснаци, братя казаци,
Имами място за вази,
За вази и за конете,
И за конете зобило...¹¹

Русские, братья казаки,
Имеем место для вас,
Для вас и для коней,
И для коней зерно...

Целый ряд песен посвящен «белому Дунаю» и переправе через него русской армии. При этом певцы обращаются к великой реке как к непосредственному участнику событий, олицетворяют его: «Ой, Дунай, белый Дунай, кто тебя разволновал? — Разволновала меня, раскачала меня великая Россия. Российские пушки, они заряжены, готовы. Уже пробило девять часов, границу отворили, русское войско вступило, засияла свобода»¹².

Определенный интерес представляет небольшая, всего в 12 строк, песня «Русия се бие за свобода на България»¹³, в которой запечатлены переправа через Дунай и совместные действия русских войск и болгар против общего врага:

Дична се славна Русия
Зарад нас за България.
Руси конете препускат,
Дунава си преплаваха,
Знаме във ръце развиват.
Руси Дунав кат минаха,
България кат настъпиха,
Турци пушки пукаха,
Българи ура думаха:
— Напред враг да победим.
Дунав е кървав потекъл
От руски кърви, от турски.

Поднялась славная Россия
За нас, за Болгарию.
Русские коней вскачь пускают,
Дунай переплыли,
Знамя в руке развевают.
Русские Дунай когда миновали,
Болгария когда наступила,
Турки из ружей стреляли,
Болгары ура кричали:
— Вперед, врага победим.
Дунай кровавый потек
От русских кровей, от турецких.

Большой песенный массив посвящен боевым действиям воюющих сторон, боям на Шипке, осаде и взятию Плевны. Народный поэтический гений, создавая картину боя русских и турецких армий, обращается к изобразительным средствам старшей поры, в песнях которой от ударов богатырских, юнацких мечей, щитов, копий, от топота богатырских чудесных коней земля дрожала, кровь лилась рекой. Нечто схожее, близкое мы обнаруживаем, например, в песне «Боят между турци и московци»¹⁴.

Пушки са пукат, куршуми летат,
Куршуми летат кайно градушка,
Тоше се пукат, земе са люля,

Сабле са маат, кърве са леят,

Коние до брутят дор до зенгия.

Ружья стреляют, пули летят,
Пули летят как град,
Пушки стреляют, земля колеб-
лется,

Сабли сверкают*, кровь**
льется,

Коням достигаает даже до
стремени.

¹⁰ Там же, с. 55.

¹¹ Там же, с. 56.

¹² Там же, с. 48.

¹³ Архив Этнографического института и Музея БАН, арх. № 532—II.

¹⁴ И. К а ч у л е в. Там же, с. 58.

* В тексте дословно «сабли машут».

** В тексте дословно «кровя льются».

В другой песне «Боят между турци и московци»¹⁵ мы обнаруживаем такую же степень гиперболизации во всех деталях боя, как и в предыдущей. При этом положительный герой — русский солдат — удачлив, он подобен быстрокрылой ласточке, его ни пуля, ни сабля не берут. Враги его, а значит и враги слагателей песен, гибнут во множестве от его ударов. Мы приведем в извлечениях этот текст, взяв событийную сторону, без зачина и повторов-припевов:

«...Ты посмотри вверх — вниз, ... как бьются турки с московцами (русскими. — И. Ш.) ... Ружья — как частый лес ... сабли блестят как ясно солнце... Пули как град сыпятся... Дробовики как ясны звезды... знамена как месяц... Турки падают как частые снопы, московцы проносятся как ласточки!»

В песне «Дигна се славна Русия»¹⁶ в двух строках выражена цель русско-турецкой войны в понимании болгарского народа

Поднялась славная Россия
Ради нас, болгар.

Песня эта пронизана идеей дружбы и братства. Она интересна также тем, что в ней запечатлены сцены совместных боевых действий русских воинских частей и болгарских добровольцев — ополченцев, эпизоды тяжелых и кровопролитных боев на Шипке:

..Били се, що са се били,
Че им се свърши джепане,
Руснаци думат българи:
— Българи, наши братчета,
Сбирайте дребни камъни,
Удряйте както можете,
Дорде ни помощ довтаса
Отгоре, откъм Русия.
Сбирали дребни камъни,
Камъни, още дървета,
Удряли кой как можели,
Дорде им помощ довтаса...

...Бились, бились уж так,
Что у них кончились боеприпасы.
Русские и говорят болгарам:
— Болгары, наши братишки,
Собирайте камни мелкие,
Деритесь как можете,
Пока нам помощь поспеет
Сверху, со стороны России.
Собирали камни мелкие,
Камни, еще и деревья,
Дрались кто как мог,
Пока им помощь поспела...

Шипка вошла в историю как символ боевого содружества русских солдат и болгарских ополченцев, как символ их мужества и стойкости. Именно так в народной памяти сохраняется легендарная шипкинская эпопея, так она отражена и в народных песнях.

Песня «Руси и българи на Шипка»¹⁷ рисует, как русские переправились через Дунай и достигли Шипки-Балкан, как завязалась большая битва:

Руснаци, донски казаци,
И ополченци българи
Срещу ми тия читаци,
Анадолските зебеци.
Руснаци падат, не падат,
Най — много падат читаци...

Русские, донские казаки
И ополченцы — болгары
Против этих басурман,
Анадольских зебеков*.
Русские падают — не падают,
Больше всего падает
басурман...

¹⁵ И. Качулев. Там же, с. 60.

¹⁶ Там же, с. 64.

¹⁷ Там же, с. 62.

* Анадольские зебеки — тюркское племя из Анатолии.

Особое место в русско-турецкой войне, как известно, имели осада и взятие Плевны, предопределившие исход всей кампании. Фольклорное наследие, связанное с этой темой, представлено в болгарском устном поэтическом народном творчестве немалым количеством произведений — нам известно не менее десяти песен, не считая вариантов. Эти песни, как правило, повествуют об осажденной крепости, о боях между русскими и турками, о длительности осады: «Там бились ни много, ни мало, там бились три месяца ... и после Плевен взяли, взяли, турок прогнали»¹⁸. В ряде песен — «Падането на Плевенското кале», «Иванчо, русо казаче»¹⁹ особо выделена роль простого казака или солдата в победе под Плевной, во взятии цитадели. Симпатии болгарского народа к «братушкам», к русским «аскерам» — солдатам, к «русо казаче» находят отражение как в песнях о Плевне, так и во многих других произведениях, посвященных большой теме русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Гимном дружбы, полным любви и уважения к русскому народу, народу-брату и освободителю, звучит и ныне народная переработка стихотворения Петко Славейкова «На царя и на Русия». От первоначального авторского текста осталось немного в этой песне. Более того, в ней претерпела коренную переработку идейная сторона славейковского произведения — народная стихия привнесла свое понимание, свое толкование роли русского народа в освобождении Болгарии от османского рабства:

Русите са наши братя,
Наша плът и наша кръв.
Руский народ на земята
Най — велик, от всички пръв!

Русские наши братья,
Наша плоть и наша кровь.
Русский народ на земле
Самый великий, первый из
всех!

Той е нашият покровител
И защитник навсегда.
Той е наш освободител,
Ний го тачим кат бацта!²⁰

Он наш покровитель
И защитник на века.
Он — наш освободитель,
Мы его любим, как отца.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. явилась темой фольклорных произведений не только болгарского, но и русского народа.

Заинтересованность широких народных масс России в русско-турецкой войне, в ее победоносном завершении была выражением братского сочувствия русского народа к народу болгарскому. Русский народ в этой войне стремился лишь к одному — освободить братский народ от турецкой неволи. Именно это стремление было основным побудительным стимулом, определившим боевые успехи русских войск в войне 1877—1878 гг. и принесшим победу русскому и болгарскому оружию.

Русские крестьянин, мещанин, мастеровой, одетые в солдатскую форму, шли во

Поле чистое, поле турецкое

чтобы сойтись «с неприятелем, со турецким славным корпусом»²¹.

Точно так же, как и болгарский народ, русский народ в лице известных и неизвестных народных певцов и сказителей — часто участников русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — своеобразно отразил свое понимание освободительной войны, показал действие русских войск против турок.

¹⁸ Г. Керемидчиев. Руско-турската освободителна война в българските народни песни. «Известия на етнографския институт с Музей», книга втора, издание на БАН. София, 1955, с. 425—426.

¹⁹ И. Качулев. Там же, с. 78—79, 80.

²⁰ Там же, с. 110.

²¹ «Русское народное поэтическое творчество». М., 1959, с. 407.

В солдатских песнях времени русско-турецкой войны 1877—1878 гг. описываются те или иные боевые действия, трудности этой военной кампании, рассказывается о героизме русских солдат.

Так, например, в песне «Не туман с моря поднялся» рассказывается о русском войске, переправлявшемся через Дунай, которое шло

Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить²².

Далее в песне живописуются ночные переходы, ратный труд и бои за Плевну:

Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил сильный гром.—
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был!
Заплакала наша Плевна,
Запропала турецкая слава
И не будет больше никогда!²³

Очень интересна, на наш взгляд, песня, сложенная солдатом 104 устюжского полка Кудряшевым, о трудностях перехода через Балканы и о готовности всегда помочь болгарам в случае новой войны.

Песня начинается зачином — обращением к товарищам солдатам:

Братья, все ли вы здоровы?
У нас есть уж песни новы,
Пропоем-ка их²⁴.

Далее автор говорит о том, какие трудности пришлось перенести солдатам, воюя в Балканах:

От Водицы до Твердицы
Мы уж знаем все столицы
И Большой Балкан.
Мы Балканы проходили,
Тяжесть всю с собой тащили
На своих плечах.

.....
Несмотря мы, братцы-други,
На мороз, метель и вьюги,
Взялись за труды:
Протащили мы все пушки,
Все парковые игрушки,
На своих руках.
Также, братцы, и лафеты,
Те тяжелые кареты
От нас не ушли.
И вот за эти наши силы
Благодарность получили
От отцов своих (г. е. командиров.— И. Ш.).

В песне, исполнявшейся в задорном темпе, говорится о возвращении на Русь, дается назидание туркам помнить русскую силу, русского солдата и не лезть опять в драку:

²² «Исторические песни». Л., 1956, с. 315.

²³ Там же.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8202, л. 174—175.

Вы же, турки, не деритесь,
 Всегда с нами вы смиритесь,
 Знайте русаков!

Грозно и внушительно звучит в песне предупреждение туркам от имени русского народа: «Не троньте болгар! Опять мы, русские, не дадим друзей в обиду»:

Снова, турки, бой начнете,
 Болгар бить опять пойдете —
 Угостим мы вас.
 Для друзей почнем картузы
 И чугунные арбузы —
 Будет вам привет.

Так же как и болгарские песни, русские солдатские песни отражают не только общие черты боевых операций, но и отдельные, наиболее памятные эпизоды.

Так, песня кубанских казаков «Вспомним, братцы, как стояли»²⁵ повествует о шипкинской эпопее:

Вспомним, братцы, как стояли
 Мы на Шипке в облаках,
 Как мы турок отбивали
 На балканских на горах.

.....
 Сулеймановы аскеры
 Крепко в Шипку били лбом,
 Угощали их без меры
 Мы прикладом и штыком.

.....
 Накрест пули и гранаты,
 День и ночь над головой
 Холод... Голод. Эх, ребята,
 Не забудем этот бой!

.....
 Разнесли мы вражью свору,
 Разметали всю орду
 ...Это было в трудную пору
 В семьдесят седьмом году.

Казаки в своей песне пели — «не забудем этот бой!». Этот бой, их подвиги и подвиги их товарищей по оружию — болгарских ополченцев и русских солдат не забыли и мы, их потомки. Вечная слава осеняет их деяния на благо дружбы и процветания наших народов-братьев.

²⁵ «Песни казаков Кубани». Запись текстов и подготовка к печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966, с. 79—80.

А. В. КАРАСЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Европейская история середины 60-х годов XIX в. насыщена рядом важных событий, имевших большое значение для народов Балканского полуострова. Это было время складывания наций и образования национальных государств, время борьбы за объединение в Италии и в Германии, роста национально-освободительных движений. В 1866 г. разразилась австро-прусская война, в которой Австрия потерпела поражение, и ее престиж и значение в Европе были ослаблены. В середине 60-х годов серьезный внутренний кризис переживала и Османская империя. В 1866 г. жители острова Крит, доведенные до отчаяния злоупотреблениями султанской администрации, начали восстание. Повстанцы пользовались поддержкой Греции, что вызвало обострение турецко-греческих отношений. Русское правительство внимательно следило за развитием событий на Крите, оказывая участникам восстания всяческое содействие. В Румынии возникли серьезные осложнения в связи со свержением князя Кузы. Избрание нового князя Карла Гогенцоллерна еще больше ослабило зависимость Румынии от Порты. В Болгарии широкий размах приобретала борьба за национальную независимость; сербское правительство добивалось вывода турецких гарнизонов из крепостей на территории княжества.

В этих условиях идеи завоевания политической независимости и создания национальных государств получили на Балканском полуострове еще большее распространение. После прихода к власти князя Михаила Обреновича в 1861 г. резко активизируется внешнеполитическая деятельность Сербии. Руководители сербской внешней политики — князь Михаил и премьер-министр И. Гарашанин — хорошо понимали, что объединение южнославянских земель вокруг Сербии возможно лишь в том случае, если сербское правительство сумеет заручиться поддержкой хотя бы одной из великих держав. И совсем не случайно их взоры обратились к России.

Во внешней политике России того времени одним из важнейших оставался восточный вопрос¹. Главной задачей русской дипломатии после Крымской войны была ликвидация ограничительных статей Парижского мирного договора, касавшихся нейтрализации Черного моря. Однако из-за перестройки армии, финансовых затруднений, отсутствия флота на Черном море и др. прибегнуть к активным действиям для решения этих задач Россия пока не могла. Приходилось искать другие пути — русское правительство средствами дипломатии стремилось восстановить утраченные

¹ Н. С. К и н я п и н а. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974, с. 50—73; С. А. Н и к и т и н. Очерки из истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-х гг. XIX в. М., 1970, с. 146—155, 162—163, 168—172.

позиции на Балканах. Россия оказывала активную поддержку национально-освободительной борьбе подвластных Турции народов.

Как справедливо отмечает советский историк С. А. Никитин, в это время обнаружилось совпадение целей внешней политики русского правительства и сербского князя Михаила, хотя мотивы, которыми они руководствовались при этом, были различны. Россия была заинтересована в создании крупного славянского государства на Балканском полуострове, которое находилось бы под ее влиянием. Такое государство, будучи во враждебных отношениях с Портой, могло бы служить важной опорой России в реализации ее целей в этом регионе².

Князь Михаил и его правительство сочли австро-прусскую войну удобным моментом для активизации своей внешней политики. Наряду с требованием ликвидации турецких крепостей на территории Сербии, вынашивались и более широкие планы. В 1866 г. Сербия заключила военный союз с Черногорией, положив тем самым начало созданию Балканского союза. Россия весьма сочувственно отнеслась к этой идее. Министр иностранных дел России А. И. Горчаков считал, что Сербия призвана сыграть особую роль на Балканах. «Сербия, — писал русский министр, — станет силою вещей ядром, вокруг которого будет происходить группировка, или точкой опоры для христианских народов, когда они решат стряхнуть оттоманское господство»³.

В этот период русская дипломатия не без оснований полагала, что самостоятельная борьба балканских народов против Турецкой империи может быть успешной лишь при условии объединения всех их сил. Поэтому усилия Сербии по созданию Балканского союза деятельно поддерживались Россией. В начале 1867 г. сербское правительство заключило соглашение с болгарской буржуазной эмигрантской организацией в Румынии «Добродетельная дружина». В том же году Сербия подписала договор с Грецией, а в январе 1868 г. — с Румынией.

В 1866 г. в Сербии начались активные приготовления к войне с Турцией. Для реализации планов свержения оттоманского господства на Балканском полуострове и объединения южнославянских земель вокруг Сербии ей требовалось большое количество оружия. Правительство Сербии обратилось к России с просьбой об оказании помощи оружием и нашло полное понимание у русских правящих кругов.

В настоящей статье делается попытка осветить вопрос о помощи, оказанной Россией Сербии в вооружении ее армии во второй половине 60-х годов прошлого столетия.

До сих пор этот вопрос не получил должного освещения в литературе. В трудах советских и югославских историков встречаются лишь отдельные упоминания о русской помощи Сербии в 1866—1867 гг. В статье С. А. Никитина «Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX века»⁴ рассматривается деятельность русской военной миссии, посланной в Сербию по просьбе князя Михаила в 1867 г., позиция русской дипломатии по отношению к Балканскому союзу. Автор делает ряд интересных наблюдений, касающихся эволюции русско-сербских отношений в этот период. В то же время следует отметить, что многие аспекты русской помощи Сербии в середине 60-х годов XIX в. не получили освещения в указанной работе.

² С. А. Никитин. Там же, с. 163.

³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Посольство в Париже, д. 396, л. 13. Цитируется по: С. А. Никитин. Там же, с. 163.

⁴ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник». М., 1947.

В югославской историографии по этому вопросу встречаются лишь отрывочные сведения в работах общего характера⁵.

Так, С. Йованович в своей книге «Второе правление Милоша и Михаила», излагая историю создания народного войска, лишь вскользь говорит о поставках русского оружия Сербии и о деятельности русской военной миссии в сербском княжестве в 1867 г.⁶ В единственной монографии Г. Якшича и В. Вучковича, специально посвященной Балканскому союзу 60-х годов XIX в., проблеме поставок русского оружия уделено несколько больше внимания, чем в книге С. Йовановича. Но незнание русских архивов не позволило авторам осветить этот вопрос с исчерпывающей полнотой и в ряде случаев обусловило ошибочность некоторых их выводов. Так, по вопросу русской помощи Сербии в 1866—1867 гг. они пишут, в частности, следующее: «В отношении военных приготовлений Сербия должна была рассчитывать сама на себя. После аферы с оружием в 1862—1863 гг.⁷ прекратились подобные поставки из России... Россия могла помогать Сербии в этом деле только путем предоставления ей займа для закупки оружия за границей»⁸.

Таким образом, сведения, имеющиеся в литературе по вопросу русской помощи Сербии во второй половине 60-х годов, являются весьма неполными, а иногда и неточными, искажающими истинное положение дел. Между тем, хранящиеся в Архиве внешней политики России документы, в большинстве своем еще не введенные в научный оборот, позволяют во многом уточнить и расширить наши представления о размерах и характере помощи России Сербскому княжеству в период создания Балканского союза 60-х годов XIX в.

В конце 1866 г., когда разгорелось восстание на Крите и появилась реальная угроза распространения антитурецкого движения и на другие районы Балканского полуострова, сербское правительство, как уже отмечалось выше, сочло момент весьма благоприятным для ускоренной подготовки к войне с Турцией. По мысли руководителей сербской внешней политики, военные действия Сербии и ее союзников против Османской империи должны были быть поддержаны народным восстанием в ряде славянских областей Порты. Под руководством Гарашанина была создана широкая сеть тайных агентов, которые вели подготовку восстания в Боснии и Герцеговине, Старой Сербии, Македонии, а также на австрийской Военной Границе и в Далмации.

Подготовка Сербии к войне предполагала создание массовой армии. В начале 60-х годов XIX в. регулярная армия в Сербии была весьма малочисленной. Она насчитывала всего 3,5 тыс. человек и состояла из четырех батальонов пехоты (один полк), двух артиллерийских батарея, двух эскадронов конницы и саперной роты⁹. Само собой разумеется, что с такими силами нельзя было рассчитывать на успех в войне с Турцией. По конституции 1838 г. Сербское княжество не имело права расширить регулярную армию. Поэтому одним из первых мероприятий князя Михаила было издание в августе 1861 г. закона о создании так называемого народного войска,

⁵ См. М. С. П и р о х а н а ц. Кнез Михаил и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895; Ј. Р и с т и ћ. Спољашни одношаји Србије новијега времена, књ. 2. Београд, 1887; М. Г а р а ш а н и н. Два намесништва. Београд, 1893; Ј. В о ж и ћ, С. С и р к о в и ћ, М. Е к м е ч и ћ, В. Д е д и ј е г. Историја Југославије, 2. изд. Београд, 1973. Историја Београда, т. 2. Београд, 1974 и др.

⁶ Сл. Ј о в а н о в и ћ. Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1933, с. 284—285. Речь идет о транспортировке большого количества оружия для Сербии из России через Румынию в конце 1862 г., что вызвало протесты западных держав.

⁷ Г. Ј а к ш и ћ, В. В у ч к о в и ћ. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први Балкански савез). Београд, 1963, с. 381.

⁹ Сл. Ј о в а н о в и ћ. Там же, с. 278.

подразделявшегося на два класса: к первому классу были приписаны призывники в возрасте от 20 до 35 лет, а ко второму (резерв) — от 35 до 50 лет. Численность народного войска в 60-е годы достигла 90 тыс. человек (50 тыс. — первый класс и 40 тыс. — второй класс) при населении страны в 1 млн 250 тыс. человек ¹⁰.

Обучение народного войска проходило по милицейской системе путем регулярных сборов. Сербская армия стала второй по численности армией на Балканах того времени ¹¹.

Перед сербским правительством в связи с этим возникла проблема вооружения народного войска. Вначале крестьяне, зачисленные в него, должны были сами заботиться о своем вооружении. По австрийским сведениям в 1862 г. половина народного войска не имела годных к употреблению ружей ¹². В 1863 г. было принято решение о вооружении народного войска за счет государства. К этому времени в сербских арсеналах находилось всего 7000 ружей ¹³. В 1862—1863 гг. Россия поставила Сербии 3000 нарезных, 36 200 гладкоствольных ружей и 3000 сабель ¹⁴, что отчасти удовлетворило потребности сербской армии в оружии.

В 1866 г., когда война с Турцией стала для Сербского княжества делом ближайшего будущего, встал вопрос о выработке военного плана предстоящей кампании. Дипломатический представитель Сербии в Константинополе Й. Ристич по указанию своего правительства обратился к русскому послу Н. П. Игнатьеву с просьбой о том, чтобы русский военный агент в Константинополе полковник Франкини разработал стратегический план военных действий Сербии против Османской империи. По утверждению Г. Якшича и В. Вучковича этот план исходил из идеи всеобщего восстания христиан в Европейской части Порты ¹⁵. Разработка плана была завершена к середине января 1867 г. По мнению Й. Ристича в этом документе все было рассчитано таким образом, чтобы Сербия смогла выполнить свою освободительную миссию, не подвергаясь при этом никакой опасности ¹⁶. План Франкини удовлетворил князя Михаила, который обратился с просьбой к Игнатьеву командировать полковника Франкини в Белград для оказания практической помощи на месте ¹⁷.

Небезынтересно и мнение Н. П. Игнатьева по этому вопросу. План «набросан теоретически, — писал он русскому консулу в Белграде Н. П. Шишкину, — на основании скудных данных, имевшихся под рукою, единственно с целью установить правильный взгляд на общий характер предприятия, соразмерного с силами Сербии, и предупредить пагубные увлечения, могущие поставить на одну карту все военные силы княжества и все существование Сербии. Так как местность известна нам только по картам и описаниям, то многое может быть ошибочно, но по крайней мере указан путь для более подробных, тщательных изысканий, для окончательных решений» ¹⁸. Далее Игнатьев подчеркивал, что «мечта окончить с тур-

¹⁰ «История Югославии», т. I. М., 1963, с. 483; Сл. Ј о в а н о в и ћ. Там же, с. 287.

¹¹ Сл. Ј о в а н о в и ћ. Там же, с. 287—288.

¹² Там же, с. 281.

¹³ Там же, с. 282, 283.

¹⁴ АВПР, ф. Политотдел, 1862 г., д. 4, л. 62, 104. По данным С. Йовановича Сербия получила 31 000 ружей (Сл. Ј о в а н о в и ћ. Там же, с. 284); Г. Якшич и В. Вучкович называют цифру 39 200 ружей. (Г. Ј а к ш и ћ, В. В у ч к о в и ћ. Там же, с. 139).

¹⁵ Г. Ј а к ш и ћ, В. В у ч к о в и ћ. Там же, с. 381; С. А. Н и к и т и н. Дипломатические отношения России..., с. 285.

¹⁶ Г. Ј а к ш и ћ, В. В у ч к о в и ћ. Там же, с. 381.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Прилози, с. 489—490. Игнатьев — Шишкину. Константинополь 6 (18) февраля 1867 г.

ками громовым ударом не осуществима еще теперь для Сербии и не соответствует соразмерности сил и средствам»¹⁹.

Из этого следует, что Н. П. Игнатъев, придавая большое значение выработке подобного военного плана, опасался как бы преждевременное, опрометчивое выступление Сербии не дало султанскому правительству возможность разгромить Сербию и свести на нет ее влияние среди славянского населения Османской империи. Подобная перспектива, разумеется, отнюдь не отвечала целям русской дипломатии на Балканах. Поэтому не случайно желание Игнатъева обратить внимание правительства Сербии на необходимость строго подходить к оценке своих возможностей, учитывая, что Россия еще не могла оказать непосредственную вооруженную помощь Сербскому княжеству.

С начала 1867 г. сербское правительство стало обращаться к России с настоятельными просьбами оказать содействие в вооружении сербской армии. В своей телеграмме от 24 января (5 февраля) 1867 г. русский консул в Белграде сообщал о просьбе князя Михаила прислать ему «возможно скорее таблицы для приготовления бронзовых мортир и бомб с показаниями результатов стрельбы, а также таблицы результатов испытания мортир»²⁰. Изготовление новых мортир планировалось сербским правительством для исполнения осадного артиллерийского парка сербской армии. Пожелания сербского князя были переданы в военное министерство. Ответ военного министра Д. А. Милютин не заставил себя долго ждать: 30 января (11 февраля) 1867 г. министерство иностранных дел было уведомлено о высылке таблиц для принятых в русской армии мортир. При этом была выражена уверенность в том, «что в Сербии не затруднятся разобрать русские надписи»²¹.

В мае 1867 г. временный управляющий сербским военным министерством, полковник Ф. Зах сообщил через посредство Н. П. Шишкина просьбу сербского правительства о присылке различных инструментов для сербской армии²². Получив санкцию царя, военное министерство направило в Азиатский департамент МИД России требуемые инструменты, упакованные в пять ящиков, для отправки их в Сербию²³.

Кроме острой нужды во всех видах оружия и снаряжения сербская армия испытывала также недостаток в опытных офицерских кадрах. И по этому поводу князь Михаил и его правительство неоднократно обращались к России²⁴. В мае 1867 г. князь Михаил просил разрешения у русского правительства направить в Петербург одного офицера и двух унтер-офицеров «для обучения электрогальваническим работам, применяемым к инженерному делу»²⁵. Затем последовала просьба разрешить приезд трем сербским кавалерийским офицерам на лагерные сборы в Красное село²⁶. 20 июня (1 июля) 1867 г. Д. А. Милютин в секретном отношении к директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухову сообщил о высочайшем разрешении на приезд «одного офицера и двух унтер-офицеров сербского инженерного корпуса в Петергоф для изучения там в Северном лагере минного дела»²⁷. Следует отметить, что расходы по пребыванию

¹⁹ Там же, с. 490.

²⁰ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 3, л. 1.

²¹ Там же, л. 3.

²² Там же, л. 11.

²³ Там же, л. 12.

²⁴ С. А. Н и к и т и н. Дипломатические отношения России..., с. 285.

²⁵ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 3, л. 15.

²⁶ Там же, л. 17, телеграмма Шишкина от 1 (13) июня 1867 г.

²⁷ Там же, л. 29.

представителей сербской армии в саперном лагере оплачивались министерством иностранных дел России ²⁸.

С целью определения уровня военной подготовки и состояния сербской армии князь Михаил в начале 1867 г. обратился с просьбой в русское военное министерство прислать в Сербию несколько опытных русских офицеров. В ответ на это в Сербию была послана специальная военная комиссия в составе полковника генерального штаба профессора Леера, инженер-полковника Постельникова и гвардии капитана артиллерии Н. А. Снесарева ²⁹.

Русские офицеры в Сербии ознакомились с состоянием сербской армии, разработали планы ее вооружения и усовершенствования ее структуры с учетом готовящейся войны, занимались непосредственным обучением сербских войск. В конце июля 1867 г. сербское правительство поручило полковнику Постельникову провести учебную осаду Белградской крепости ³⁰.

Русские военные специалисты представили сербскому правительству специальные доклады, в которых подробно изложили свое мнение по интересующим сербское правительство вопросам.

Н. А. Снесарев в своей памятной записке отмечал, что кадровая сербская артиллерия состояла из 24 полевых и 18 горных орудий и насчитывала 658 чел. и 419 лошадей ³¹. Орудия сербского производства в целом уступали по меткости стрельбы русским, подготовка кадровых артиллерийских офицеров была в основном удовлетворительной ³². Для обеспечения действий народного войска и славянского ополчения соседних с Сербией областей Турецкой империи, по оценке Н. А. Снесарева, было необходимо иметь артиллерию в составе 300 орудий (горных, полевых, осадных и крепостных). Предполагалось создать 28 пехих и кавалерийских батарей (112 орудий) ³³. Такая артиллерия, отмечал Снесарев, «представляет собой весьма сложное хозяйство, справиться с которым возможно лишь при систематических организации и администрации. Между тем в сербском военном министерстве этого рода вопросы совершенно не тронуты...» ³⁴. Нарезных орудий в сербской армии было достаточно, но для полного укомплектования 28 батарей (изготовление передков, зарядных ящиков и т. д.) Крагуевацкому арсеналу нужно было работать четыре месяца. Кроме этого следовало приобрести 261 артиллерийскую повозку.

Очень плохо обстояло дело в сербской артиллерии с изготовлением снарядов. Гранатные ударные трубки ввозились из Пруссии по 2 тыс. штук в месяц. По мнению Н. А. Снесарева было необходимо получить из России оборудование и развернуть в Сербии производство гранатных трубок. На первый случай предполагалось ввезти из России 33 610 фрикционных трубок. Для нужд сербской артиллерии было необходимо также закупить 2540 лошадей.

Остро ощущалась нехватка офицерских кадров. Помимо 54 имевшихся в наличии необходимо было подготовить еще 90 офицеров ³⁵.

В сербской армии имелось около 70 тыс. русских, австрийских и бельгийских ружей; ожидалось прибытие закупленных в Австрии и США —

²⁸ Там же, л. 43. Азиатский департамент выделил на эти цели 150 р.

²⁹ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России..., с. 285; Г. Яковлев, В. Вучкович. Там же, с. 381.

³⁰ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России..., с. 285—286.

³¹ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 1, л. 17, 37.

³² Там же, л. 10.

³³ Там же, л. 17, 19.

³⁴ Там же, л. 17, 18.

³⁵ Там же, л. 34, 35.

25 тыс. ружей³⁶. Этого количества, по оценке Снесарева, должно было хватить для вооружения народного войска. Но для вооружения повстанцев в соседних областях Османской империи требовалось еще большое количество ружей, которые планировалось получить из России³⁷. Не хватало в сербской армии и патронов³⁸.

По расчетам Снесарева при условии напряженной работы все недостающее снаряжение могло быть изготовлено к 1 января 1868 г.³⁹ Однако, подчеркивал Снесарев, все это возможно только в том случае, если основания, изложенные в его записке, «будут разделены сербским правительством»⁴⁰. Учитывая нежелание настроенного австрофильски сербского военного министра М. П. Блазнаваца вести активную подготовку к войне, эта оговорка Снесарева имела недвусмысленное значение.

Тяжелое впечатление производило состояние сербской армии и на других русских офицеров. В своем письме Д. А. Милютину вскоре после приезда в Сербию полковник Постельников отмечал недостаток в сербской армии офицеров, медицинского персонала, провианта, обозов, лошадей и фуража. «Только самые благоприятные политические обстоятельства, — писал он, — истощение и деморализация турок, значительные денежные субсидии, энергичное развитие военных сил и прилив дельных русских офицеров — могут приготовить к сентябрю восстание»⁴¹.

Все русские офицеры были единодушны в том, что предстояло еще много сделать, чтобы Сербия подготовилась к войне с Османской империей.

Как же реагировало сербское правительство на эту оценку? Премьер-министр и министр иностранных дел И. Гарашанин, наиболее последовательный сторонник войны с Портой, в июне 1867 г. направил Н. П. Шишкину, находившемуся в это время в Петербурге, частное письмо, в котором не скрывал своего беспокойства по поводу состояния сербских вооруженных сил⁴². «Все три русских офицера сказали нам единогласно, — констатировал он, — что нам нужно иметь 200 000 ружей». Он сообщал также, что Сербия закупила в Америке 25 000 ружей, но этого явно недостаточно. «Кроме России, — писал глава сербского правительства, — от кого еще могли бы мы получить столько оружия? Но не думайте, дорогой друг, — продолжал он, — что я смогу просить все то количество, которое просили Ваши офицеры. Ныне я дерзаю умолять лишь о половине, и буду счастлив, если бы это получить»⁴³.

По указанию князя Михаила Гарашанин официально обратился с просьбой о помощи оружием в Петербург. Его весьма тревожила возможность отказа и он умолял Шишкина посодействовать перед русским царем благоприятному для Сербии решению вопроса. «Дело это несравненно важнее всех прочих, — писал сербский министр, — тем более, что в случае отказа мы не имеем к кому обратиться с нашим ходатайством. Мы не стали бы теперь просить, если бы могли где-нибудь достать 100 000 ружей»⁴⁴. Сербия была согласна на все условия, которые могло поставить императорское правительство. В надежде, что «просьба будет хотя бы в какой-то мере

³⁶ Там же, л. 38.

³⁷ Там же, л. 36.

³⁸ Там же, л. 40.

³⁹ Там же, л. 22, 42.

⁴⁰ Там же, л. 10.

⁴¹ Цит. по: С. А. Н и к и т и н. Дипломатические отношения России..., с. 286.

⁴² АВПр, ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 4—7, И. Гарашанин — Н. П. Шишкину. Частное письмо, перевод с сербского, Белград 17 (29) июня 1867 г. Примечание: В этом деле содержатся документы за 1866—1869 гг.

⁴³ Там же, л. 4.

⁴⁴ Там же, л. 4.

уважена», Гарашанин направил в Россию своего эmissара А. Николича, который занимался доставкой русского оружия в Сербию в 1862—1863 гг.

Сообщая о приготовлениях к отъезду русских офицеров на родину, Гарашанин просил продлить пребывание Снесарева в Сербии, так как «он один только и может быть необходимым толмачом между нашим военным министром и всеми нами остальными»⁴⁵. По мнению сербского премьер-министра, желательно было иметь еще двух-трех русских офицеров в Сербии⁴⁶. Эти и другие настоятельные просьбы Гарашанина отнюдь не случайны. Серьезные разногласия, существовавшие между ним и военным министром Блазнавацем, который не очень спешил с военной подготовкой, вынуждали Гарашанина искать поддержки у русских офицеров.

Русская дипломатия, видя военную неподготовленность Сербии, советовала белградскому правительству воздерживаться от преждевременных выступлений. Руководители внешней политики Сербского княжества вынуждены были считаться с этими советами. По этому поводу Гарашанин писал в письме Шишкину следующее: «г. Троянский⁴⁷ прочел мне ваше интересное письмо, много Вам благодарен за Ваш дружеский труд и за точные объяснения. Тяжело слушать внушения, что о е щ е н е в р е м я (подчеркнуто в тексте. — А. К.), а, может быть, я и не стал бы их слушать, да беда наша в том, что нам единогласно сказали Леер, Постельников и Снесарев. Им должно верить, потому что ими руководит не политика, а истинные доказательства, правда, что при таком положении нельзя думать о войне»⁴⁸.

Князь Михаил разделял взгляды своего премьер-министра. В письме Гарашанину от 25 июня (1 июля) 1867 г. он коснулся ряда важнейших вопросов в связи с подготовкой Сербии к войне. «Не подлежит никакому сомнению, — писал он, — что мы имеем мало оружия для того великого предприятия, которое мы готовим, и это только тогда стало бы видно во всей полноте, когда мы вступили бы в борьбу»⁴⁹. Князь далее касается вопроса о доставке оружия из России через Румынию, говорит о том, что следует предложить Н. А. Снесареву пост командующего артиллерией в Сербии и высказывает свое мнение по поводу предложения Леера о приглашении в сербскую армию иностранного офицера в чине генерала⁵⁰.

Русское правительство незамедлительно рассмотрело просьбу Сербии о поставках ей оружия. Вскоре последовало и разрешение царя на предоставление Сербии 100 000 ружей. Через русского консула в Белграде сербское правительство было уведомлено министерством иностранных дел России о том, что до 80 000 гладкоствольных ружей и 20 000 патронташей будет приготовлено для отправки в Сербию в Петербурге; 12 000 гладкоствольных ружей, 2000 сабель и снарядные трубки — в Николаеве и Одессе⁵¹.

⁴⁵ Там же, д. 4, л. 5. (Эти слова подчеркнуты в тексте. — А. К.)

⁴⁶ Там же, л. 6.

⁴⁷ А. С. Троянский исполнял обязанности управляющего русским генеральным консульством в Белграде.

⁴⁸ Там же, л. 7.

⁴⁹ См. Г. Я к ш и њ, В. В у ч к о в и њ. Там же, Прилози, с. 508.

⁵⁰ Там же, с. 508, 509. В 1867 г. в Сербии был принят закон о приеме на службу иностранных офицеров, при этом рассчитывали прежде всего на офицеров австрийской армии — сербов по национальности. Некоторые из них действительно перешли на сербскую службу, но число их было невелико. (Сл. Ј о в а н о в и њ. Там же, с. 285.)

Горчаков считал полезным «послать в Сербию лицо из наших отставных военных, способных занять должность военного министра или начальника Главного штаба», если князь Михаил будет об этом просить. (АВПР, ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 10.)

⁵¹ АВПР, ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 13, телеграмма Азиатского департамента МИД Шишкину от 15(27) июля 1867 г. Якшич и Вучкович в своем исследовании утверждают, что посланный в Россию А. Николич вернулся в августе 1867 г. в Сербию и сообщил, что будто бы Россия воздерживается от уступки оружия из-за возможных международных осложнений; «но все же сербское правительство может изучить воз-

Это известие было принято Гарашаниным с «чувством живейшей признательности», как сообщал в своем донесении из Белграда А. С. Троянский⁵². Однако при этом Гарашанин не скрыл своего сожаления по поводу того, что русское правительство из-за ограниченных запасов оружия может выделить для Сербии лишь гладкоствольные ружья, основные запасы которых находятся на севере России, что осложняет их доставку в Сербию. По этой причине Гарашанин не решился принять окончательное решение о путях доставки оружия из России в Сербию до возвращения князя Михаила в Белград (князь в это время находился на отдыхе в Австрии).

Сербский уполномоченный в Петербурге А. Николич предложил два варианта доставки ружей из России в Сербию: 1) из Кронштадта или Риги в Гамбург, откуда можно было переправить это оружие в Сербию через посредство уже имеющихся для этой цели торговых домов; 2) из Херсона или другого порта на Черном или Азовском морях на торговом судне, зафрахтованном с грузом соли для Сербии из Константинополя⁵³. Со стороны МИД России эти предложения Николича не встретили возражений.

Большую тревогу вызвала у русских дипломатов идея Гарашанина о транспортировке оружия через Румынию. Шум, поднятый западными державами, узнавшими о транспортировке русского оружия для Сербии в 1862 г. по румынской территории, заставлял русское правительство быть весьма осмотрительным. И теперь не было никаких гарантий, что удастся избежать огласки. Русское правительство опасалось любой компрометации России в это время. Поэтому Азиатский департамент МИД советовал довести до сведения румынского правительства, «что ходатайство Сербии о продаже оружия из России не имело успеха»⁵⁴.

Сербский дипломатический представитель в Румынии К. Магазинович предложил перевезти оружие из Одессы в Сербию на греческих каботажных судах, прибывающих каждый год из Средиземного моря в Дунай за грузом. Эта идея была поддержана русским консулом в Бухаресте Оффенбергом⁵⁵. И. Гарашанин склонялся к транспортировке оружия через Румынию. Этот путь был кратчайшим и имел еще то преимущество, что позволял миновать турецкие и австрийские кордоны, где оружие могло быть задержано. Но ему приходилось считаться с опасениями русского правительства. В конце концов Гарашанину пришлось отказаться от своего плана. В то же время он проявлял нерешительность и в отношении принятия плана Магазиновича, полагая, что перевозка оружия из северных складов в черноморские порты будет слишком обременительной для русского правительства, «и без того делающего большие пожертвования для Сербии»⁵⁶. Русское правительство, опасаясь, что нерешительность Сербии приведет к тому, что оружие не будет доставлено в 1867 г. в связи с приближением зимы, решило взять инициативу в свои руки и подготовить выделенное Сербии оружие, находившееся на юге России, к отправке в Сербию.

возможности тайной транспортировки оружия». (Г. Я к ш и ђ, В. В у ч к о в и ђ. Там же, с. 382—383.) Никаких сведений о дальнейшем ходе событий не сообщается. Между тем, в упомянутой выше телеграмме Азиатского департамента МИД Н. П. Шишкину от 15(27) июля 1867 г. содержится прямое указание на то, что А. Николичу было сообщено о передаче оружия для Сербии. В телеграмме предписывалось Шишкину «передать Гарашанину от Николича» об уступке Сербии около 92 тыс. ружей, 20 000 патронгашей, сабель, ударных трубок к снарядам, а также содержалась просьба к Гарашанину назначить в Гамбурге торговый дом для посредничества в перевозке

⁵² АВПР, ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 30, донесение Троянского от 26 июля (7 августа) 1867 г.

⁵³ Там же, л. 8.

⁵⁴ Там же, л. 22, телеграмма от 21 июня (2 августа) 1867 г. в Белград.

⁵⁵ Там же, л. 22, 23.

⁵⁶ Там же, л. 31.

В связи с этим директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов в телеграмме Троянскому от 12 (24) августа 1867 г. писал следующее: «Хотя Гарашанин весьма основательно решил оставить окончательное решение вопроса о перевозке оружия, тем не менее, дабы не упустить времени, военное министерство полагает нужным отправить доверенное лицо в Киев для принятия имеющихся там ружей для упаковки их в ящики и отправки в Одессу»⁵⁷.

Для решения сложных вопросов, связанных с доставкой оружия, русское правительство, в связи с отъездом Николича, считало целесообразным командировать из Сербии в Россию «надежное лицо, которое, не имея никакого официального характера, было бы облечено доверием сербского правительства»⁵⁸. Гарашанин с удовольствием принял это предложение как вполне отвечающее желаниям сербского правительства и заявил, что направит в Петербург одного или двух доверенных агентов.

Русское правительство, предлагая Сербии прислать своих уполномоченных, преследовало цель не только оказать помощь Сербии, но и избежать возможных международных осложнений. «Пребывание в России этих доверенных агентов, оказывая действительную пользу Сербии, — отмечал Горчаков, — предупредит всякую вредную огласку и снимет с нас всякую ответственность»⁵⁹.

Вскоре Гарашанин попросил русское правительство перевезти ружья из Киева не в Одессу, а в Николаев, куда он готов был отправить своего агента⁶⁰. Российское военное министерство развернуло энергичную деятельность по приготовлению ружей к отправке в Сербию. Уже в конце августа 1867 г. директору Азиатского департамента МИД было сообщено, что в Николаеве имеется около 8000 гладкоствольных ружей с принадлежностями, которые приказано упаковать со всевозможной поспешностью⁶¹. Из Киева в Николаев было направлено 24 тыс. гладкоствольных ружей с принадлежностями⁶².

В связи с приближением зимы и скорым прекращением навигации возник вопрос, что делать с уступленными Сербии 80 тыс. ружей, которые находились на севере России. В ответ на запрос министерства иностранных дел России сербское правительство выразило пожелание, чтобы эти ружья временно хранились в Петербурге и Риге и обещало, что они будут «ввезены в Сербию несмотря ни на какие затруднения...»⁶³. Кроме того, Сербия просила переделать в нарезные 21 000 ружей, из числа тех, которые находились в Николаеве, за ее счет⁶⁴. Военное министерство отвечало, что подобная операция потребует очень много времени, так как оружейные мастерские в Николаеве не в состоянии выполнить такую работу. Нарезку старых ружей нельзя было провести скрытно, это неизбежно бы вызвало нежелательную огласку. Однако, стремясь удовлетворить просьбу сербского правительства, военный министр отдал распоряжение упаковать 14 500 нарезных пехотных и драгунских ружей с принадлежностями и отправить в Николаев. Одновременно Сербии передавалось 3 млн чашечек к 7 линейным пулям Минье. В Петербурге и Риге приступили к упаковке

⁵⁷ Там же, л. 42.

⁵⁸ Там же, л. 29.

⁵⁹ Там же, л. 29. депеша Горчакова от 27 июля (8 августа) 1867 г.

⁶⁰ Там же, л. 44, телеграмма Троянского из Белграда 22 августа (3 сентября) 1867 г.

⁶¹ Там же, л. 46. А. А. Баренцов — П. Н. Стремоухову 31 августа (12 сентября) 1867 г.

⁶² Там же, л. 52.

⁶³ Там же, л. 47, 55.

⁶⁴ Там же, л. 55.

53 500 гладкоствольных ружей, «чтобы они могли быть отправлены по назначению по первому требованию сербского правительства»⁶⁵.

Всего в Николаеве было сосредоточено 46 500 ружей для Сербии, а в Петербурге и Риге — 80 000. Это оружие было уступлено Сербии безвозмездно. Сербское правительство должно было оплатить только перевозку оружия по территории России и за ее пределами⁶⁶.

В 1867 г. из общего количества 125 500 ружей Сербии удалось вывезти только около 20 000 ружей. Документы министерства иностранных дел России позволяют выяснить некоторые причины такого положения дел. Определенную роль в этом сыграло изменение общей политической ситуации в Европе, в частности, сближение позиций Австрии и Франции по восточному вопросу. В специальной депеше МИД по поводу перевозки оружия из Петербурга в Гамбург для дальнейшей транспортировки в Сербию Шишкину было поручено передать Гарашанину, что по мнению Азиатского департамента МИД оружие следует оставить в Гамбурге до удобного времени или вообще не отправлять его из России, так как при «теперешних политических обстоятельствах ружья будут неизбежно задержаны Австрией». В депеше подчеркивалось, что для успешной доставки ружей из Николаева надо соблюдать особую осторожность⁶⁷. Очевидно, русская дипломатия имела в виду изменение позиции Австрии по отношению к Сербии после Зальцбургского свидания Наполеона III с Францом-Иосифом.

Тем не менее сербское правительство вывезло из России в ноябре 1867 г. при посредничестве торгового дома Шейман и Шпигель около 20 тыс. ружей⁶⁸. Однако главной причиной того, что большая часть оружия в то время не была вывезена из России, является охлаждение в русско-сербских отношениях в конце 1867 г.

Русская помощь в деле оснащения сербской армии не ограничивалась только поставками стрелкового оружия. Военный министр Сербии М. Блазнавац просил выделить для сербской армии сабли, патронные сумки, седла и ударные трубки к снарядам⁶⁹. В августе 1867 г. из Одессы при посредничестве болгарского купца Н. М. Тошкова в Сербию было отправлено 3000 кавалерийских сабель и 2000 ударных трубок для артиллерийских снарядов⁷⁰. Несколько позже тем же путем отправили 50 тыс. фрикционных трубок для сербской артиллерии⁷¹. По каналам МИД были посланы в качестве образца артиллерийский хомут, применяемый в русской армии, и 40 ударных трубок к снарядам, а также 4000 капсюлей к ударным трубкам и инструменты для их изготовления⁷².

Сербии было безвозмездно передано 28 000 патронташей, с которых предварительно были удалены знаки принадлежности к русской армии. Эти патронташи и 4069 ударных трубок были переданы сербскому уполномоченному в Петербурге для отправки в Сербию вместе с 20 000 ружей через Гамбург. Однако из-за малой вместимости корабля отправить все оружие и военные материалы не удалось — из 721 ящика было погружено лишь 504⁷³.

⁶⁵ Там же, л. 55. А. А. Баренцов—П. Н. Стремоухову, 29 сентября (11 октября) 1867 г.

⁶⁶ Там же, л. 44.

⁶⁷ Там же, л. 64а, депеша Азиатского департамента Н. П. Шишкину 17 (29) октября 1867 г.

⁶⁸ Там же, л. 76—78.

⁶⁹ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 1, л. 19, письмо М. Блазнаваца от 3(15) июня 1867 г.

⁷⁰ Там же, л. 29, 37, 46; 1866 г., д. 4, л. 25.

⁷¹ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 1, л. 57, 59.

⁷² Там же, л. 28, 49.

⁷³ Там же, л. 67, 68; ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 100, 103.

Россия не только сама снабжала Сербию оружием, но и предоставила ей финансовую помощь для закупки оружия за границей. Еще в 1862 г. Россия предоставила Сербии заем в размере 300 000 дукатов, который мог быть использован при чрезвычайных обстоятельствах (т. е. в случае войны). Эта сумма, не израсходованная в свое время, могла быть использована теперь. Зимой 1866 г. председатель Государственного совета Сербии Й. Маринович, прибывший в Петербург с визитом, от имени сербского правительства обратился к России с просьбой предоставить новый заем. В начале 1867 г. эта просьба была повторена⁷⁴. В конце апреля 1867 г. в Россию был послан полномочный представитель сербского правительства М. Петрониевич для переговоров о заключении займа на сумму в 1 млн дукатов. Несмотря на сложное финансовое положение России Сербии был предоставлен заем в 300 000 дукатов. Князь Михаил выразил свою признательность Горчакову по этому поводу⁷⁵. Эти средства использовались Сербией для подготовки к войне, в первую очередь для приобретения оружия.

Россия оказывала Сербии помощь в закупке оружия в других странах. В мае 1867 г. князь Михаил обратился в МИД России с просьбой о содействии в доставке в Сербию купленных в США 25 000 ружей. Русскому представителю в США Стеклю было дано указание заняться этим вопросом. Выяснилось, что американское правительство не запрещает экспорта оружия и готово устранить препятствия к отправке оружия в Сербию, если таковые возникнут⁷⁶. Но Стекль не смог найти указанную сербским правительством фирму для доставки оружия в Сербию; ему пришлось обратиться к другой компании, которая взялась доставить ружья в Сербию. Сообщая об отправке оружия, Стекль не преминул заметить, что сербы были обмануты, так как проданные им ружья оказались старыми, купленными за несколько лет до этого в Австрии для южан⁷⁷.

Охлаждение в русско-сербских отношениях было связано с усилением влияния Австро-Венгрии в Сербии, внешним проявлением которого явилась отставка сербского премьер-министра И. Гарашанина, выступавшего за активную внешнюю политику и ориентировавшегося на Россию.

В югославской историографии существует точка зрения, согласно которой отставка Гарашанина была связана главным образом с вопросами престолонаследия⁷⁸. Но совершенно очевидно, что это была не единственная и далеко не самая главная причина.

Позиция сербского князя по отношению к Балканскому союзу резко изменилась после свидания Михаила с венгерским премьер-министром Андраши в Иванке (в Словакии) в конце 1867 г. Андраши предложил князю Михаилу свое содействие в получении Сербией мирным путем Боснии и Герцеговины. За эту услугу Сербское княжество должно было отказаться от сотрудничества с Россией⁷⁹. Вскоре после возвращения в Белград князь Михаил изменил свое отношение к русским офицерам, которым он незадолго до этого предлагал высокие командные посты в сербской армии. Князь стал теперь защищать Блазнаваца, оправдывая его медлительность по подготовке Сербии к войне с Портой⁸⁰. Все попытки Снесарева обра-

⁷⁴ Г. Я к ш и њ, В. В у ч к о в и њ. Там же, с. 382.

⁷⁵ Там же, с. 382.

⁷⁶ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 2, л. 1, 2, 5.

⁷⁷ Там же, л. 9.

⁷⁸ Сл. Ј о в а н о в и њ. Там же, с. 482—490.

⁷⁹ Н. П е т р о в и ч. Борьба за освобождение балканских народов от власти Оттоманской империи и сербы австро-венгерской монархии. М., 1974, с. 45—49. Доклад о совокупности научных работ, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук.

⁸⁰ Г. Я к ш и њ, В. В у ч к о в и њ. Там же, с. 403.

тить внимание князя Михаила на проавстрийскую политику, проводимую Блазнавацем, ни к чему не привели⁸¹.

Отставка Гарашанина была истолкована русской дипломатией как проявление отхода Сербии от России, как переориентация ее на Австро-Венгрию. Это незамедлительно сказалось на русской помощи Сербии. В конце декабря 1867 г. Россия, выплатив Сербии второй взнос в счет предоставленного займа (100 000 дукатов), заморозила оставшуюся сумму. Из 300 000 дукатов русского займа было выплачено 200 000⁸². Сразу же изменилось и отношение русского правительства к Сербии в вопросе о снабжении ее оружием. Русское военное министерство в сентябре 1867 г. поставило Сербии 50 000 капсюлей для ударных трубок к снарядам, изготовлявшимся в Крагуеваце⁸³. 35 000 капсюлей из этого количества должны были быть посланы по каналам МИД России. Русский консул в Белграде получил первые три ящика с капсюлями и сразу же передал их сербскому правительству, о чем и сообщил в МИД⁸⁴. Но когда вслед за этим Шишкин получил очередные пять ящиков с капсюлями, то он решил, сообразуясь с содержанием полученных им общих политических наставлений из Петербурга, воздержаться от передачи капсюлей сербскому правительству⁸⁵.

В ответной депеше Азиатского департамента МИД говорилось, что посылку следует передать сербскому правительству, так как русское правительство не имеет намерения удерживать того, что уже было обещано сербам⁸⁶.

С начала 1868 г. четко прослеживается курс русского правительства на свертывание военной помощи Сербии, что отражало изменение отношений между Россией и Сербией в целом. Когда в апреле 1868 г. одесский генерал-губернатор Коцебу запросил разрешения отправить в Сербию 34 ящика с оружием из запасов, хранившихся в Николаеве, министерство иностранных дел по согласованию с военным министерством заявило, что «следует воздержаться от отправления в Сербию каких-либо военных принадлежностей»⁸⁷. Русские офицеры, находившиеся в Сербии, были отозваны в Россию.

⁸¹ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России..., с. 287.

⁸² Г. Якшић, В. Вучковић. Там же, с. 439.

⁸³ АВПР, ф. Политотдел, 1867 г., д. 1. л. 70, 74.

⁸⁴ Там же, л. 86, телеграмма Шишкина из Белграда от 11 (23) декабря 1867 г.

⁸⁵ Там же, л. 87, телеграмма Шишкина из Белграда от 27 декабря 1867 г. (8 января 1868 г.)

⁸⁶ Там же, л. 91, циркулярное письмо Азиатского департамента Шишкину 29 января (10 февраля) 1868 г.

⁸⁷ АВПР, ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 2. В советской исторической литературе существует мнение, что 46 500 ружей в Николаеве были якобы подготовлены для передачи болгарам (С. А. Никитин. Очерки по истории южных и западных славян..., с. 172); ег о же. Славянские комитеты в России. М., 1960, с. 154). Между тем это не подтверждается документами МИД России, из которых следует, что сербское правительство не торопилось брать из Николаева обещанное ему в 1867 г. оружие. В 1868 г. поручиком Скалоном по приказанию военного министра и с ведома одесского генерал-губернатора Коцебу был составлен список военных принадлежностей для отправки болгарам. Список был составлен по просьбе одесских болгар, которые взялись доставить оружие в Болгарию. В Николаеве уже началась переупаковка ружей. МИД весьма решительно выступил против подобной операции, полагая, что это неминуемо вызовет нежелательные для России международные осложнения (АВПР, ф. Политотдел, 1866 г., д. 4, л. 3.). В ответ на запрос МИД сербскому правительству относительно того, не оно ли распорядилось о передаче принадлежащего ему оружия в Николаеве болгарам, сербский регент Й. Ристич заявил, что подобных распоряжений сербское правительство не давало. Далее Ристич просил, учитывая невозможность перевозки оружия в Сербию в настоящее время, «хранить это оружие до формальной просьбы княжеского правительства о его пересылке, не придавая значения никаким сторонним заявлениям». (Там же, л. 100, донесение Шишкина из Белграда от 2 (14) июля 1868 г.)

В заключение следует отметить, что русское правительство было заинтересовано в создании Балканского союза, который в тот период отвечал целям России, добивавшейся в первую очередь ликвидации тяжелых последствий Крымской войны. «Единодушное действие всех христиан на Балканском полуострове, — отмечал канцлер Горчаков, — неминуемо ограничивало бы деятельность своекорыстных интриг и происков западных держав, и в то же время служило бы залогом разрешения восточного вопроса в смысле, благоприятном для России»⁸⁸.

Русская военная помощь может служить чутким индикатором сербско-русских политических отношений второй половины 60-х годов прошлого столетия. Россия деятельно помогала Сербии, являвшейся ядром Балканского союза, перевооружать свою армию. Все просьбы сербского правительства удовлетворялись русским военным министерством с максимальной предупредительностью и в кратчайшие сроки. Но как только русское правительство поняло, что сербский князь Михаил начал отходить от первоначальных планов Балканского союза и стал сближаться с Австро-Венгрией, русская военная помощь была приостановлена.

Таким образом, наше исследование показало, что русская военная помощь Сербии в 60-х годах XIX в. в конечном счете была обусловлена внешнеполитической стратегией России после Крымской войны. В тех конкретно-исторических условиях она объективно способствовала укреплению Сербского княжества, что в свою очередь отвечало интересам национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова.

---

⁸⁸ АВПР. Отчет МИД за 1866 г., л. 239.

ВЛАДИМИР МАТУЛА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЛАВЯНСТВЕ* И КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ Я. КОЛЛАРА и Л. ШТУРА

Проблема славянской взаимности (теоретические концепции славянской общности и культурно-политические программы единения или же сотрудничества славянских народов) издавна принадлежит к ключевым проблемам мировой славистики. Она не утратила своего актуального научного значения по сей день, о чем свидетельствуют многочисленные новые научные исследования, а также то видное место, которое эта проблематика постоянно занимает на международных съездах славистов.

Весьма значительная по объему, пестрая по идейным и методологическим установкам, предшествующая специальная литература собрала ценный фактографический материал, позволяющий проводить необходимые сравнительно-исторические и типологические исследования, формулировать выводы и оценки, которые способствуют пониманию всеобщих закономерностей и специфических черт славянских концепций и программ, их места в истории отдельных славянских наций.

Современная марксистская историография связывает развитие идей славянской взаимности, формирование и эволюцию различных ее концепций с объективным историческим процессом перехода от феодализма к капитализму и формирования буржуазных наций в славянских странах, с нуждами их различных социальных слоев. Естественно, она принимает во внимание и влияние внешних факторов общественно-политического и идеологического характера. Одним из них являлось, например, воздействие идей итальянского и немецкого национально-освободительного движения. Важным внешним импульсом были и националистические притязания немецкой буржуазии и венгерского дворянства на укрепление своего господства над славянскими народами. Идея славянского единства направлялась прежде всего против них и при общей политической слабости славянских национально-освободительных движений играла чрезвычайно важную оборонительную и мобилизующую роль. Сторонников идеи славянской взаимности воодушевляло существование сильного славянского государства — России; победа русской армии над Наполеоном усилила веру славянских национальных деятелей в возможность завоевать общими силами национальную свободу и занять достойное место среди остальных наций¹.

* Автор статьи различает понятия «славянство» и «славянская взаимность». «Славянство», в его понимании, — объективно существующая совокупность славянских народов. Это понятие в отличие от понятия «славянская взаимность» не имеет никакого идеологического аспекта

¹ И. И. Лещилова. Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века. «Вопросы истории», 1976, № 12, с. 77.

Развитию этой идеи вообще, и особенно в чешском и тесно связанном с ним словацком национальном возрождении, значительно способствовала обширная научная деятельность в области славистики Й. Добровского, Й. Юнгмана, П. Й. Шафарика и др. Идеологическую поддержку представления о славянстве нашли и в гуманистической историко-философской концепции И. Г. Гердера, главным образом в его широко известной главе о славянах в сочинении «Идеи философии истории человечества». Все упомянутые выше обстоятельства отразились в полной мере прежде всего в хорошо разработанной концепции о славянской взаимности в поэтическом и публицистическом творчестве Я. Коллара.

Коллар создал первую целенаправленную теоретическую концепцию славянской общности и конкретную программу духовного единения славянских народов. Ее ядром является понимание славянства как единого целого — «славянской нации», которое выкристаллизовалось уже в начале 20-х годов XIX в. в его проповеди «Положительные качества славянского народа» (1822 г.), а годом позже нашло отражение в Предисловии к первому тому сборника «Песни светские народа словацкого в Венгрии» (1823), изданного совместно с Шафариком. Формулируя в упомянутой проповеди свое известное определение нации как общества людей, объединенных общим языком, одинаковыми нравами и обычаями², Коллар переносит это определение на «народ славов, или славян», который обитает в 15 странах и насчитывает свыше 15 миллионов человек, говорит о характерных духовных чертах («положительных качествах») его³ и предсказывает ему славное будущее в развитии человечества. В предисловии к сборнику словацких песен он сформулировал основные положения своих представлений о славянстве, высказал свои теоретические взгляды на его внутреннюю структуру. Констатируя «многоязычие», большое различие языков и диалектов «славянского народа» и считая его одним из наибольших препятствий на пути дальнейшего культурного развития, Коллар высказал свое суждение, от которого потом никогда не отступал, о необходимости приостановления процесса дальнейшего дробления «славянского народа» и его постепенного сплочения в единое целое. «Здесь, — писал Коллар, — для нас жертва любого из наречий не должна быть тяжелой утратой, ибо потеряй малого мы можем извлечь большую выгоду»⁴. Он предложил свое принципиальное решение вопроса о языковом и литературном единстве чехов и словаков и сформулировал свою концепцию «чехословацкого племени», в основе которой лежало его глубоко скептическое убеждение в невозможности и бесперспективности развития самостоятельного словацкого языка и литературы в существующих исторических условиях неразвитости словацкой национальной жизни и растущего национального гнета. Мнение это очень субъективно, но Коллар никогда ему не изменил, хотя оно со временем все больше вступало в противоречие с фактическим ходом развития славянских наций и их стремлением к национальной самобытности. Что касается исторической тенденции развития славянства, то, наоборот, он верил в постепенное исчезновение «племенных» различий и с радостью уже отмечал, как «части начинают отождествляться с целым, их различия и признаки исчезают, скоро может быть побледнеют и исчезнут последние их следы»⁵. Позднее,

² J. K o l l á r. Nedělní, sváteční a příležitostní kázně a řeči. I. Pešť, 1831, s. 499. Коллар позднее эти определения дословно повторил в своем трактате «О литературной взаимности».

³ Согласно Коллару это — религиозность, трудолюбие, невинная веселость, любовь к своему языку и терпимость к другим народам.

⁴ «Pisně světské lidu slovenského v Uhřích. Sebrané a vydané od P. J. Šafaříka, J. Vlahoslava a jiných», I. Pešť, 1823, s. XVI.

⁵ Ibid., c. XXVI.

в середине тридцатых годов, Коллар издал трактат «О литературной взаимности», прославивший его имя во всем славянском мире. Здесь он разработал и обосновал известную четырехплеменную структуру «славянского народа», в значительной мере корректируя свои иллюзорные представления об исчезновении племенных особенностей и сосредотачиваясь на начертании программы славянской культурной взаимности и способов ее осуществления как наиболее надежного средства для предохранения славянства от дальнейшего разделения, для укрепления и развития его единства. Эта программа стала мощным стимулом национального развития славян, в том числе их собственной национальной культуры со всеми присущими ей специфическими чертами, широкого обмена культурными ценностями, взаимного познания и сближения славянских народов. Известно, как много в этой области в Словакии сделало именно молодое поколение словацкой интеллигенции — штуровцев, которые с огромным воодушевлением приняли эту программу и, осуществляя ее, значительно способствовали тому, чтобы словацкая национальная культура не утратила связи с богатой культурой других славянских народов, чтобы в плодотворных контактах с ней она обогащалась, развивалась бы ее национальная самобытность и укреплялся ее демократический характер.

Несмотря на то, что национальная программа Коллара выросла из понимания тяжелого положения и потребностей угнетенного словацкого народа и отвечала в первую очередь его интересам и чаяниям, несмотря на то, что она возникла прежде всего как специфическая форма словацкой национально-оборонительной идеологии, тем не менее она далеко перешагнула границы словацкой и чешской среды. Это произошло, по нашему мнению, не только благодаря ее глубокому гуманизму и свободомыслию, призыву к деятельному патриотизму, но и потому, что она, хотя потенциально и содержала политические тенденции, имела в целом культурно-литературный характер. И в 20-х годах XIX в., когда Коллар в основном сформулировал свою теоретическую концепцию о славянстве, и в первой половине 30-х годов, когда он разработал и конкретные способы и путь реализации славянской взаимности, в целом она соответствовала ступени развития национально-освободительных движений славянских народов габсбургской монархии и его ярко выраженному языковому характеру. Гармоничное, но довольно абстрактное представление Коллара о славянском единстве во главе с Россией могло приобрести поэтому такое действительно универсальное значение, его серьезно не нарушали поэтому ни реально существующие различия между отдельными славянскими народами, ни противоречия между их политическими стремлениями, ни углубляющаяся дифференциация в славянском мире. Колларовская концепция смогла даже преодолеть и серьезный кризис, вызванный подавлением царскими войсками польского восстания 1830—1831 гг., правда благодаря прежде всего молодому поколению революционно-демократически настроенных словацких патриотов, которые придали ей ясно выраженный полонифильский акцент и укрепили ее своими представлениями о революционном сотрудничестве славянских народов в духе традиций русских декабристов и польских повстанцев.

Но по мере дальнейшего развития национально-освободительного движения отдельных славянских народов концепция Коллара становилась все более проблематичной. Нам кажется вполне закономерным, что концепция Коллара, точнее ее метафизическая схема четырехплеменной структуры «славянского народа», вступала в конфликт с действительностью прежде всего в Словакии. Ведь именно рост словацкого национального самосознания, как самого выразительного компонента процесса формирования нации, никак не мог быть втиснут в узкие рам-

ки этой схемы, не находил в ней для себя места. Хорошо известно, что естественное языковое развитие в Словакии, которое неуклонно вело к превращению словацкого языка в общенародный литературный язык, сам Коллар стремился предотвратить словакизацией литературного чешского языка, в чем его до поры до времени поддерживали представители молодого штуровского поколения. Мы знаем, что это было в целом бесперспективное стремление не только с точки зрения развития словаков, но и ввиду естественного и принципиального сопротивления со стороны ведущих деятелей чешского национального движения, боровшихся в свою очередь за развитие современного чешского языка, отличающегося от мертвой, используемой словаками «библичности». Но историческое развитие перечеркнуло и другие стороны концепции Коллара, которая в своем первоначальном виде становилась все большим препятствием для дальнейшего развития национального движения.

В то время, когда Коллар издавал свой трактат о славянской взаимности, в Словакии уже поднималось новое, молодое поколение словацкой мелкобуржуазной интеллигенции во главе с Людовитом Штуром, которое постепенно брало на себя роль идеолога и вождя словацкого национально-освободительного движения. И само это движение вступало в свою новую, высшую фазу. Этот переход был обусловлен дальнейшим углублением кризиса феодальной системы в Венгрии, развитием капитализма в социально-экономической сфере, усилением национального гнета, а также назреванием во всей Европе революционной ситуации после французской июльской революции и польского ноябрьского восстания. На развитие словацкого национального движения повлиял и быстрый рост буржуазно-демократических и национально-освободительных идей, которые все более проникали в Словакию, где находили благодатную почву особенно среди штуровской молодежи. На характере новой фазы словацкого национального движения в значительной степени сказалось установление его организаторами с середины 30-х годов прямых контактов с политически намного более зрелым венским славянским демократическим студенческим обществом, связанным с польским революционным движением. Эти связи и сотрудничество способствовали не только углублению национально-просветительской работы прогрессивной словацкой молодежи, но и совершенствованию и радикализации ее общественно-политических взглядов.

Органической составной частью взглядов поколения штуровцев стала и идея славянской взаимности, которую оно с самого начала восторженно воспринимало из сочинений Я. Коллара, П. Й. Шафарика, Я. Голлого и других видных представителей чешского и словацкого национального движения. Колларовская «Всеславия» в середине 30-х годов была для молодых словаков главной целью их национальных стремлений и чаяний⁶. Но одновременно они придавали национальной программе Коллара качественно новые черты, включали ее в совершенно новый, не присущий ей контекст. Прежде всего они сознательно преодолевали легитимизм и аполитичность программы Я. Коллара. Об этом свидетельствует вся их деятельность в словацком национальном движении, характер их целенаправленного сотрудничества, особенно с патриотической молодежью других

⁶ «Всеславия — лозунг наш, ей посвятим все время, все силы жизни», — писал Л. Штур Ф. Палацкому в конце 1836 г. («Listy Ľ. Štúra», t. I. Bratislava, 1954, s. 48). «Всеславию» — дорогую отчизну всех славян, единство которых не могут нарушить «ни границы — творение вражеских рук», ни различия в вероисповедании и государственные порядки, воспевал Штур вполне в духе певца «Дочери Славы» в стихотворении 1836 г. «Где пенится Адриатика» (Ľ. Š t ů r. Básne. Dielo v piatich zväzkoch. Zv. 4. Bratislava, 1959, s. 11)

славянских народов, и ясно сформулированные политические цели этого сотрудничества⁷. Колларовская взаимность как программа словацкого и славянского национального возрождения не принимала во внимание широкие народные массы. Ее благородная, но весьма общая идея человечности не опиралась на реальные социальные силы, ее автор рассчитывал только на сторонников движения литературной взаимности, и то лишь из числа образованных. Л. Штур и его соратники с самого начала сознательно выходили за эти определенные Колларом узкие общественные рамки. Их отчетливая ориентация на народ, на его потребности и интересы постепенно все больше углублялась. Активизация широких народных масс, их органическое включение в национальное движение стали одной из главных целей и стремлений штуровцев.

Восторженное принятие молодым поколением словацкой интеллигенции идеи славянской взаимности и колларовской «Всеславии» было на этой ступени развития словацкого национально-освободительного движения вполне естественным. Ведь сознание общей славянской родины и языкового родства играло очень важную роль в историческом развитии национального самосознания словаков задолго до Коллара, а представление о принадлежности словаков к общему «славянскому народу» «*patio slavica*» составляло основную черту идеологии словацких деятелей в эпоху феодализма⁸. На этой широкой славянской основе выросла не только концепция Коллара. Еще до него и параллельно с ним предпринимались попытки формирования концепции особого «словацкого племени», отличавшегося от всех остальных славянских народов. Это нашло свое выражение не только в разработанных Бернолаком языковых формах, пропагандировавшихся с конца XVIII в. в литературных произведениях его многочисленных приверженцев и прежде всего в национально-патриотической поэзии Я. Голлого, но и в довольно распространенных взглядах на самостоятельное положение словаков в семье славянских народов. Как же Молодая Словакия, которая сразу же после своего рождения вместе с колларовской теорией единого «чехословацкого племени» славянской «нации» получила в приданое и серьезное наследство в виде растущего словацкого самосознания, подкрепляемого аргументацией «словацкой племенной самобытности» в произведениях А. Бернолака, Я. Голлого и П. Й. Шафарика⁹, искала свое место между этими двумя полюсами развивающегося национального самосознания вплоть до их синтезирования в буржуазной словацкой национальной идеологии 40-х годов XIX в.? Мы не должны забывать, что развитие концепции славянской взаимности, которая в этот период была не только программой сотрудничества славянских наций, но и важной составной частью формирующейся национальной идеологии, нельзя изучать в отрыве от процесса становления самой национальной идеологии. Это вдвойне относится к изучению и оценке штуровских представлений о славянстве и славянской взаимности, развитие

⁷ Так, например, в письме студенческому обществу загребских семинаристов (весна 1837 г.), которое является одним из важнейших программных документов Молодой Словакии, они откровенно писали, что необходимо целенаправленно возвращать славянскую взаимность в литературе, но придет время, когда славяне объединятся и в политическом отношении. Текст письма в «*Listář Spolku Učenců řeči českoslovanské od r. 1835/1836-ho. Díl první. Listy od Společnosti psané, č. XXVI. Литературный архив Словацкой Матцы в Мартине (LAMS), ф. М 47 А, д. 42.*

⁸ J. T i b e n s k ý. *Predstavy o Slovanstve na Slovensku v. 17. a 18. storočí.* «*Historický časopis*», 1960, № 8, с. 2—3, s. 198—224.

⁹ Сочинение П. Й. Шафарика «*Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*» (1826) было для штуровцев главным источником их знаний о славянском мире.

которой неразрывно связано с ростом стремлений словаков к национальной самобытности.

Молодое поколение словацкой интеллигенции с самого начала своей деятельности попало в водоворот горячих споров о языковом вопросе в словацком национальном движении и вообще о его национальной концепции, которые велись между двумя лагерями (католическим «бернолаковским» и протестантским «колларовским») старшего поколения словацкого национального возрождения. И здесь особенно отчетливо проявилась противоречивость его положения, вытекавшая из идейных основ его национального самосознания и из его позитивного подхода к объективным требованиям развития национального движения, к осуществлению общенационального единства на широкой демократической социальной основе¹⁰. «Мы находимся в настоящем чистилище, — писал уже в начале апреля 1836 г. Л. Штур, — потому что, пользуясь в качестве письменного языка только чешским, мы затрудняем нашему простому народу доступ к чтению, склоняясь же к нашему наречию, мы отторгаемся от чехов»¹¹. Штур в этой исторической дилемме в то время занимал еще компромиссную, выжидательную позицию. Выступая за языковое единство с чехами, он, питая в основном те же иллюзии, что и Коллар, выражал надежду, что чехи пойдут навстречу словакам и в языковом вопросе. С другой стороны, Штур и его соратники стремились преодолеть это противоречие или хотя бы оттеснить его на задний план, подчеркивая «единство духа» как главное связующее звено всех славян. Но это никак не могло остановить рост словацкого национального самосознания у представителей молодого поколения. Наоборот, именно во второй половине 30-х годов XIX в., в связи с растущим сопротивлением социальному и национальному гнету и более сознательной ориентацией на широкие слои словацкого народа еще более ускоряется процесс развития их национального самосознания. Один из ведущих представителей этого поколения Й. М. Гурбан в середине 1838 г. записал в своем дневнике: «Мы должны оберегать свою племенную независимость. Мы — словаки, и только потому и именно потому мы — славяне»¹². Но для того, чтобы из этого осознанного факта можно было сделать необходимые выводы и принять решительные меры для дальнейшего развития национального движения, в то время еще не созрели ни объективные условия, ни, что нам кажется не менее важным, — субъективные предпосылки. Нельзя забывать, что Л. Штур и ряд других ведущих представителей его поколения были тогда двадцатилетними студентами без надлежащей теоретической и особенно лингвистической подготовки, без необходимого авторитета признанных вождей движения, без собственной общественной трибуны и т. д. Поэтому историческое решение о признании словацкого языка общенациональным литературным языком, завершившее процесс развития концепции словацкой «племенной самобытности», было принято только на рубеже 1842 и 1843 годов. Официально же оно стало проводиться два года спустя, в связи с началом издания Штуром «Словацкой национальной газеты» (1845), а его более глубокое теоретическое обоснование и нормативная кодификация были даны только в 1846 г. в сочинениях Штура «Наречие словацкое или необходимость писать на этом наречии» и «Наука словацкого языка». С другой стороны, именно в начале 40-х годов вступили в действие некоторые новые экономи-

¹⁰ Подробнее об этом см. J. B u t v i n. Slovenské národnosťednocovanie hnutie 1780—1848. Bratislava, 1965.

¹¹ См. письмо Л. Штура М. Годже от 4 IV 1836 («Listy Ľ. Štúra», t. I, s. 56). В подобном смысле, еще более подчеркивая конкретную ситуацию в Словакии, он писал в то же время и Ф. Палацкому (Ibid., s. 61).

¹² M. z. B o h u s l a v i c. Zaváté ale nezapomenuté listí. «Sokol», I, 1862, s. 49.

ческие и особенно политические факторы, которые значительно ускорили процесс формирования словацкой буржуазной нации и политической программы словацкого национально-освободительного движения.

Это, в первую очередь, — дальнейшее развитие экономической и общественной жизни, складывание социально-экономической общности как одного из признаков становления буржуазной нации, развитие, которое сделало актуальной необходимостью создание единого общенационального языка. Под напором новой волны мадьяризации в словацком национальном движении значительно усилились объединительные тенденции. В полемической борьбе, которая велась в журналах и брошюрах против теорий мадьяризации, и в процессе подготовки первых словацких петиционных акций завершается формирование основных черт национальной программы общих для обоих течений словацкого движения. После неудачных попыток создать благоприятные условия для беспрепятственного национального развития посредством петиций, адресованных сейму и императору, еще более ясной стала необходимость расширения социальной базы словацкого национально-освободительного движения путем ориентации на народ, что одновременно означало дальнейшую демократизацию движения, которая неизбежно отразилась в его идейных основах и программе. В этой ситуации снова на передний план выдвигается проблема единого общенационального литературного языка. Сделать решительный шаг в вопросе о принятии новой языковой нормы и в выработке основ национальной программы соответствующих требованиям этого нового этапа словацкого национального движения, стало возможно лишь при последовательном осуществлении принципа самобытности «словацкого племени», то есть самобытности словацкой нации. Одновременно с решением вопроса об отношении к чешской нации, к остальным славянским нациям и славянству в целом осуществление этого принципа предполагало и решение другой настоятельной проблемы — отношения к существующему государственному образованию, к Венгерскому королевству, частью которого была Словакия. Последовательное претворение в жизнь принципа самобытности словацкого народа в рамках неизменного постулата о высшем славянском целом, необходимость существования которого у Штура и его приверженцев никогда не вызвала никаких сомнений, было возможно лишь при принципиальной ревизии и перестройке колларовской структуры «славянского народа».

Краеугольным камнем славянской взаимности в понимании Коллара, как мы отмечали, являлись его представления о славянстве как целом, концепция «славянского народа». Структурно это абстрактное целое как замкнутая и неизменная система состояло из четырех одинаково замкнутых подсистем — «племен»: русского, иллирийского, польского и чехословацкого. При этом, как подчеркивал Коллар, отдельные части славянского целого «не должны существовать сами по себе, но общими усилиями создавать великую жизнь: племена должны служить и принадлежать народу, нация — человечеству...»¹³. Осуществление колларовской идеи славянской взаимности неизбежно требовало «объединять малое с большим, племена с народом», и все это ценой «пожертвования частью во имя целого»¹⁴. Идея славянского единства в понимании Коллара несовместима с возможностью дальнейшей дифференциации внутри называемых им племен. Это очень ясно проявилось в его обосновании и защите существования единого «чехословацкого племени», в категорическом отрицании самостоятельного словацкого языка и национальной самобытности словаков. Метафизиче-

¹³ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti. Preložil, štúdiu a poznámky napísal K. Rosenbaum. Bratislava, 1954, s. 147, 177.]

¹⁴ Ibid., s. 178.

ское противоречие между целым и частью Коллар не может решить иначе, как путем подчинения одного другому. Поэтому он жертвует частью и довольствуется представлением об ее репродукции в целом. Вообще при решении вопроса о соотношении частей и целого отчетливо проявилась метафизическая, рационалистическая сторона национальной концепции Коллара¹⁵. Именно ее прежде всего имел в виду Л. Штур, когда при обосновании своей концепции писал, что ничем не помогут всякие формулы, вся сухая теория, когда она оторвана от жизни и вступает с ней в противоречие¹⁶.

Л. Штур приступал к решению этого кардинального вопроса словацкого национального возрождения, имевшего большое значение и для самой концепции славянства и славянской взаимности, не только в новых общественно-политических условиях, но и на более высокой ступени познания словацкой и шире — славянской — действительности, понимания или хотя бы интуитивного осознания прогрессивных тенденций и перспектив ее развития в рамках всемирного исторического прогресса. В этом ему в значительной мере помогли его теоретическая лингвистическая и философско-историческая подготовка, но особенно творческое усвоение гегелевской философии (особенно философии истории) во время двухлетнего обучения в университете в Галле (1838—1840). Эта философия захватила его своей системностью, всеобъемлющим и проникающим во все явления диалектическим методом и своим учением о развитии «всемирного духа» и его конкретизации в истории народа¹⁷. Она, как отмечает его ближайший соратник и первый биограф Й. М. Гурбан, оказала на Штура весьма значительное воздействие¹⁸. Однако противоречивая в своей основе философия Гегеля не менее противоречиво повлияла и на Штура: положительно, — вооружив его диалектическим методом и стимулировав к самостоятельному, творческому решению проблем национально-просветительской практики, открывая перспективы будущего нации, славянства и человечества; отрицательно, — укрепляя в нем идеализм, фидеизм, реакционные взгляды на государство, право и некоторые социальные явления¹⁹.

Ключ к решению вопроса о национальной самостоятельности словаков и ее главного атрибута — словацкого литературного языка и неразрывно связанной с ним проблемы отношения словаков к славянству²⁰ Л. Штур нашел в творчески воспринятой и диалектически разработанной теории «единства в многообразии» как наиболее универсальной формы существования жизни вообще. Эта теория впоследствии красной нитью про-

¹⁵ E. V á r o s s o v á. Slovenské obrodenecké myslenie. Bratislava, 1963, s. 129.

¹⁶ Ľ. S t ú r. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. In: Ľ. S t ú r. Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zv. V. Bratislava, 1957, s. 48.

¹⁷ Вопросом о гегельянстве Штура занималось много авторов. В наше время философские основы концепции Штура с марксистской точки зрения всесторонне и на высоком теоретическом уровне осветила Е. Варошова в ряде статей, в цитированной монографии «Slovenské obrodenecké myslenie» и в соответствующей главе коллективного труда «Prel'ad dejín slovenskej filozofie» (Bratislava, 1965, s. 148—192). Мы будем опираться прежде всего на те ее выводы, которые вполне соответствуют и нашим взглядам на развитие идеи славянской взаимности как составной части национально-освободительного движения в 30—40-е годы XIX в.

¹⁸ J. M. H u r b a n. Ľudovít Stúr. Bratislava, 1959, s. 168 a in.

¹⁹ «Prel'ad dejín slovenskej filozofie...», s. 155.

²⁰ Глубокое осознание этой органической связи Штур очень метко выразил в своем письме М. М. Годже, где он писал, что к кодификации словацкого языка сложились его не какие-то мелочные побуждения, но глубокие размышления о славянстве. Он категорически заявляет: «Если бы не существовало словацкого языка, рухнуло бы и мое понимание славянства» («Listy Ľ. Stúra», t. II. Bratislava, 1956, s. 38). Знаменательно и то, что свое основное сочинение «Словацкое наречие...», в котором всесторонне обосновывалась необходимость кодификации литературного словацкого языка, Штур сам называл «книгой о славянской взаимности».

ходит через все его теоретическое и научное творчество и всю его практическую культурную и политическую деятельность. Штур никогда не отказывался от колларовского представления о «едином славянском народе», который он считал высшим проявлением всеобщности в историческом развитии (развитии «мирового духа» в истории). Единство, так же как и целое, он считал целью развития вообще. Но, в отличие от Коллара, диалектическое понимание соотношения целого и частей помогло ему более глубоко понять процессы интеграции и дифференциации в ходе развития человечества, более отчетливо различать сами понятия «народ», и «племя» и привело его к убеждению, что «славянский народ» «един, но един в многообразии»²¹. При объяснении единства и дифференцированности «славянского народа» Штур исходит из того, что естественной структурой славянства, основой его жизни является его многоплеменность, т. е. существование разных особых славянских племен²², составляющих единое органическое целое. Именно эта многоплеменность «славянского народа» является признаком его великой духовной силы и жизнеспособности, и поэтому ее необходимо всемерно охранять и развивать. Чтобы «славянский народ» исполнил свое предназначение в истории, он должен развиваться так, как формировался, т. е. в виде отдельных племен²³. Тезис о многоплеменности «славянского народа» (в смысле его дифференцированности) и о словацком племени в смысле его национальной индивидуальности как самостоятельной части славянства является ведущей идеей теоретических рассуждений Штура о словаках и славянстве, главным аргументом в борьбе за самостоятельный литературный словацкий язык и новую концепцию о славянстве и славянской взаимности.

Подчеркивание Л. Штуром положения о многоплеменном составе «славянского народа» и самобытности отдельных славянских племен никогда не означало, что он отказался от представления о славянстве как целом. Наоборот, своим диалектическим истолкованием соотношения части и целого, сохранения и приумножения частей их участием в жизни целого и усиления целого этим участием он не только обосновывает существование словацкой и всех славянских наций, но и поднимает на качественно более высокий уровень саму идею единства славян и славянской взаимности. Процесс дифференциации он считает лишь важной фазой и средством более высокой и сознательной интеграции²⁴. Чем больше частей входит в целое, причём каждая часть содействует общему делу, тем более развито это целое и участие частей в работе более сознательно. «Славянская жизнь, — писал Штур, — разветвлена как липа на множестве ветвей, народ един, но един в многообразии, так пусть это многообразие проявляется в единстве и в нашей духовной жизни, пусть наша духовная жизнь строится таким образом, на основе нашей естественной жизнеспособности, которой является племенная разветвленность, и это будет жизнь естественная, построенная на добрых основах, ибо ничто, что могло бы вырасти, не будет удушено, не будет приостановлено в своем развитии»²⁵. Само существование отдельных славянских племен, по мнению Штура, обусловлено, однако, существованием славянского целого.

²¹ Ľ. Štúr. *Narečie slovenské...*, s. 35.

²² В отличие от колларовских четырех племен, Штур считает самобытными славянскими племенами: 1) русских, 2) украинцев (малороссов), 3) болгар, 4) сербов, 5) хорватов, 6) словенцев, 7) поляков, 8) чехов, 9) верхних лужичан, 10) нижних лужичан и 11) словаков («Narečie slovenské...», s. 35, 60 a in.).

²³ *Ibid.*, s. 32, 34.

²⁴ В таком смысле Штур объяснял этот прогресс и в письме И. И. Срезневскому от 18 февраля 1844 г. («Listy Ľ. Štúra», II, s. 35).

²⁵ *Ibid.*, s. 35.

Поэтому и племенная жизнь словаков, равно как и других славянских народов должна быть славянской, должна служить славянской жизни. Племена являют собой не всеобщее, а частное так же, как национальная целостность является лишь частью в отношении к общечеловеческой целостности²⁶. Если какое-нибудь из славянских племен провозгласит себя таким всеобщим и захочет «глаза других племен привлечь только к себе», то оно будет действовать неправильно, в совершенном противоречии с духом славянской взаимности и гуманизма²⁷. В этих замечаниях Штура нашли выражение его растущие опасения в связи с усилением централизаторских тенденций (Штур их называет пагубным «партикуляризмом»), которые с конца 30-х годов проявлялись в чешском национальном движении и отражали стремления чешской либеральной буржуазии добиться гегемонии в политической жизни славян габсбургской монархии в соответствии с политической концепцией австрославизма, а также его недовольство интеграционными тенденциями иллирийского движения.

В связи с этим будет небесполезным сделать несколько замечаний, которые облегчат понимание процесса формирования национальной концепции Штура. Тесное сотрудничество штуровцев с чешским национальным движением было далеко не столь беспроблемным, как может показаться на первый взгляд. В политических планах чешского движения и его представителей как старшего, так и младшего поколения, словаки и их национально-освободительное движение играли важную роль не только в качестве естественного союзника. Контуры чешской программы австрославизма вырисовываются уже на рубеже 30-х—40-х годов XIX в. Чешские австрослависты как представители относительно более зрелого славянского движения в монархии претендовали на право выступать от имени других славянских народов и в духе своей чехословакистской концепции хотели присвоить себе право прямо и непосредственно выражать национальные интересы словаков как части «единой чехословацкой нации». Движение словаков за национальное самоопределение могло серьезно угрожать этой концепции и программе чешских австрославистов не только из-за его приверженности всему славянству и преобладания русофильской ориентации, но особенно из-за стремления решить словацкий национальный вопрос в рамках Венгрии. Это, в свою очередь, могло усилить растущие тенденции дуализма, который представлял смертельную опасность для австрославистской программы чешских политиков²⁸. Существование внутренних противоречий между чешским и словацким национальными движениями обуславливало взаимные опасения и упреки²⁹, но породило и весьма целенаправленные усилия чешских либеральных политиков притормозить в Словакии развитие славянской взаимности с чрезмерным русофильским оттенком, стремление подавить попытки решить словацкий вопрос в рамках Венгрии и привлечь словацких деятелей на сторону своей австрославистской концепции. Это ясно проявилось уже в чешских полемических статьях и брошюрах о защите словаков от мадьяризации в 40-х годах³⁰. Молодые вожди словацкого национального движения во главе с Л. Штуром восторженно приветствовали эту защиту, но одновре-

²⁶ Ibid., s. 53—54.

²⁷ Ibid.

²⁸ J. K o č í. Der Austroslawismus und seine Rolle in der tschechischen Politik.

In: «Ľudovít Štúr und die slawische Wechelseitigkeit», Bratislava, 1969, s. 99—101.

²⁹ Молодые словаков, особенно после встречи с русским славистом О. М. Бодяньским в 1839 г., упрекали в чрезмерных всеславянских несбыточных мечтаниях и русофильстве, в то время как Штур, Гурбан и другие не раз заявляли о том, что чешской национальной жизни не достает «чисто славянского» характера.

³⁰ J. K o č í. Ibid., s. 102-a in.; e g o ж е. Karel Havlíček Borovský a počátky austroslavizmu v Cechách. «Slovánský přehled», 1971, č. 3, s. 191—201.

менно они не могли не заметить в ней упомянутую политическую тенденцию и планы, которые совсем не отвечали представлениям и целям штуровцев. В начале 1846 г. их опасения подтвердил К. Гавличек-Боровский, выступивший с программным манифестом чешского национализма — статьей «Славянин и чех», которая представляла собой вершину предревolutionных усилий чешской либеральной буржуазии сформулировать свою национально-политическую программу с ярко выраженным австрославистским характером и одновременно наносила и первый решительный удар по колларовской концепции о славянстве и славянской взаимности³¹. Штур видел в статье Гавличека-Боровского не только общее отступление чехов от идеи славянской взаимности, выражение ревностного чешского национализма, «национального эгоизма», пренебрежения к своим братьям, выражение всего столь чуждого его идеальным представлениям о славянстве и славянской взаимности, но и важный аргумент для осуждения «чехизма», чешского «партикуляризма»³². Исходя из концепции славянской взаимности, Штур, естественно, должен был осудить и выработанный Гавличеком-Боровским проект укрепления чешского австрославизма путем более тесного сближения с иллиризмом. Тем более, что за три года до этого, в середине января 1843 г., он сам стремился убедить главных идеологов и вождей иллирского движения С. Вразу и Л. Вукотиновича в абстрактности, нежизнеспособности самого названия «иллир» и, наоборот, в реальности и исторической обоснованности национальных имен — хорват, серб, словенец³³. Само собой разумеется, здесь речь шла не только о терминологической проблеме, хотя письмо Штура Вразу и было написано в связи с запрещением австрийскими властями официально употреблять названия «иллир», «иллирийский». Штур в этом письме впервые целенаправленно объясняет и обосновывает свои представления о славянстве, стремясь обрести для них сторонника в своем друге, имевшем чрезвычайно влияние в хорватском национальном движении. Он подчеркивает, что принцип 4-х литературных имен в славянстве не верен, «ибо есть 8 (!) племен, и что каждое из них думает и создает в духовной жизни, того у него другое отнять не может и не смеет». И далее: «Святая всеобщность, к которой мы всё должны относить, есть славянство. Это наша всеобъемлющая жизнь, куда все наше должно стекаться. Если какое-либо племя выходит из этого русла и хочет встать на место всего славянства, то оно впадает в партикуляризм, самовольно отходит от нашей справедливой всеобщности... Каждое племя является славянским, именно потому, что есть племя. Хорват, серб и т. д. не входит в состав славянства посредством другого большого племени, но входит в него сам собой... Славянство есть единство в многообразии, дух славянский проявляется в отдельных племенах... Славянство должно выполнить в мировой истории свою миссию: справедливости, добра, присущих всему народу. Оно никогда не будет угнетателем, и тем менее может и должно притеснять своих детей». И еще одна интересная мысль из этого письма: не то что бы идеологи иллирийского движения до сих пор забывали о славянстве, но если бы развился иллиризм,

³¹ Ibid., s. 111.

³² См. письма Штура М. Гамуляку от 16 III 1846 и М. Годже от 17. III 1846 («Listy Ľ. Stúra...», II, s. 125, 127—128). Автор строго разграничивает понятия «сепаратизм» (отделение части от целого, игнорирование частью целого) и «партикуляризм» (обособление, но не отделение части от целого, объединение этой частью некоторых других частей).

³³ Письмо Л. Штура С. Вразу от 15 I 1843, из которого до недавних пор нам был известен лишь небольшой отрывок, и то, как выяснилось, в неполном изложении («Listy Ľ. Stúra...», I, s. 343). В 1969 г. Р. Бртань опубликовал полный текст этого чрезвычайно интересного письма с оригинала, найденного им в Загребе (R. B r t á ň. Stúrov neznámy list o kmeňovitosti. «Slovenské pohľady», 1969, č. 3, s. 75—79).

то так произошло бы по необходимости, такова сила обстоятельств. Штур пишет далее, что обстоятельно беседовал с Гаем об иллиризме, но его планы есть и будут нереальными. К Вразу он обращается потому, что считает его наиболее компетентным придать сейчас правильное направление духовной жизни хорватов, и потому, что «мы должны раньше договориться между собой прежде чем выступим публично». Мы остановились на этом мало известном даже в специальной литературе письме Л. Штура С. Вразу более подробно, так как этот чрезвычайно интересный документ позволяет особенно отчетливо показать процесс кристаллизации штуровской концепции словацкой нации и славянства. И прежде всего, то, что в ней с самого начала обе ее части были органически связаны и взаимно обусловлены и что этот процесс был в основном завершен уже на рубеже 1842—1843 гг. После всего вышесказанного нам становится более понятным и часто упоминаемое письмо Я. Францисци, тогдашнего помощника Штура по изданию «Словацкой национальной газеты», к А. Г. Шкульте-ты от 28 I 1843, в котором его автор не только подробно пишет об абстрактности единства иллиров, но и предсказывает идентичность судьбы иллиризма (он полагал, вероятно, что административное запрещение имени иллир приведет к ревизии идейных основ всего движения) и чехословакизма, или же, как чехам больше нравится, чехославянства («ибо они с нами нигде не считаются, будто бы нас нет и как будто бы и мы чехи»). Он также интересно развивает мысль о самобытности словаков и об их отношении к славянству³⁴ и сообщает, что Л. Штур готовится «позднее выступить против всякого партикуляризма»³⁵. Особенно важным является факт, что Штур стремился склонить Вразу к принятию своей концепции и считал необходимым заручиться для ее победы поддержкой хорватов, даже более того, выступить против колларовской схемы славянства единым фронтом и одновременно. Мы знаем, что это ему не удалось. Поэтому он был вынужден более тщательно готовиться к предстоящей борьбе за новую концепцию. Дальнейшее развитие иллиризма, хотя и все более внутренне дифференцированного, и растущее сотрудничество его ведущих представителей с австрославистски настроенными чешскими политиками давали Штуру новые аргументы для обоснования его исторического шага³⁶.

Но вернемся снова к самим штуровским представлениям о славянстве славянской взаимности. Их характерной чертой, так же как и у Коллара, является глубокий гуманизм. «В племени нашем, — подчеркивал Л. Штур, — мы должны быть славянами, в народе нашем — людьми: это почетное, благословенное, это высокое наше славянское предназначение»³⁷. Это вполне закономерно, ведь исторические воззрения Штура и Коллара исходят из тех же национально-просветительских побуждений, и подчеркивание нового, гуманистического принципа является и у Я. Коллара прежде всего защитной реакцией против растущего национального гне-

³⁴ «Мы — славяне и ими хотим остаться, и подлец тот, кто ради своих партикулярных интересов хочет оторгнуться от славного единства; но мы являемся особым племенем и мы — словаки..., ими же и останемся, и подлец тот, кто от этого отрекается, или тот, кто нам хочет в этом отказать каким-либо способом». Об отношении к чехам и чешско-словацких отношениях Францисци писал: «Мы останемся и хотим остаться братьями, но чтобы мы могли быть кому-то братьями, мы должны раньше стать чем-то для самих себя..., иметь сознание самостоятельного субъекта» (Литературный архив Матицы словацкой в Мартине).

³⁵ Там же.

³⁶ Например, в письме Л. Штура к М. П. Погодину от 31 X 1846 проводится мысль, что словаки, находящиеся между чехами и так называемыми иллирами, приняли собственный литературный язык также и для того, чтобы не служить больше связующим мостом между теми, кто хочет отделиться и изолироваться от других славян («Lysty Ľ. Štúra...», II, s. 148.

³⁷ Ľ. Š t ú r. Nárečie slovenské..., s. 54.

та и всех остальных несправедливостей, нависших над бесправным словацким народом. В концепции Л. Штура этот гуманизм еще глубже, конкретнее, ибо усиливается присущим ему искренним демократизмом. Л. Штур всегда подчеркивал равные права и обязанности всех славянских наций. То, что он требовал для словаков, он требовал и для других наций. Основа демократизма штуровских представлений о словацком народе и славянстве коренится прежде всего в сознательной ориентации на широкие народные массы. Штур и его приверженцы не раз подчеркивали, что принимая словацкий язык в качестве литературного, «они вступили в лоно народа», они начали обращаться к нему на его собственном языке, от сердца к сердцу, пробуждать его от феодальной летаргии к сознательной работе над своим национальным развитием. Они подчеркивали также свое неизменное решение начать строить новую жизнь снизу, от «простого народа», как основы нации и страны. Несмотря на то, что сильные чувства к народу у Штура и штуровцев связаны в значительной мере со всей идеологией революционного романтизма, их убеждение, что пробудить широкие народные массы и поднять их до уровня сознательной и активной общественной силы словацкого национально-освободительного движения и потом довести до сознания принадлежности к славянству³⁸ можно прежде всего с помощью живого языка народа, было совершенно реалистично, вытекало из действительных потребностей исторического развития и соответствовало этим потребностям. Также реалистичен и взят из конкретной словацкой жизни аргумент в пользу словацкого языка как средства «объединения всех сословий и религиозных партий»³⁹, т. е. создания буржуазного общенационального единства как широкой социальной базы национально-освободительного движения.

Л. Штур, как он сам подчеркивал, и все его поколение понимали свою новую концепцию о славянстве как дальнейшее развитие колларовской идеи славянской взаимности. Мы убеждены, что это не только проявление формального уважения к ее творцу и не было только дипломатическим ходом Штура, когда он провозглашал, что хочет лишь «то, что тот сам первый высказал, развивать далее, там, где он идею взаимности славянской понимал узко и только с внешней стороны, расширить ее, дополнить и одухотворить, то, что он поведал о нашей взаимности, понуждаемый печальными еще обстоятельствами славянства в тот период времени, при более утешительном положении славян направить и объяснить»⁴⁰. Более четко, однако, Штур характеризует сущность и смысл своего начинания, когда говорит о необходимости «приравнять и приспособить идею (колларовской славянской взаимности.— В. М.) к действительной жизни»⁴¹. Более того, в частной переписке с другими деятелями он несколько не скрывал, что его концепция открыто противостоит учению Коллара о взаимности, который «видел только тело славянства, но не постиг его духа»⁴².

³⁸ «В народе искра славянства не могла вспыхнуть прежде, чем вспыхнет искра своего, словацкого», — заявляет Й. М. Гурбан в своем Предисловии (1843) к книге «Zrcadlo Slovenska od P. V. Cervenáka. Pešť, 1844, s. XVI.

³⁹ В своем письме к И. И. Срезневскому от 15 XII 1850 г. Л. Штур кратко повторяет мотивы и доводы, которые привели к принятию литературного словацкого языка: «Желая объединить все сословия — мелкодворянское, городское и народ, желая объединить религиозные партии — чешскую евангелическую и бернолаковскую католическую, стремясь повлиять на несознательный народ и не желая вовлечь себя в неславянский сепаратизм чехославянский и связанный с ним иллирский, мы как средство наших чаяний, мыслей и идей взяли словацкий язык» («Listy Ľ. Stúra...», II, s. 237).

⁴⁰ Ľ. Stúra. Nárečie slovenské..., s. 38—39.

⁴¹ Ibid., s. 47—48.

⁴² См., например, его письмо Никанору Груичу от 7 I 1846 («Listy Ľ. Stúra...», II, s. 108).

С Колларом и его пониманием славянства и славянской взаимности (естественно, и с его концепцией развития словаков) связывает штуровскую концепцию их общая конечная цель — развитие славянства как высшего наднационального целого и соответствующая интеграция его вклада в общую сокровищницу культурных ценностей человечества. В штуровской концепции, однако, совсем по-новому решается вопрос о структуре славянства, о взаимоотношениях всех его частей между собой и их отношения к славянскому целому как самобытных и равноправных славянских наций. Выдвигая тем самым требование права на национальное самоопределение, она имела большое значение для словаков и других славянских наций и их современных и будущих отношений. Кроме того, концепцию Штура отличает ясная ориентация на активизацию широких народных масс и действительный демократизм. Она является не только количественно, но и качественно совершенно новой, прогрессивной концепцией, более соответствовавшей требованиям объективного исторического развития. Наконец, о том, что Коллар не считал Штура своим последователем, что его концепцию он считал несопоставимой со своими представлениями о славянстве и развитии словаков, лучше всего свидетельствует его принципиально отрицательное отношение к ней. Коллар стал первым, самым главным и непримиримым ее противником. Нисколько не помогала глубокая и деловая аргументация Л. Штура, Й. М. Гурбана и многих других сторонников литературного словацкого языка, доказывавших словацким, чешским и хорватским⁴³ сторонникам Коллара, что они не стремятся разрушить славянское единство и помешать развитию славянской солидарности⁴⁴, не желают отторгаться от своих ближайших братьев чехов⁴⁵.

В борьбе за литературный словацкий язык и самобытное развитие словаков, о котором мы здесь не можем и не будем говорить подробно, Штур и его соратники нашли действенную помощь прежде всего в усиливающемся национальном движении самих словаков. Ценной поддержкой для них были и одобрение или хотя бы нейтральная позиция известных политических и культурных деятелей других славянских наций, прежде всего деятелей хорватского и сербского национального движения и русских славистов⁴⁶. Результаты борьбы за новое понимание славянства и славянской взаимности — известны. Ее реальность и жизнеспособность подтвердили все последующее развитие словаков и других славянских наций.

⁴³ Я имею в виду прежде всего обвинение хорвата А. Вебера-Ткалчевича и его полемику с Л. Штуром. Подробно об этом я писал в статье «Людовит Штур и хорваты». См. «Československo a Juhoslávia». Bratislava, 1968, s. 130—131.

⁴⁴ Штур писал Ткалчевичу, что она основана не на единстве литератур, а проявляется в единстве стремлений, одинаковых принципах и общей цели, что ее до сих пор еще не было не из-за различия литератур, но и из-за отсутствия единодушия в борьбе и принципах, и что ее возникновения необходимо еще лишь ожидать («Danica Horvatska, Slavenska i Dalmatinska», 1847, č. 47, s. 186—188; «Listy Ľ. Stúra...», II, s. 176—179).

⁴⁵ Наряду с известным и традиционно цитируемым ответом Л. Штура из его книги «Nárečie slovenské» на такие обвинения (с. 113), особый интерес представляет следующая аргументация Й. М. Гурбана: «Хотя мы с введением словацкого языка и оторглись от чешского правописания, но ни коим образом не от чешской литературы, которая, как самая близкая нам, несомненно будет милее всего, мы еще сильнее присоединились к самим себе, к племенным нашим братьям и землякам; небольшой переворот в чешской, но великое дело в словацкой литературе мы обосновали и осуществили» [Hlasové o potřebě jednoty (рецензия). In: «Slovenské pohľady», I, 1846, zv. 1, s. 55].

⁴⁶ Мероприятия Штура одобрили Б. Шулек в статье «Narodnost Slovakah» («Danica», XI, 1845, № 27, 28, с. 105—108, 110—112). И. Кукулевич-Сакцинский, его восторженно поддержал М. Прица-Плешевички; сдержанную, но не враждебную позицию занял по отношению к нему С. Враз (Об этом см. более подробно в моей статье Ľ. Stúr a Chorváti, s. 128—131). Из русских славистов положительно отнеслись к литературному словацкому языку прежде всего И. И. Срезневский и М. П. Погодин.

Л. СОФРОНОВА

ТЕАТР И ТЕАТРАЛЬНОСТЬ В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В эпоху барокко к театру как к теме и как к метафоре обращались риторы и поэты, художники и авторы исторических сочинений. Театр был *Imago mundi*. Он воплощал мир, где актерами были все смертные, которым руководил сам бог. Тема мира-театра проходит в поэзии: «Ведь мир это сцена, а мы все, кто существует, — исполняем комедию, какую велит нам великий мастер. И как в маскараде, один будет королем, а другой императором...», — писал в «Эпиталаме Яну Меженьскому» Збигнев Морштын¹. «Жизнь человеческая подобна комедии, люди, живущие на земле, — это актеры. Бог — создатель, автор этой комедии, принять роль или отказаться — не в силах наших... *vita est scena similis*»²; «О, истинный мой гонец на горячем коне, ты быстро пронес достойного господина через комедию суетной жизни»³, — варьировали тему мира-театра польские проповедники, и их голос сливался со «словами» Иоанна Златоуста, популярными в России XVII в., в которых мир приравнивался позорищу (театру), жизнь — игрищу (сцене), а люди — актерам в масках (лицеподобиях)⁴. Аллегория России, оплакивая Петра I в драме «Образ победоносия...», также вспоминала мир-театр: «Жизнь свою феатры света показа чудесно, во православном царстве возсия всесечно». Мир уподоблялся театру в исторических сочинениях. «Феатроном, или позором правоучительным царем, князем, владыком...» назвал свой труд Иоанн Максимович. Сходно именовались исторические труды, переводившиеся на русский язык. «Феатрон, или позор исторический, изъясляющий повсюдную историю...» называлось сочинение В. Стратемана, которое в предисловии преподносилось читателю с помощью той же метафоры: «...книга же сия: ... правильно и истинно Позор нареченна... увидит всяк в сем Феатре всея жизни своя состояние...». Об «Анналах» Ц. Барония также говорилось: «Хощеши ли видети, аки на позорищи, комедию мира сего...»⁵ Басни Эзопа в пе-

¹ Z b. M o r s z t y n. Epithalamium Imci panu Janowi z Mierznia Mierzeńskiemu... Wirydarz Poetycki. Lwów, 1910, s. 465.

² A. S a j k o w s k i. Barok. Warszawa, 1971, s. 139. См. также K. G ó r s k i. Religijność sarmatyzmu i kwietyzm. «Teksty», 1974, № 4, s. 72.

³ J. A. C h r o ś c i c k i. «Castris ed astris». «Biuletyn Historii Sztuki», 1968, № 3, s. 394.

⁴ А. Н. Р о б и н с о н. Первый русский театр как явление европейской культуры. Новые черты в русской литературе и искусстве. М., 1976, с. 9—10.

⁵ Цит. по: А. С. Д е м и н, Л. А. Д е р ж а в и н, А. Н. Р о б и н с о н. Появление театра и драматургии. Первые пьесы русского театра. М., 1972, с. 49. См. также А. Н. Р о б и н с о н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 110—111.

реводе 1674 г. получили название «Зрелище жития человеческого»⁶.

По представлениям XVII в. театр был не только общей моделью мира, которая, кстати, сосуществовала с такими, как мир-книга и др. Он мог быть моделью частного явления, например военных действий, как у Феофана Прокоповича при описании Полтавской битвы. Кроме того, благодаря своей условности, противопоставленности реальному миру, он воплощал в себе торжество и преходящесть иллюзии, этой доминанты искусства барокко. Стремительно, за время протекания театрального действия, герои проживали жизнь, полную приключений. На сцене в мгновения завоевывались царства и рушились империи. И все исчезало по окончании спектакля, все теряло свой смысл. Сценическая иллюзия разрушалась. Иллюзорность театрального мира поддерживала тему — *Vanitas*. Театр напоминал о недолговечности и условности человеческого существования, был эмблемой тщетности стремлений к вечному и постоянному⁷: «И как часто жестокими трагедиями становятся наши пьесы, и чем выше кто-либо стоит на сцене, тем более он подвержен громам и безумным бурям»⁸.

Мгновенно меняя место действия, преображая старика в юношу, женщину в мужчину, великих мира сего в ничтожных и малых, театр, кроме того, был воплощением метаморфозы, «как искусство, выросшее из владеющей человеком страсти к самоизменению, к преобразению своего „я“ и окружающего мира...»⁹: «Носит на себе обличье сурового Марса бедный школьник и баловень; бедняк кажется богатым, алкая, как Тантал, среди богатств...»¹⁰; «А что по всей вселенной творится кроме радости и печали. Едина персона радостно играет, а другая печально играет и скоро благодатия превратится» («Темир-Аксаково действо»). На неожиданных превращениях, изменениях, очень занимавших людей барокко, на смене ролей, данных им жизнью, построены многие драматические сюжеты XVII в. («Мужик-король» П. Барыки, пьеса Я. Гулевича, некоторые интермедии). В них бедняк всерьез принимает свое превращение в короля, которое по принципу театра в театре разыгрывают насмешники, на чем и строится сценическая интрига. Аналогичный прием вообще часто применялся в драматургии XVII в.

Театр был не только образом мира, в котором на первый план выступали относительность земного бытия и скоротечность жизни-игры, жизни-представления. Он был не только темой и метафорой. Он был источником, к которому обращались мастера живописи, архитектуры, литературы. В эпоху барокко, для которой характерна тенденция к синтезу искусств, все искусства стремились к визуальности, наглядности — как те, для которых она была естественной (живопись), так и те, которым эта визуальность изначально не была свойственна (литература). Любой потребитель искусства барокко обязательно был зрителем. Зрителем был читатель сборников эмблем. К его зрительным ассоциациям обращался поэт, делая объектом описания произведения живописи (многочисленные примеры находим в лирике Я. А. Морштына), рисуя воображаемый портрет

⁶ Представления о мире-театре продолжали жить и позднее, на протяжении всего XVIII в. Их можно встретить в «Одах» А. Нарушевича, в «Почте духов» И. А. Кривола. Тема — *theatrum mundi* развивалась повсеместно в культуре славянского барокко. Мы можем ее обнаружить у чешского писателя Т. Пешивы, у словацкого поэта XVIII в. Г. Гавловича (E. A n g u l. Świat słowiańskiego baroku. Warszawa, 1972, s. 196; 197, 396), в сочинениях украинского философа Г. Сковороды (Г. С к о в о р о д а. Сочинения, т. I—II. М., 1973).

⁷ Э. А у э р б а х. Мимесис. М., 1976, с. 254.

⁸ Z b. M o r s z t y n. Ibid., s. 466.

⁹ А. И. Б е л е ц к и й. Старинный театр в России. М., 1923, с. 6.

¹⁰ Z b. M o r s z t y n. Ibid., s. 466.

или создавая фигурные, контурные стихи¹¹, которые одновременно были и изображением и поэтическим словом.

Требование наглядности усложнялось, приобретало черты театральной композиции. Литературное произведение организовывалось таким образом, что поэт и писатель призывали читателя увидеть написанное, пользовались приемами композиции, которые свойственны театральному действию, что сближало их произведения с драматическими, театральными. Так, в эпических поэмах С. Твардовского использованы драматические приемы построения текста¹², в результате чего читатель не только рассматривал картины, изображенные словом, но воспринимал их в театральной динамике. См. также такие литературные композиции, как «Стихотворный музей» Симеона Полоцкого, его же «Приветство»¹³.

Не только искусство слова сближалось в XVII в. с театром. К нему тянулась и живопись, светская и религиозная. Если литература приближалась к театру в плане драматической композиции, временной организации, придавая произведениям своеобразную динамику, широко пользуясь диалогом, то живопись заимствовала у театра принципы сцены и пространственной организации. Между устройством сцены XVII в. и композицией произведений живописи исследователи неоднократно усматривали сходство.

Одно из выдающихся произведений польской религиозной живописи XVII в. «Św. Anna Samotrzęc» Е. Э. Семигиновского М. Карпович анализирует, постоянно прибегая к театральной терминологии: «... вверху ангелок открывает перед зрителем занавес. На переднем плане находится этот ангел, открывающий занавес, коленопреклоненные ангелы и стол с фруктами... все они расположены на просцениуме, еще перед рамой картины, или рамой сцены... Все, что происходит на заднем плане, на сцене, за линией возвышения, на котором сидят три главных лица...»¹⁴. Многие гравюры украинского мастера Г. Левицкого также характеризуются чертами театральности¹⁵. Сходство между театром и живописью поддерживалось также иллюзией достоверности, иллюзией присутствия, к которой стремились мастера живописи и которая разрушалась при изменении точки наблюдения. Например, чисто театрального эффекта художники добивались, нарушая принцип рамы, разрушая границу между изображением и местом его нахождения. Очень часто этот прием использовался во фресковой живописи, когда фреска неожиданно переходила в гипсовый орнамент, как бы спускаясь со стен.

Движение, тяготение к театру наблюдалось в архитектуре. Интерьер многих культовых зданий напоминал светскую сцену. Декор определялся скульптурами, расставленными как в мизансценах, колоннами, которые могли выполнять роль кулис (костел иезуитов в Познани, костел Тела господня в Кракове). Черты театральности характеризовали и светские здания, как, например, польский замок Кшиштопор, который известен как самый крупный из всех возведенных до Версаля¹⁶.

¹¹ И. Величковский. Твори. Київ, 1972.

¹² J. Okoń. «Dainis», «Paskwalina». Z problemów epiki romansowej Samuela Twardowskiego. «Ruch Literacki», 1975, № 5, s. 303—317.

¹³ Интересно, что М. М. Бахтин и барочный роман сближал с театром, называя его «преодолением окружающей действительности в чужой материал», своеобразным героизирующим маскарадом (Слово в романе. Вопросы литературы и эстетики. М., 1976, с. 198).

¹⁴ M. Karpowicz. Jerzy Eleuter Siemiginowski malarz polskiego baroku. Warszawa, 1972, s. 157.

¹⁵ М. Фоменко. Григорій Левицький і українська гравюра. Київ, 1976. Обращались к искусству театра и южнославянские живописцы — пейзажисты, мастера религиозной живописи.

¹⁶ M. Karpowicz. Sztuka polska XVII wieku. Warszawa, 1974, s. 94—95.

Стремление к зрелищности, театральности было настолько сильным, что театр не только захватывал области смежных искусств, но в результате скрещивания с этими искусствами порождал уже забытые формы культурной жизни, балансирующие между живописью и театром, театром и архитектурой. Так, появилась на свет так называемая окказиональная архитектура¹⁷, т. е. декоративные постройки, сооружаемые в связи с различными событиями в общественной, а также частной жизни.

Это триумфальные арки, колонны, условные античные храмы, *castra doloris*, колесницы торжественных процессий. С одной стороны, они принадлежали архитектуре, так как повторяли ее формы. С другой стороны, они концентрировали в себе максимальное число черт театральности. Уже одно то, что все эти сооружения были несамостоятельными и копировали античные образцы или подражали культовой архитектуре, относило их к театру, к игре. Их сближало с театром и то, что они были недолговечны, так как делались из непрочных материалов, гипса, раскрашенного под мрамор, и т. п., и существовали недолго. Более всего из элементов театральной структуры окказиональная архитектура сближалась с декорациями¹⁸, хотя и отличалась от них тем, что находилась преимущественно в открытом, а не закрытом пространстве. Триумфальные ворота по случаю взятия Азова были установлены в Москве «на Каменном мосту Всесвятском». В Китай-городе состоялся триумф по случаю Полтавской победы. Постройки окказиональной архитектуры обязательно включались в некоторые театрализованные действия, церемонию, процессию, в результате чего становились частью спектакля. Очень часто эти хрупкие башни и античные храмы служили декорациями живых картин — еще одного переkreщивания театрального и изобразительного искусства. На триумфальных воротах могли разыгрываться сцены, которые также на них были изображены, например сцена Персея и Андромеды, Язона и аргонавтов и др.

Окказиональная архитектура имела очень большое значение в культуре барокко, и ею занимались выдающиеся мастера изобразительных искусств.

На стыке окказиональной архитектуры с собственно архитектурой находились польские кальварии, воссоздававшие крестный путь и Голгофу. Они выполняли роль декораций и религиозных символов одновременно и были рассчитаны на более длительное, чем другие виды окказиональной архитектуры, существование.

По своим эстетическим задачам к окказиональной архитектуре при-мыкал иллюминационный театр, или театр фейерверков¹⁹, часто с ней сосуществовавший. Фейерверки сжигались на фоне триумфальных врат и портиков, колони и пирамид. Этот вид паратеатральной культуры имел с театром еще больше общего, чем окказиональная архитектура. Как и многие спектакли, фейерверки устраивались по случаю торжественных событий в общественной жизни страны, коронаций, бракосочетаний королевских особ, побед, договоров, были неременной частью новогодних празднеств, могли намекать на перемены в политической жизни Европы, прославлять науки и художества. Фейерверк, «предложенный чувству зрения», был настоящим театром. Неслучайно он именовался «позорищ-

¹⁷ J. A. Chgośicki. *Pompa funebris*. Warszawa, 1974.

¹⁸ В. П. Гребенюк в своей статье «Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром» прямо указывает на то, что при устройстве триумфов и фейерверков использовались «комедийные картины», т. е. декорации. См. «Новые черты в русской литературе и искусстве». М., 1976, с. 41.

¹⁹ Д. А. Ровинский. Обзорение иконописаний в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.

ным строением», а место его устройства, расположенное на суше и на воде, — «феатром». Он имел сцену и декорации. На феатре были представлены «приятные увеселительные места»: сады, галереи, античные храмы, или Российская империя, Очаковская крепость, перекопские линии. Среди этих написанных на щитах или образованных «художественными огнями» декораций «действовали» герои, которые зачастую совпадали с героями театра живого актера, как, например, аллегория Благочестия, Храбрости, на облаках взлетали ввысь Гениусы. Все они обязательно снабжались эмблематическими атрибутами. Эти фигуры не были неподвижными. Их динамика обеспечивалась специальными техническими устройствами и освещением. Кроме того, части фейерверков загорались последовательно, что создавало иллюзию их передвижения. Благодаря тому, что фейерверк сгорал не сразу, он разделялся на явления или действия. В описаниях, которые обязательно сопровождали всякий фейерверк, его части так и назывались явлениями. В театре фейерверков ставились представления с аллегорическими сюжетами, например взятие Азова, Полтавская битва. Но только он состоял «из великого множества ракет, швермеров, штрейтфэйров, полтфэйров, фонтенных огней, звездок, лусткугелей, разных составов и прочих до того надлежащих вещей»²⁰. Его спектакли вспыхивали и погасали на глазах у зрителей. Героев, символы и аксессуара поглотил огонь. После представления оставались лишь описания и гравюры²¹.

Театр фейерверков имел символический смысл, сходный с тем, который имела окказиональная архитектура и собственно театр. Он развивал аллегорическую линию театрального искусства в его панегирическом варианте. «Огневые фонтаны изъясляют кипящее в сердцах избыточество радости... множество восходящих на воздух ракет изображает ревность наших к богу воссылаемых желаний»²².

Фейерверки сочетались не только с элементами окказиональной архитектуры, но и с живописью. На театре фейерверков могли выставляться портреты и вообще живописные изображения. По характеру они были близки эмблемам. Зачастую, как и изображение в эмблеме, они могли содержать надпись, заимствованную из эмблематических сборников. Элементами фейерверка могли быть и полные эмблемы²³. Часто фейерверки украшались статуями, сопровождалась музыкой.

От фейерверка следует отличать иллюминацию, которая была сходна с ним по композиции, но лишена его динамики и только статически повторяла его общий план и расположение фигур. Иллюминации часто следовали за фейерверками.

Театр проникал не только в общественную жизнь. Театральные формы стали привычными и в частном быту, особенно высших сословий. И здесь формы окказиональной архитектуры сливались с элементами спектакля, например на похоронах, которые в Польше XVII в. по сути дела превратились в театральные спектакли. В них в предельно концентрированном виде смешивались иллюзия и действительность, стлкнувались вечность и мгновение, великолепие и разложение. Это столкновение превращало театр жизни в театр смерти. Оно оживало в закономерно построенном ап-

²⁰ Там же, с. 207.

²¹ См. также И. З. С е р м а н. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 27—31; В. П. Г р е б е н ю к. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром. Новые черты в русской литературе и искусстве, с. 133—145; В. Н. В а с и л ь е в. Старинные фейерверки в России. Л., 1960.

²² Д. А. Р о в и н с к и й. Там же, с. 225.

²³ На транспаранте одного фейерверка был изображен Геркулес с бороной вместо зонтика. Надпись гласила: Плохая кровля. См. Д. А. Р о в и н с к и й. Там же, с. 192.

самбле символов и аксессуаров, в оформлении похоронной процессии и храма, где происходило отпевание. Скорбь надлежало выражать в соответствии с предусмотренными канонами, в заранее построенных декорациях. На сцене жизни в последней роли появлялся «всякий смертный». В последний раз его окружали символы роскоши и знаки преходящести земной жизни: гербы, мечи, черепа. И сам он символизировал бренность бытия и краткость земного пути. Похороны были назидательным спектаклем. Храм, в котором провожали в последний путь покойного, преобразился. Его стены драпировались богатыми тканями, окна занавешивались, с помощью свечей и люстр создавалось искусственное освещение. Повсюду развешивались религиозные и геральдические символы, изображения святого семейства и святых. В центре храма воздвигался величественный катафалк — *castrum doloris*, декорированный эмблемами и лепкой²⁴. Представления о нем могут дать сохранившиеся гравюры, которые обычно сопровождали издания погребальных речей. Катафалк обязательно имел символическое значение, означал вечное торжество добродетелей, глубокую скорбь, равенство богатых и бедных перед смертью и пр. Одним из важных театральных моментов церемонии погребения было появление всадника в полном трауре, который, на скаку падая с коня, у гроба ломал саблю. Он был живым символом преходящести земной славы, последним взрывом жизни у смертного одра²⁵. Не только *castrum doloris*, но и триумфальные арки могли воздвигаться в связи с похоронами, что было результатом влияния панегирика. Популярным элементом декорации была также поверженная разбитая колонна²⁶.

Иногда похороны особо выдающихся лиц могли отмечаться и собственно театральным спектаклем. Так, в связи со смертью щецинского князя Богуслава XIV в Гданьске состоялось представление пьесы «*Drama funebris*» Г. Схэве. В 1669 г. в Торунь была поставлена драма под выразительным названием «*Castrum doloris*». Так театр сливался с паратеатральными зрелищами.

Очевидно, что свадебная церемония, на которой мы останавливаться не будем, также несла в себе черты театральности. Отметим, что и в связи с бракосочетаниями сановных особ часто ставились пьесы с соответствующей тематикой. Например, драма «*Hosianna nuptiale Vladislao IV et Ludovicae*» прославляла женитьбу Владислава IV на Марии Людвики Гонзаге.

Пьесами, которые разыгрывались на фоне окказиональной архитектуры, были не только «огненные потехи» или похоронные официальные церемонии, но и религиозные и светские процессии, встречи государей, высоких сановников и духовных лиц, празднование военных побед, заключения мира. Так, в честь прибытия Генриха Валуа в Познань в 1574 г. были устроены триумфальные врата, на которых стоял школьник с символами власти и справедливости — мечом и весами. В 1601 г. у триумфальных ворот вильненские студенты приветствовали Зыгмунта III по случаю взятия Смоленска. «Петра встречали пушечной пальбой со сладкогласным пением „кантов“, исполнявшихся питомцами духовных школ, облаченными в белые стихари, с „пальмовыми“ и „оливковыми“ ветками в руках»²⁷.

²⁴ J. A. Chrościcki. *Pompa funebris*. Warszawa, 1974.

²⁵ Как *Theatrum funebre* выглядели в XVII в. испанские, итальянские и венгерские похороны. Театральность вообще была свойственна всяким обрядам, свадьбам, похоронам. См. В. С е в о л о д с к и й (Г е р н г р о с с). История русского театра, т. I. Л.—М., 1929, с. 130—178.

²⁶ J. A. Chrościcki. «*Castris ed astris*», s. 384—395.

²⁷ А. А. М о р о з о в. Эмблематика барокко и в литературе и искусстве петровского времени. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 201.

4 декабря 1702 г. после взятия Нотебурга был устроен «торжественный вход» через трое триумфальных ворот, у которых приветствовали царя. В 1744 г. учащиеся Киевской академии торжественно встречали Елизавету Петровну, приветствуя ее «по единому семи языки: по русску, по польску, по латыни, по немецки, по французски, по еллино-гречески, по еврейски»²⁸. В 1783 г. школьники Кадетского шляхетного корпуса устраивали празднество, в котором было и воздвижение триумфальной колонны, и аллегорические фигуры, и живые картины. Документы коллегий донесли до нас многочисленные сведения о церковных процессиях: в Познани в 1609 г., в Хойницах в 1631 г., в Гданьске в 1634 г., во Львове в 1690 г. и т. д.²⁹

Все процессии и церемонии носили театральный характер. Они протекали по специально написанным сценариям. Их ставили преподаватели духовных школ. Например, 9 ноября 1703 г. «славяно-греко-латинских училищ нижайшие рабы и всегдашние богомольцы учителя и все учительное собрание» воздвигли «врата триумфальные со многими украшениями»³⁰.

Для театрализации церемоний характерно многофункциональное использование одних и тех же художественных элементов. Сценическое пространство, в котором происходило театрализованное действо, было открытым — площадь, улицы. Конкретнее, оно сводилось к повозке, на которой размещались элементы спектакля. Повозки играли роль не только средств передвижения, но и декораций, могли оформляться в виде храма или возвышенности³¹. Декорациями, но неподвижными, были также, как уже говорилось сооружения окказиональной архитектуры. В процессиях принимали участие живые актеры, изображавшие аллегории добродетелей и пороков, античные божества, атрибуты небесных сил. Они были костюмированы в соответствии с предписаниями школьной поэтики и имели постоянные, закрепленные за ними символы-атрибуты. Костюмы участников процессий могли быть и произвольными. Так, в 1658 г. в Подольске пиары устроили процессию конных и пеших, одетых в фантастические восточные костюмы³². Актеры выступали в живых картинах. В 1604 г. у триумфальной арки, возведенной в Вильне, разыгрывалось представление, в котором появились Слава, Теология, Грамматика. В процессии, также имевшей место в Вильне в 1627 г., изображались Навуходоносор, Слава, Провидение. Почти равную роль с актерами играли символы в различных вариантах, которые занимали промежуточное положение между исполнителем и аксессуаром. По сравнению с собственно спектаклем элементы публичного зрелища были иначе размещены во времени и пространстве. Они были статичны и приобретали динамику по мере передвижения. Появлялись они последовательно, а не одновременно. Их значение, художественный смысл нарастали по цепочке, складывались из многократных повторов, вариаций значений, которые были скрыты в расположении аллегорий, оформлении повозок, триумфальных арок и колонн. Только в финале процессии зритель раскрывал ее значение, «прочитывал» ее. Как считает Я. Оконь, детально исследовавший этот вид паратеатральной культуры, процессии не имели театральной композиции. Они не подчинялись логике театра, а соединялись по принципу логического един-

²⁸ В. Всеволодский-Гернгросс. История театрального образования в России, т. I. СПб., 1910 с. 397—400.

²⁹ J. O k o Ń. Teatr i dramat szkolny. Sceny jezuickie XVII wieku. Warszawa, 1970. s. 87.

³⁰ В. В. Кусков. Комментарий к пьесе «Ревность православия». Пьесы школьных театров Москвы. М., 1975, с. 496.

³¹ J. O k o Ń. Teatr i dramat..., s. 104.

³² J. В u d a. Misterium pasyjne na Spiszu. «Pamiętnik Teatralny», 1976, № 1—2, s. 64.

ства, не имели развитого сюжета. Аллегорические фигуры и символы не разыгрывали спектакля. По мере того как они проходили перед зрителем, они объединялись и становились единым целым. Так, на повозке, возглавлявшей одну процессию, возвышалась фигура Воинствующей церкви, за следующей ехала фигура Веры. За ними следовала Любовь с пеликаном, известным символом жертвенной любви. Шествие завершала Победа. Все вместе они изображали торжество веры и любви к богу, которые ведут к победе³³. Позднее смысловые, логические связи процессий сменились хронологическими, в результате чего создавалась фабула паратеатрального действия, уже ставившая его непосредственно рядом со спектаклем.

Очень интересно в этих публичных зрелищах положение зрителя, который, во-первых, передвигался вместе с процессией, а во-вторых, бывал попеременно то зрителем, то актером. Его позиция постоянно колебалась от позиции наблюдателя к позиции участника. Так стиралась грань между актером и зрителем, снималось противопоставление между ними. Они взаимозаменяли друг друга, в результате чего соотносились две точки зрения, что является одной из характернейших черт искусства барокко. Зритель находился как бы и вне и внутри театрального спектакля, мог разложить его на составные элементы и перегруппировать их. Он вступал в действие, выражая свое одобрение, приветствуя процессию. Если один зритель вычленялся из группы, как король Стефан Баторий в вильенской процессии 1579 г., то он также принимал участие в спектакле, который был устроен в его честь: принимал от участников процессии актеров символы власти, благодарил их³⁴.

Публичные церемонии значительно расширяли область влияния театра. Он вступал в общественную официальную жизнь, раздвигал свои пределы и становился все более массовым видом искусства³⁵. Кроме того, он становился одним из средств информации, способом популяризации государственного лица или мероприятия. Широкие слои общества, наблюдая церемонии, включаясь в них, превращались в соучастников дел государственной важности. На их глазах происходили или воссоздавались события, которые имели значение для страны в целом. Таким образом, народ не только любовался великолепным зрелищем, действием, но и включался в политическую жизнь. Церемонии, процессии, триумфы рождали новый тип эстетических переживаний. «Слышен был звон цепей, удары бича и крики: „Распни его“ и тому подобное; это происходило в Подолнице по образу и подобию того, что совершалось в Иерусалиме во время мучений Сына Божьего», — писал один из зрителей пасхального шествия XVII в.³⁶

Различные виды театральной и паратеатральной культуры взаимодействовали между собой, создавали единое целое. Они выступали как части целостной структуры, пронизанной театром. Окказиональная архитектура сочеталась с публичными зрелищами, процессиями и церемониями. Они обычно дополнялись театром «потешных огней» и сливались в празднество, длившееся по несколько дней. Русские торжества по случаю взятия

³³ J. O k o Ń. Teatr i dramat..., s. 104.

³⁴ J. P o p ł a t e k. Studia z dziejów jezuickiego teatru szkolnego w Polsce (XVI—XVIII). Wrocław, 1957, s. 138.

³⁵ Интересно заметить, что оживление традиций массовых зрелищных празднеств обычно сопровождается напряженными историческими моментами. Например, оно было характерно для России первых лет после революции. Ю. Анненков оформил в 1920 г. уличное представление «Взятие Зимнего дворца», которое разыгрывалось на Дворцовой площади. См. М. Э т к и н д. О диапазоне пространственно-временных решений в искусстве оформления сцены. В кн. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1973, с. 44—45.

³⁶ J. В u d a. Ibid., s. 64.

Азова в 1696 г. были ознаменованы и воздвижением триумфальных врат, и фейерверком, и ораторскими выступлениями. Празднества по случаю канонизации Игнатия Лойолы и Франциска Ксаверия во Львове в 1623 г. шли восемь дней. Они состояли из церковных церемоний, процессий, салютов, сжигания фигур еретиков, а также спектаклей³⁷. Драматизированные диалоги, пьесы вообще часто входили в паратеатральные действия. Процессию в праздник тела господня обычно заключали драмы на тему причастия. Они могли быть и законченными произведениями, как диалог «О древе жизни», «Драма о ковчеге». Во время пасхальной процессии разыгрывались мистерии. Победу русских войск над шведами при Эрестфере знаменовал и фейерверк, устроенный 11 января 1702 г., и драма «Страшное изображение второго пришествия». Воздвижение триумфальной арки в честь бл. Иоанна Франциска Региса в 1717 г. в Дрогочине сочеталось с постановкой о нем пьесы³⁸. Фейерверк и пьеса «Солнце веселое после туч» ставились в связи с коронацией Михаила Кобыты одновременно и использовали один и тот же мотив Михаила архангела.

Символы, аллегии, эмблемы, ряд сюжетных ситуаций, которые мы можем встретить в паратеатральных зрелищах, сходны. Они повторяются и в иллюминационном театре, и в оформлении — *castra doloris*, и в церковных процессиях, перекликаясь также с соответствующими элементами театра. Единство паратеатральных и театральных форм, их взаимосвязь — это одно из важных проявлений синтеза искусств, который был так типичен для эпохи барокко.

Театр не только проникал в другие виды искусства, способствовал созданию новых «подискусств», оказывал серьезное влияние на общественную жизнь, но и распространялся вширь, захватывая огромное количество частных проявлений культуры. В то время огромную популярность завоевал маскарад, став основной формой светских развлечений. Он привнес театр в быт, являясь по сути дела театром массовой игры, где каждый участник являлся одновременно и зрителем. Эта двойственность, возможность моментального принятия роли и отказа от нее, своеобразная игра с ролью делали из маскарада урок театральной культуры, своего рода проверку чувства театра. Маскарады дублировали формы театральных действий. Они имели постоянных героев — маски, которые следовали заданным нормам поведения. Их непременной частью были костюмы и аксессуары. Иногда маскарады проходили при декорациях. Некоторые маскарады вошли в историю культурной жизни наравне со спектаклями, как, например, маскарад 1722 г., в котором принимал участие сам Петр I. Здесь фигурировали главные персонажи западноевропейского карнавала, декорации изображали флот и пушки. Очень часто в маскарадах пробивалось сатирическое направление, возникали элементы пародии³⁹.

Модным развлечением того времени были любительские самодеятельные, домашние театры. Их имели у себя польские магнаты и русские дворяне. В этой форме театр целиком, только в ином, уменьшенном масштабе, переносился в частную жизнь. Часто это были театры с собственным зда-

³⁷ Э. Андьял описывает торжества в честь этих же святых в Загребе в 1622 г. Там также были воздвигнуты триумфальные арки, появлялись фигуры святых, которые приветствовали вновь канонизованных, читались стихи, звучала музыка. См. E. A p g u a l. *Ibid.*, s. 161.

³⁸ В. И. Р е з а н о в. Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий. Нежин, 1916, с. 191.

³⁹ И. З. Серман обращает внимание еще на один момент театральности маскарада. Сани или повозки, запряженные экзотическими животными, с его точки зрения, — это элемент театрализации басен Эзопа. И. З. С е р м а н. Там же, с. 38.

нием, богатой сценой, декорациями, с постоянными актерскими труппами⁴⁰.

Элементы театра проникали и в другие формы культурной жизни XVII — первой половины XVIII в. Тенденция к разыгрыванию, пародированию принятых норм жизни, к карнавализации реализовалась в театральных формах, что можно наблюдать в таком литературном объединении, как Бабиньская республика в Польше, существовавшая и в XVII в., как всепьянейший собор Петра I в России. Последний пародировал церемонию посвящения папы, имея сценарий — «чин в князь-папы постановления», где имелись указания на место действия, сцену (князь-папинский каменный двор), на элементы декорации (высокий трон), на аксессуары (две фляги, два блюда, аксамитный ковер). В сценарии назывались персонажи (жрецы, кардиналы), перечислялись и предполагаемые их действия (трижды поклонился, дары подносил) и т. д. Были зафиксированы также некоторые реплики⁴¹.

Не только светская, но и духовная жизнь приобретала в XVII — первой половине XVIII в. элементы театральности⁴². С театральным искусством сблизилось искусство проповедников, выступления которых можно было не только слушать, но и смотреть. Непременно проходившие курс ораторского искусства, в котором не последнее место занимала пластика, они охотно пользовались элементами сценической техники. Эта новая манера была встречена противоречиво, но противники сходились в одном — в том, что проповедники, повествуя, изображали: «...когда что сильными доводами доказывают и стремительными и нежными фигурами речь свою предлагают, тогда изображают оную купно руками, очами, головою и плечьями»⁴³. Феофан Прокопович отмечал эту особенность, призывая проповедников не плескаться руками, не прыгать, не лить притворных слез и не смеяться⁴⁴. Театрализованными представлениями бывали и религиозные диспуты, чрезвычайно распространенные в эпоху контрреформации. Отголоски этих диспутов польский исследователь А. Кручиньский находит в драме из Упсальского кодекса «Францискус»⁴⁵.

Элементы театрализации были свойственны и другим областям общественной жизни. Их можно обнаружить в поведении отдельных лиц. Тенденция «находить и осуществлять себя в чужом»⁴⁶ проявлялась решительно повсюду. Она налицо в «воинской стратагеме», примененной при взятии Дерпта⁴⁷. Она — в частной жизни Петра I, «который во время важных для жизни и армии и государства событий выступал под именем иноземца Питера, или урядника Петра Михайлова, или корабельного плотника Петра Алексева, бомбардира или шкипера, а вместо себя ставил кого-нибудь из близкого окружения: Никиту Зотова, Федора Ромо-

⁴⁰ Ю. М. Лотман. Театр и театральность в культуре XIX в. В сб. *Semiotyka i struktura tekstu*, Warszawa, 1973, s. 348.

⁴¹ И. З. Серман. Там же, с. 24—26.

⁴² W. I. Tomkiewicz. *Kultura artystyczna. Polska XVII wieku*. Warszawa, 1969, s. 245. Ср. также описание изменений в аналогичном направлении в южнославянской церкви (E. Anguła. *Ibid.*, s. 161). А. М. Панченко обращает внимание на элементы театральности и в такой форме религиозной жизни, как русское юродство. См. «Русская стихотворная культура XVII в.», Л., 1974, с. 90; Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976, с. 104—139.

⁴³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., с. 78—79.

⁴⁴ Н. Д. Кочеткова. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974, с. 75.

⁴⁵ А. Kruczyński. «Franciscus» dramat jezuicki. «Pamiętnik Teatralny», 1976, № 1—2, s. 49.

⁴⁶ М. М. Бахтин. Слово в романе, с. 199.

⁴⁷ И. З. Серман. Там же, с. 20—21.

дановского, Лефорта»⁴⁸. Число подобных примеров можно умножить, но пока наша задача состоит только в выявлении тенденции к театрализации в культуре барокко, а не в учете всех ее проявлений.

Проникая в разнообразные области общественной жизни, театр, очевидно, в связи с этим изменял и свою собственную природу. Наряду с развитыми, в полном смысле этого слова, театральными представлениями, со сложными сюжетами, использованием театральной техники и актерского искусства, он включал в себя и представления, приближающиеся к литературе или к ораторскому искусству. В собственных пределах он ощущал результаты своих завоеваний. Например, такие пьесы, как «Образ победоносия» (1728), «Образ торжества российского» (1742), посвященные коронации Петра III и Елизаветы, являются скорее не драматическими произведениями, а «большими поздравлениями коронованному монархам». В них «изображается преимущественно только сама церемония поздравлений, и драматурги стремятся, чтобы она выглядела как можно торжественнее»⁴⁹. То же самое происходило и в польском школьном театре.

Итак, театр не довольствовался своим положением, следуя одному из основных правил барокко — правилу взаимопроникновения и синтеза искусств, основанному на общности художественного языка эпохи. Он расширял свои границы, вторгаясь в литературу и живопись, архитектуру. Оставаясь искусством, не подражая формам реальной действительности, он предлагал свой аппарат также и самой жизни в ее политических и культурных проявлениях. Так сливались эстетические и внеэстетические принципы воздействия, нарушалась грань между искусством и действительностью⁵⁰. Так проявлялось всеобщее для того времени стремление к перевоплощению и торжествовала иллюзия.

⁴⁸ А. Н. Кузьмин. Военная тема в литературе петровского времени. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 168—183.

⁴⁹ А. С. Демин. Эволюция московской школьной драматургии. Ранняя русская драматургия. М., 1974, с. 25.

⁵⁰ Ю. М. Лотман. Театр и театральность в культуре XIX в. Там же, с. 337—355.

ПИРИНКА ПЕНКОВА

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНАЙСКОГО ЕВХОЛОГИЯ

Состав лексики Синайского евхология характеризуется относительно высоким процентом словарных единиц, засвидетельствованных только в этой старославянской рукописи: они составляют 21,3% всех лексем в памятнике, или 7,8% всего словарного фонда четырех самых объемных старославянских текстов — евангелия, псалтыри, евхология и Супрасльского сборника¹. С другой стороны, значительная лексическая вариативность сближает евхологию с остальными старославянскими памятниками: 28% лексики Син. евх. встречается во всех больших рукописях. Наличие синонимов, которые исследователи относят к разным хронологическим слоям или к разным переводческим школам, объясняется, с одной стороны, естественной синонимикой в языке первых переводчиков, с другой — компилятивным характером дошедшего до нас евхология, включающего переводы с византийских, латинских и древневерхненемецких источников. Славистика располагает точным изданием памятника, но отсутствие критических изданий других требников как источников для сравнения воспрепятствовало реконструкции первоначального текста, который возник в мораво-паннонскую эпоху деятельности славянских первоучителей и их учеников. Насколько словарное богатство, представленное в Син. евх. является показательным для классического старославянского языка или для определенных его стилей? Лексика, представленная только в Син. евх. и евангелии, составляет 2,2% общего словарного фонда; в Син. евх. и псалтыри — 3,8%, в Син. евх. и Супр. сб. — 19,6%. Эти проценты прямо пропорциональны объему памятников, но заметная лексическая близость к Супр. сб. подтверждается и формальными особенностями общих для обоих текстов форм, напр., число прилагательных с суффиксом *-анх* и существительных на *-ние*, представленных только в этих двух памятниках, приблизительно в четыре раза больше, чем число прилагательных и существительных с теми же суффиксами, встречающихся лишь в Син. евх. и Син. пс. или только в Син. пс. и Супр. сб. Нет достаточных доказательств о восточно-болгарской лексической редакции, хотя разновременные общие редакции не исключены, так Р. Траутман предполагает участие одного составителя (редактора) для всей состоящей из 48 фрагментов части с 80b по 102a². Среди старшего поколения исследователей Син. евх.

¹ О статистических данных здесь и ниже см. N. Radovich. *Analisi Insieme del Lessico Slavo-Ecclesiastico Antico*. Archivio Elettronico del lessico Paleoslavo. Università di Padova, 1974, с. XII—XIII, s. 1—7, 54—59, 74—77.

² Cp. R. Trautmann. *Zum Euchologium Sinaiticum*. Zeitschrift für slavische Philologie, XVII, 1940, S. 55.

только Н. Ван-Вейк связывает группировку определенных лексем в разных частях сборника с повторением определенных грамматических особенностей и использует извлеченные данные, чтобы показать неоднородность отрывков 66b — 71a и 77b — 79b в рамках текста *уинѣ надѣ испокѣдѣ жи҃л҃имѣ ѿ а* (как известно, В. Вондрак приписывал эту службу Клименту)³. Р. Нахтигал считает, что *запокѣди ст҃ихъ ѿца* (102a5—105b4), как и Мефодиев Номоканон, возникли в Моравии⁴. Целостное сравнение Исповедального чина в Син. евх., Анонимной гомилии Клоца (которая считается многими сочинением Мефодия) и Гомилии Епифания в Клоцовом и Супр. сборниках (переведенной, как предполагает Е. Благова, Мефодием⁵), пролило бы новый свет на участие Мефодия в составлении Син. евх. Вероятно, лексические параллели между евхологием и гомилиаром восходят к литературной среде славянских первоучителей. Существенно заметить, что евангельские цитаты в евхологии — почти исключительно из апракоса, но славянский перевод в евхологии учитывает и четвероевангелие, т. е. возможную редакцию, последовавшую при восполнении апракоса до текста четвероевангелия. Местами греческий евхологий уклоняется от знаковых евангельских различий, ср. замечание Р. Нахтигала к 91a 8—10 в последнем издании текста.

Список «внутренних» синонимов, представленных только в Син. евх. поможет установить нормативную лексическую вариативность, характеризующую Кирилло-Мефодиевскую школу. В следующем списке отмечены звездочкой формы, засвидетельствованные лишь в нашем памятнике. Привлечение новых рукописей для сравнения в будущем, возможно, изменит наше представление об окказиональном употреблении некоторых слов. Для краткости не упоминаем «внешних» синонимов, типа *наслѣдие* в Син. евх. и *достоѣние* в Син. пс. Слова даются в алфавитном порядке, вторая из сравниваемых форм не включается больше в список. *ада* — **тра҃тсѣрѣ*; *аѣканіе* — *посѣтѣ* — *посѣтѣние*; *аѣкати* — *посѣтити ѿ а*; *балии* — *врача* — *цѣл҃ителя*; *балсваніе (и *оубалокати) — *балѣство — *цѣл҃ение* — **цѣл҃зи*; **бест҃а-жанѣ* — *без бѣды*, «без насилия»; *благокѣрие* — *правокѣрие*; *благѣ — *гим҃нѣние*; *ближика* — *ближанин* — *жжика*; **бл҃жодоміе* — *похѣта*; *богѣвлѣние* — *просѣш҃т҃еніе*; *болѣзна* — *крѣдѣ* — *ст҃растѣ*; **бра҃тог҃л҃твореніе* — **бра҃тот҃вореніе*; *брашана-це* — *комзканіе* (и *комзкати); *брана — *брание*; *бѣлоризаца — *просѣта людина; *веселити ѿ а* — *радскаѣти ѿ а ѿ а цѣма* — **с҃радокаѣти ѿ а комоу*; *вет҃ахъ* — *древляна* — *прѣжданѣ*; *вонѣ* — *ж҃уаніе* (в *благож҃уаніе*); **в҃раженіе* — *чарсѣданіе*; *врата* — *двери*; *вздѣти* — *взложити*; *вззати* — *вззиманіе*; *взскрѣш҃ати* — *оживити* — *взс҃такити* — **с҃зтворити кого не грѣба исч҃ити*; **взс҃такитѣлѣ* (напр. ~ *злосу*) — *пс҃квинѣна ѿ а* (напр. ~ *мнозѣма ранама*); *взчлѣкѣние — *взплзш҃т҃еніе* — *обл҃жити плз҃тнѣж свое бож҃ство*; *всеплоданѣе (*scil.* приношение) — *бл҃сѣс҃з҃жагаемаѣ*; *вззубити* — *обззубити; *година* — *ч҃сѣ*; *г҃ж҃зникѣ* — *нѣмог-лагола — **л҃спотикѣ*; *десити* — *свѣрѣсти*; *дѣвола* — *непрѣкѣна* — *с҃тона*; *дѣвола* — *непрѣкѣнакѣ — *аѣкаванѣ*; *дрогѣ* — *прѣтѣлѣ; *дѣло* — *творѣ; *дѣтнш҃тѣ* — *отроча* — *младѣтѣце; **дѣтог҃убленіе* — *прѣказити отроча къ севѣ* — *изскрѣш҃ити отроча*; *дѣтѣлѣ* — *дѣаніе*; *дѣбрака* — *лѣстѣ*; *еврѣнскѣ* — *жидѣвскѣ*; *ев҃г҃л҃ство* — *с҃у҃гнѣ* — *с҃ш҃т҃г҃л҃ство*; *житіе от҃анѣданѣе* — *прѣстѣв-*

³ N. v a n W i j k. Zur Vorgeschichte zweier altkirchenslavischer Sprachdenkmäler. Archiv für slavische Philologie, XL, 1926, s. 273—278.

⁴ R. N a c h t i g a l. Euchologium Sinaiticum, II. Ljubljana, 1942, s. 319.

⁵ E. B l a h o v á. Staroslavěnski překlad Epifaniovy homilie. Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury, X, 1966, s. 54—59. См. также: «Nejstarsi staroslovenské homilie (Syntax a lexikon)». Praha, 1973, s. 70.

ление; жадати — чаѣти; закида — закиста; *замысла — *сзмысла для гр. *χοτός* намѣрение; *избигтзковати — *избигтзчѣстковати — *обиловати; избигтзкз — избигтие; изврѣшти — изгнати; источник — клддзв — стоуде-ница — *рвбникз; *клатз для лат. *mathematicus* клзхвз-во *кзхкомвление *чаромз свртатель — *зкѣздозарца для гр. *ἄστρομαγικός* (в Супр. имеется чароѣти); *колада — игра зла; *крста — стroupз; крокз — сѣнз; *коурение — дымз; кзнны — писание; лобзати — цѣловати; ложе — одрз — *носило; ложе — чрѣво — жтрова; лѣпота — красота; лѣпз — красенз; масло — олѣи; *милзтовати — милз сѣ дѣти кому; мзгара — *мзгоница; *мждрзствовати — разоумѣти; надежда, надѣати сѣ — оупзвание, оупзвати; *настаклѣти — показати для гр. *παιδεύειν* наказати; начало — начатзкз — начатие; небесенз — небескз; *некѣдомз — *недокѣдмз; *незавидливз — *незавиданз — *незакистанз; *незаноудно — спѣшно; неичтєнз — нештисленз; *непоглоумано — непрѣстанно; *непомрача сѣ (Клоц. имеет немрача) — *непомраца сѣ; *непостыданз — *непосрамленз; *непримѣсанз — *несамѣсанз; *непроходимз — *непроходенз — *непрѣходимз — *непрестжпанз; обштение — причастие (в Супр. и Клоц. причаштєние, причаштание); свештаникз — причастаникз; *сблввати — изблввати; *сбрядование — радостз; свѣтование — свѣштание; *свзсрядование, «сочувствие», «сердечность» — мнлосрдие; одежда — одѣние; *стишати, *стишє — псконти, пскон; стзпоуштєние — покои для гр. *ἄνεσις*, «освобождение, избавление»; печаленз — прикрзвенз; пладанє — полоуданє; плач — рыданє; *прикдѣние — видѣние — демснз необразнз [Супр. имеет еще мччѣтз, стѣнзѣакзи (огнз) для гр. *σκιογραφεῖς* в евангелии призракз]; пзтѣ — тѣло; прирѣтати — прѣвѣгати; погани — ѣзыци; подвигз — подвизанє; подвигнѣти сѣ — потыштати сѣ; понѣка — плаштаница — манѣтница (в еванг. и хламида); попз — иерѣи — сваштеникз; порода — рани; послухз — сзвѣдѣтель; пособовати — послѣховати (в еванг. и послѣшѣствокати); *постаникз — *соухотѣдѣцз; *потирз — чаша; приобштити — причастити сѣ; *причѣтаникз — чрвница (в Супр. и чрвноризцз); *причинити — *сзкоупити; *прсображение — танна для гр. *μοστήριον* — знамение, «первообраз»; пропати — распати; просити — молити; прѣисподанз — трзторзкз; прѣлшгати — блзна принєсти; прѣпоѣсати — задѣти; *прѣстжпоклѣтие — присага неправдана — *мхоклатка; поуєтош — *оуєтз; развои сзтворити — оубити — крзвз пролѣти; рана — сквзнз — ѣзз; *распонз — распатие — крстз; *распѣрѣние — *сварз; сздркз — цѣлз; сздѣание — сзтворєние; сздѣтель — зиждитель — сзвршитель; *сзлжкз — *соухоржкз; сзмѣренз — оумалєнз; сзнатие — сзпоуштєние; сзстакз — оупостакз — образз; *гѣтѣва — кзхшштєние тоуждего имѣнѣ; тѣсанз — жзкз; оукѣтз — оутѣшєние; *оубразити — образовати образз; оумѣрѣти — оуєзнѣти — почити; *ходатанѣтко, ходатан — зсстжплєние, зсстжплєникз; *чрвенз — чрвленз (в Ассем. очрвленз); *чрвнчкз — мзнишкз; фкиги сѣ кому — *разоуманз кого свѣѣ сзтворити для гр. *ἐμφανῆσαι*, «становиться понятным, очевидным для кого-нибудь».

Из множества лексем, представленных лишь в Син. евр., самую многочисленную группу составляют слова, связанные с новым христианским культом; остальные три группы включают: а) юридические термины, например, стзкѣтз для гр. *ἀπολογία*, «защита», кззаконити, присага и др.; б) названия различных болезней и сельскохозяйственных

вредителей — например *дзна*, *тѣждокитѣ*, *слѣпота*, *вѣрхосѣ*, *катаросѣ*, *карзакносѣ*, *филосѣ*, и др.; в) слова, которые встречаются в оборотах, неправильно переведенных. Христианская терминология данного памятника охватывает и непереведенные заимствования, и калькированные формы. Далее во втором списке отмечаем звездочкой зарегистрированные К. Шуманом⁶ заимствованные словообразовательные модели и значения: *анаакѣ*, *антифонѣ*, *бесѣжжанѣ* «без принуды», *бесѣблданѣ*, *бѣлоризца*, *бесѣмратѣстко*, *богородичано, *братроткорение, *блзхколюбие*, *бражение*, *кззглашение, *кзпаштение, *касеоштганѣ, *касеподанѣ, *кзстакителѣ*, *кзстананѣ*, *кзтѣрѣтѣрати, *днѣкнастко*, *есперина*, *забѣдѣнанѣ* (~ *молитѣ*), *заоутѣранѣ*, *знаменакаѣти*, *католикии*, *кадити*, *колада*, *комзкати*, *коукоуѣ*, *лихонманѣ, *мѣбчѣстганѣ для гр. *μερικηφιλία*, *миродрѣжителѣ, *мжченичано, *мждроскати *вышанѣ*, *мзнихѣ*, *мзногомилистикѣ, *мзногочѣстганѣ, *наготокаѣти, *нанебесганѣ для гр. *ἐπουράνιος*, *наземанѣ для гр. *ἐπίγειος*, *недокѣдимѣ, *неислѣданѣ, *ненаселенѣ для гр. *ἄοικος*, *непосѣрамленѣ*, *непосѣтижанѣ; *непосѣгданѣ, *нераскаѣнанѣ, *нераздѣланѣ, *нескѣрананѣ, *несѣмѣсанѣ (~ *тѣрица*) *несѣмратганѣ, *незлосие*, *ништѣанѣбѣ*, *отанѣданѣ*, *паремитѣ*, *патѣдесѣтаница, *патѣдесѣтанѣ, *патикосѣтинѣ*, *пскаѣнанѣ* (~ *псѣтѣ*), *псѣтригати*, *псѣтрицити*, *псѣтаникѣ*, *псѣтаница*, *псѣтира*, *пѣракосѣскаѣ, *пѣриѣтабленѣ (вм. *пѣтѣ*), *пѣскименѣ*, *пѣсѣбражение*, *пѣтѣдѣскаштѣганѣ, *сѣтихѣра*, *сѣкатѣбѣ, *сѣвѣштганѣ, *сѣпѣтѣстоанѣ*, *сѣкззѣкипѣжити*, *сѣпѣриносѣжитганѣ*, *тѣтѣбанѣ*, *тѣричѣскаѣ*, *тѣрѣвѣтѣ, *тѣтѣтѣрѣ*, *тѣтѣторѣскаѣ*, *сѣрѣра*, *фелоснѣ*.

Как показал И. Буюклиев, такие лексические элементы, которые воспринимались как окказионализмы в Син. евх. например, *оскѣрѣдѣ*, *рѣкатѣ*, *оуѣтѣ*, *рѣскѣ*, *рѣжѣ*, *рѣспонѣ*, *рѣтѣдѣница*, *рѣзма*, *рѣтѣжѣжити*, *рѣтѣнемсгати*, *несѣвинанѣ*), дают возможность отделить локальные черты древнеболгарского языка⁷. Кальки с греческого — самые интересные, в некоторых случаях они являются результатом неправильного выбора мотивирующей основы. Здесь остановимся только на случаях, которые не были объектом специального толкования; невидимѣ, отмеченное К. Шуманом на с. 14 как калька гр. слова *ἀόρατος*, переводит в 2b13 *δυσώδης* — «плохо пахнущий», может быть по ассоциации с *τυφλώδης*, «невидящий», или с *δυσειδής*, «некрасивый, безобразный». В 53b25—26 невидимѣ передает и *κατασειόν* — «подвижный, перемещающийся» (от *κατασειώ* — «сотрясать, перемещать»), по мнению Фрчека неправильно смешанное с *κατάσειον*, «затененный, покрытый тенью». Еще более оттеняет значение слова невидимѣ сопоставление с *каѣтѣсчикѣ* для гр. *λυσώδης*, вар. *δυσώδης* в 54a14. *каѣтѣсчикѣ* переводится в словарях как «охваченный яростью, неистовствующий» (см. у Садник-Айцетмюллера, с. 158; в Словаре старославянского языка Чехословацкой АН, с. 341) в соответствии с *λυσώδης*, ассоциированное с *λυσώω*, «приводить в неистовство». Если это прилагательное перевели по аналогии с *λυσώω*, возможен и другой перевод для *каѣтѣсчикѣ* — с приобретенной произвольно формой, mit der unnötigerweise angenommenen Form. Такое толкование не противоречит и варианту *δυσώδης* — «подобный (плохому) запаху», т. е. «с неясной формой».

⁶ K. Schumann. Die griechische Lehnbildungen und Lehnbedeutungen om Altbulgarischen. Berlin, 1958, S. 22—64.

⁷ См. И. Буюклиев. К характеристике некоторых hapax legomena v Sinajskom euchologii. Sbornik Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Bratislava, t. 23—24. 1971—1972, s. 216.

В предисловии к изданию памятника Р. Нахтигал приводит списки разных типов ошибок, допущенных при переписывании⁸. Здесь приводим несколько отклонений от известных греческих текстов; эти отступления показательны для работы первых переводчиков, но отсутствуют в списках последнего издателя, а в комментариях Фрчека интерпретируются иначе. Так, непримѣлнз (~ ρδα) соответствует гр. $\alpha\sigma\upsilon\nu\omicron\pi\tau\omicron\varsigma$, «необозримый, непонятный» в 1a14—15; Фрчек и Шуман предполагают ассоциацию с $\alpha\sigma\upsilon\mu\iota\chi\tau\omicron\varsigma$, «несмешанный, разнородный», но аналогия с 86a 18—19 единственно счѣстка кз... $\sigma\upsilon\pi\sigma\tau\alpha\sigma\epsilon\chi\alpha$ негзмѣсно , гр. $\epsilon\nu \dots \phi\acute{o}\sigma\epsilon\iota\nu \alpha\sigma\upsilon\gamma\chi\acute{o}\tau\omicron\varsigma$ и 64b4—5 неизмѣнѣтн тронци (Фрчек читает здесь как неизмѣнѣтн в соответствии с $\alpha\sigma\upsilon\gamma\chi\acute{o}\tau\omicron\varsigma$) наводит на другой вариант для 1a14 — $\alpha\sigma\upsilon\gamma\chi\acute{o}\tau\omicron\varsigma$, «без примеси, — не(при)соединим». В 1b17—18 встречаем приходшги . доунокениемѣ для гр. $\epsilon\lambda\iota\phi\acute{o}\tau\alpha\iota$ (у Фрчека имеется вариант $\epsilon\pi\iota\phi\alpha\iota\nu\epsilon\tau\alpha\iota$, но $\epsilon\pi\iota\phi\alpha\iota\nu\epsilon\tau\alpha\iota$ переводится с $\rho\sigma\kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\kappa\kappa\iota\sigma\eta\sigma\omicron$ в 4b14). Можно предположить, что φύομαι ассоциировалось через аористное $\epsilon\phi\upsilon\sigma\alpha$ с $\phi\upsilon\sigma\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$, «привожу в движение дуновением», чему способствовал и субъект оборота $\text{благодѣтѣ стадо дха}$. На первых страницах имеются еще несколько подобных ошибок: 1a17—18 кскертѣкѣше для гр. $\delta\rho\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$, прочитанное или услышанное как $\eta\gamma\rho\iota\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$; 1a25 бечастн для гр. $\mu\omicron\rho\iota\alpha$, воспринятое как $\acute{\alpha}\mu\omicron\rho\iota\alpha$, «непринимаящий участия»; 1b5—6 родз скси сгѣврзгж для $\epsilon\iota\nu\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\omicron$, «поворачивать назад, заставлять вернуться», вм. ожидаемого в гр. $\eta\rho\nu\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\omicron$, «переменить, отвергнуть». В 3a20—21 прикасѣжшга в для гр. περιίπτάμενον , «летающий вокруг», как будто бы в тексте стояло περιαπτόμενον , «прикасающийся», ср. и Фрчек в т. XXIV, с. 643. Заслуживает внимания и 54b7 чимѣтнѣ для $\delta\lambda\eta\varsigma$, «срубленное, поваленное дерево», может быть неправильно переписанное в греческом вм. $\acute{\iota}\lambda\acute{o}\varsigma$, «илистое место»; слово встречается не только в псалтыри, но и в Германовом сборнике как синоним слова κλατό ⁹, в тексте Епифаниевой гомилии. Слово непоглоумно , «без высокомерия», переводит $\acute{\alpha}\mu\epsilon\tau\omega\rho\acute{\iota}\sigma\tau\omicron\varsigma$ «непрестанно», в 80b12—13, вероятно по ассоциации с $\mu\epsilon\tau\omega\rho\acute{\iota}\xi\omega$, «возгордиться», или с $\acute{\alpha}\mu\epsilon\tau\omega\rho\eta\tau\omicron\varsigma$, которое передается выражением без глагома в Супр. 279.27.

Для полной характеристики Син. евх. необходимо дальнейшее сравнение его языка с другими старославянскими памятниками и специально с Супр. сб., при этом нельзя ограничиваться анализом только словарного состава, а необходимо исследовать также и синонимические средства морфологии и синтаксиса.

⁸ Ср. R. Nahtigal. Ibid., с. IX—XV.

⁹ Ср. Д. Иванова-Мирчева, Ж. Икономова. Хомилията на Епифаний за слизанею в ада. София, 1975, с. 188.

Ш. Д. ПИРИМКУЛОВ

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ В СССР В 1943—1946 ГОДАХ

В годы второй мировой войны в Советском Союзе находилось значительное число польских эмигрантов. Многие из них проживали на территории советских республик Средней Азии и Казахстана.

В настоящем сообщении делается попытка кратко осветить трудовую деятельность и социальное обеспечение польских граждан, находившихся в Узбекской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Казахской ССР.

8 декабря 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о расселении и трудоустройстве в южных районах Киргизской ССР 21 500, а в Узбекской ССР 35 000 польских граждан¹. На 1 января 1942 г. в 11 областях Казахской ССР числилось 104 207 польских эмигрантов, и они «продолжают прибывать и после этого времени»². Часть польских граждан, находившихся в этих республиках, эвакуировалась с армией Андерса, другие из них вступили в 1-ю Польскую армию, третьи — переселились в другие районы СССР. По данным Союза польских патриотов на 1 июня 1944 г. в Казахской ССР проживало 95 742 поляка, в Узбекской ССР — 43 400, Киргизской ССР — 14 тыс., Таджикской ССР — 5 тыс. и Туркменской ССР — 1400, всего на территории упомянутых республик — 159 542 польских эмигранта³.

В трудных условиях военного времени Советское правительство осуществило меры по обеспечению польских граждан жилищем и работой. Решением правительства от 12 августа 1941 г. местные органы власти обязывались «оказывать содействие всем освобожденным полякам, в первую очередь женщинам с детьми, в устройстве на работу и в получении ими жил[ищной] площади»⁴. При этом вопросы об обеспечении работой или средствами к существованию польских граждан решались «в том же порядке, как они решаются в отношении советских граждан»⁵.

Польские эмигранты быстро включались в советский ритм жизни. Они работали на фабриках и заводах, в сельском хозяйстве, в сфере обслужи-

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДИМ), т. VII. М., 1973, с. 264.

² Л. Алданазаров. Участие казахстанцев в боях за освобождение Польши от немецко-фашистской оккупации (1944—1945). Автореферат канд. диссертации. Алма-Ата, 1972, с. 9.

³ Archiwum akt nowych. Związek Patriotów Polskich (далее — ААН, ZPP), sygn. 13, к. 78—80.

⁴ ДИМ, с. 289.

⁵ Там же, с. 159.

вания и своим честным трудом завоевывали авторитет среди местного населения. Польский гражданин Е. Курочка писал в 1942 г. из Маргелана (Узбекская ССР): «Работаем. Нам даны жилище и возможность зарабатывать. Мы работаем в колхозах, артелях, школах и больнице. Везде встречаю поляков. Местные люди не правильно выговаривают наши фамилии и имена, но вообще нас любят и уважают»⁶. «Пишу из отдаленного уголка Киргизии, — сообщает Валенты Т., — из Чаткальской долины, куда был направлен на работу после окончания медицинского института... Среди местного населения завоевали большой авторитет»⁷.

В 1942 г. на весь Карабалицкий район Кустанайской области прославилась полька Мария Чижек. Она работала в колхозе «Бурли» свинаркой и за самоотверженный труд была премирована⁸. В заметке «Девушка с Вислы в Ферганской долине» шла речь о работнице Маргеланской шелкоткацкой фабрики Фелиции Заушнической. В последнюю декаду октября 1942 г. она выполнила свой план на 174%. О ее трудовых успехах неоднократно сообщалось на страницах областной газеты «Ферганская правда» и других местных газет⁹. Поляки, работавшие на строительстве Большого Ферганского канала, гордились своим участием в сооружении этого канала¹⁰. В ткацком цехе фабрики в г. Семипалатинске все работницы были польки. Они писали в редакцию, что их цех всегда выполняет план на 100%¹¹.

Добросовестно трудились поляки в колхозах Мартукского района Актюбинской области. В колхозе «Свет» В. Хрыбчук в 1942 г. выработал 422 трудодня и получил аванс: 383 кг зерна, 23 кг капусты, 65 кг помидоров и т. д., Д. Ридич выработал 778 трудодней и получил 286 кг пшеницы, 286 кг картофеля, 93 кг огурцов, 66 кг подсолнечника, 34 кг капусты и 2 кг 300 г шерсти. Поляки, работавшие в колхозе «Путь революции», считались лучшими работниками артели. С. Шостак в 1942 г. выработал 878 трудодней, Гжегож Постак — 960, Хил — 420, а семья Гжегожа Лямачки выработала 1395 трудодней. Е. Михайлюк из колхоза «Коллективист» и Мария Сижык из колхоза «Степь» за хорошую работу были премированы правлением колхоза¹².

С образованием в июне 1943 г. Союза польских патриотов одной из важнейших его задач стало содействие в трудоустройстве польских граждан, воспитание в них сознательного отношения к своим обязательствам, убеждения в важности и необходимости самоотверженного труда для успешной борьбы против гитлеровских захватчиков. Широкая и многообразная деятельность СПП в этом направлении во многом способствовала мобилизации польских граждан на трудовые усилия, на выполнение задач, стоявших перед труженниками тыла.

В 1943 г. несколько тысяч поляков работали на строительстве каналов и дорог. В строительстве дороги Фрунзе — Ош (Киргизская ССР) участвовало 285 поляков. Бригада Бознера систематически выполняла норму на 135%, а бригада Фуксмана — на 127%¹³. На «Фархадстрое» (Беговатский р-н, Узбекская ССР) трудилось свыше 800 поляков¹⁴. Несколько сот польских граждан работали в Ташкенте и Фергане на текстильных

⁶ «Nowe Widnokreği», 1942, № 11, s. 14.

⁷ Ibid., 1943 № 6, s. 15.

⁸ Ibid., № 14, s. 16.

⁹ Ibid., № 1; П. М. Калининко. Польска прогрессивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957, с. 99.

¹⁰ «Nowe Widnokreği», 1943, № 7, s. 14.

¹¹ П. М. Калининко. Там же, с. 98.

¹² «Nowe Widnokreği», 1943, № 5, s. 14.

¹³ Ibid., s. 14.

¹⁴ ААН, ZPP, sygn. 172, k. 71.

комбинатах, около двух тысяч — на предприятиях по производству консервов, сахара, масла и других продуктов.

16 ноября 1944 г. газета «Вольна Польска» с гордостью сообщала: «Нет такой работы, которой бы не занимался поляк, он засеивает колхозные поля Алтая, Кубани и Казахстана, стоит за токарным станком на военных заводах Урала, работает на шахтах Кузнецкого бассейна и на нефтяных вышках Баку, обслуживает ткацкие станки в Фергане и Ташкенте, отстраивает Сталинград, трудится для фронта и тыла в артелях Киргизии и Казахстана». В течение 1944 г. рабочими-поляками артели «Бирлик» (Джамбульский р-н, Казахская ССР) произведено шубных овчин 450 тыс. квадратных дециметров, 1650 пар валяной обуви, сшито 6 тыс. комплектов нижнего обмундирования для воинов Красной Армии и изготовлено много других товаров¹⁵. В Ленинабаде (Таджикская ССР) в сентябре 1944 г. Облправление СПП создало кооператив «Польский труд», объединивший около 180 ремесленников. Артель в основном обслуживала польские детские учреждения, инвалидов и других польских граждан. Только в первом месяце ее существования было выработано 1000 кг мыла высокого качества¹⁶.

В 1945 г. на шахтах Караганды работало более 740 поляков, Кок-Янгака (Киргизская ССР) более 300 польских граждан, трудились поляки и на рудниках Агрена и Красноармейска (Узбекская ССР)¹⁷.

На 1 февраля 1945 г. в Ошской области (Киргизская ССР) числилось 2179 работающих поляков, в том числе в гор. Оше квалифицированных рабочих 355, неквалифицированных — 404, шахтеров — 35, механиков — 24, инженеров — 6, ремесленников — 285, служащих — 297¹⁸. В Алма-Ате в промышленности было занято 500 поляков, на сельскохозяйственных работах — 50, на других работах — 350; 25 поляков были врачами, инженерами и юристами¹⁹. О числе работающих польских граждан и их социальной структуре в ряде областей Казахской ССР на 1 декабря 1945 г. дает представление таблица.

Область	Рабочие	Крестьяне	Интеллигенция	Всего
Джамбульская	1541	1471	189	3201
Алма-Атинская	771	67	176	1014
Акмолинская	1190	163	319	1672
Актюбинская	785	522	149	1456
Карагандинская	1329	49	150	1528
Чимкентская	1704	851	350	2905
Всего	7320	3123	1333	11776

Источники: ААН, ZPP, sygn. 32, к. 73, 93, 100; sygn. 34, к. 37; sygn. 35, к. 3; sygn. 38, к. 29.

В Наманганской области по данным на 8 марта 1945 г. в промышленности работали 892 поляка, в сельском хозяйстве — 154, в ремесле — 206 польских граждан²⁰. В Ташкенте в период с 1 марта до июля 1945 г. насчитывалось 1198 работающих поляков. Среди них было высококвалифицированных рабочих 166, инженеров 9, техников 12, врачей 3, адвока-

¹⁵ ААН, ZPP, sygn. 860, к. 12.

¹⁶ Ibid., sygn. 140, к. 38, 47.

¹⁷ «Wolna Polska», 1945, № 1—2, 23—24; ААН, ZPP, sygn. 172, к. 170.

¹⁸ ААН, ZPP, sygn. 152, к. 9.

¹⁹ Ibid., sygn. 59, к. 40.

²⁰ Ibid., sygn. 148, к. 33.

тов 5, агрономов 4, педагогов 15, бухгалтеров 38. Общее число работающих польских граждан в этот же период в Ташкентской области составило 2808²¹, а к концу 1945 г. возросло до 3905 человек²².

В декабре 1945 г. в гор. Ленинабаде трудилось 1738 польских граждан, из них 1063 были квалифицированными рабочими, 279 неквалифицированными работниками, 27 крестьянами, 379 представителями интеллигенции²³. Всего в народном хозяйстве СССР в это время было занято 170 тыс. польских граждан, в том числе рабочих: квалифицированных 65 тыс., неквалифицированных 50 тыс., крестьян 40 тыс., представителей интеллигенции 15 тыс.²⁴.

Работая в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и сфере обслуживания, польские граждане благодаря помощи советских рабочих и специалистов приобретали производственные навыки, квалификацию, становились хорошими специалистами в данной области. За время пребывания в СССР число высококвалифицированных рабочих среди польских эмигрантов увеличилось в три раза²⁵.

Польские граждане, вдохновляемые примером советских людей, откликнулись на призывы Союза польских патриотов, сознавая свой долг перед воинами, боровшимися против гитлеровских захватчиков, добросовестно трудились, выполняя и перевыполняя плановые задания, вносили свой посильный вклад в общее дело победы над врагом. Их трудовой энтузиазм получил яркое проявление в стахановском движении.

В Карагандинском угольном бассейне 70 поляков-шахтеров были стахановцами, а 150 — «образцовыми работниками»²⁶. Шахтер Р. Вежбицкий выполнял план на 360% и за хорошую работу был премирован 4 раза²⁷. Т. Барковский и другие шахтеры выполняли план на 200%, их работа была отмечена благодарностями и премиями²⁸. Р. Вежбицкий, Т. Барковский, Граевский, Косс, Бреловский, Лочковская и другие за самоотверженный труд были награждены грамотами Президиума Верховного Совета Казахской ССР²⁹.

В Наманганской области среди польских граждан было 135 стахановцев и премированных работников, т. е. 14% всех работающих, в Коканде — 217, в Ташкентской области — 556, Ангренском угольном бассейне — более 100 стахановцев, в Оше — 345 стахановцев и ударников труда³⁰. В связи с празднованием 20-летия Узбекской ССР за трудовые успехи многие польские граждане, работавшие на фабриках Ферганы, были награждены грамотами Президиума Верховного Совета республики, а 70 поляков, трудившихся на Андижанских нефтяных промыслах, получили премии³¹. По-ударному трудилась на хлопковом поле в Бухарской области Мария Слюсарчик, она была дважды премирована. За хорошую работу получила премию Эмилия Старевич³².

На шахтах Кон-Янгака и Таш Кумира многие поляки получили звание «мастера угля». В Джалал-Абадской области насчитывалось 300 поля-

²¹ Ibid., sygn. 1831, k. 120—121.

²² Ibid., sygn. 172, k. 2.

²³ Ibid., sygn. 42, k. 4.

²⁴ ЦДАМЛИ УРСР, ф. 73, оп. 1, д. 468, л. 15; «Wolna Polska», 1946, № 21—22.

²⁵ П. М. К а л е н и ч е н к о. Там же, с. 178.

²⁶ ААН, ZPP, sygn. 852, k. 160—164.

²⁷ Ibid., sygn. 862, k. 1.

²⁸ Ibid., sygn. 66, k. 8.

²⁹ «Wolna Polska», 1945, № 23—24; ААН, ZPP, sygn. 862, k. 1.

³⁰ ААН, ZPP, sygn. 867, k. 11; sygn. 854, k. 1—37; sygn. 172, k. 2, 70; sygn. 152, k. 183.

³¹ Ibid., sygn. 862, k. 2; «Wolna Polska», 1945, № 23—24.

³² Ibid., sygn. 66, k. 8.

ков-стахановцев и награжденных³³. На 100 поляков, работавших в 1946 г. на шахтах Кон-Янгака и руднике «Чорух Дайрхон» (Таджикская ССР) приходилось 46 стахановцев³⁴.

Артель «Польский труд» систематически выполняла план более чем на 130%, а годовой план был выполнен к 15 декабря 1945 г. Президиум Ленинабадского облпрофсоюза присудил коллективу артели переходящее Красное Знамя³⁵.

Поляки-портные и сапожники пользовались большой популярностью. Об этом свидетельствует запись посетителей после осмотра промышленной выставки, организованной СПП в Джамбуле. «Выставкой восхищены! Желаем польским патриотам организовать выпуск продукции такого качества на всех предприятиях, где они работают»³⁶.

Важную роль в распространении передового опыта и популяризации достижений работников сыграли слеты стахановцев, которые проводились по инициативе областных правлений СПП в Андижане, Ташкенте, Карагане и других городах. 14 ноября 1944 г. состоялся слет поляков-шахтеров в Карагане. Он призвал своих соотечественников, работающих на фабриках, промышленных предприятиях, транспорте, шахтах, в колхозах и совхозах, к ударной и эффективной работе. На его призыв откликнулись поляки-нефтяники из Андижанской области³⁷. В марте — июне 1945 г. в Ташкенте прошли три районные конференции и два собрания стахановцев. 50 делегатов участвовало на слете поляков — нефтяников Андижанской области, который проходил 5 августа 1945 г. в г. Ленинске³⁸.

Облправления СПП поощряли польских граждан — ударников труда. В Бухарской области СПП из своих фондов премировал отличившихся работников³⁹.

Советское правительство уделяло большое внимание и вопросам материального и социального обеспечения польских эмигрантов. В ноте НКВД СССР от 22 июня 1943 г. отмечалось: «После перерыва отношений с польским правительством советские власти подтвердили повсеместно, что все польские граждане на территории СССР в отношении питания и всех других видов снабжения приравниваются к советским гражданам»⁴⁰. Правительство СССР оказывало и всемерное содействие Союзу польских патриотов в организации дела социального обеспечения польских граждан.

21 мая 1943 г. СНК СССР принял постановление «О мерах улучшения материальной помощи полякам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР»⁴¹.

При Народном комиссариате торговли создавалось Управление особой торговли — «Упрособторг». Оно приняло в свое ведение товарные базы бывшего польского посольства. Вначале такие базы существовали в Ашхабаде, Архангельске, Кирове, Красноярске, Барнауле, Семипалатинске, Самарканде, Петропавловске, Павлодаре, Чкалове, Сыктывкаре. В апреле 1944 г., в связи с переселением польских граждан из северных районов СССР была закрыта база в Сыктывкаре и открыты новые базы в Полтаве, Краснодаре, Саратове, Джамбуле и Челябинске⁴². На базах «Упрособторга» сосредотачивались благотворительные грузы, поступающие

³³ «Большевицкий труд» (Джамбул), 1945, 11 апреля.

³⁴ «Nowe Widnokregi», 1946, № 1—2.

³⁵ ААН, ZPP, sygn. 140, к. 47; «Стахановец» (Ленинабад). 1945, 5 августа.

³⁶ «Коммунист» (Джамбул), 1945, 18 мая.

³⁷ «Wolna Polska», 1944, № 47; 1945, № 16.

³⁸ ААН, ZPP, sygn. 172, к. 82; «Wolna Polska», 1945, № 34—35.

³⁹ ААН, ZPP, sygn. 66, к. 8.

⁴⁰ ДИМ, т. VII, с. 395.

⁴¹ П. М. Калениченко. Там же, с. 169.

⁴² Там же, с. 170—171.

для поляков в СССР из-за границы: от польских организаций в Америке, Красного Креста, ЮНРРА, а со второй половины 1944 г. и от правительства народной Польши.

«Упрособторг», занимаясь распределением благотворительных грузов, действовал в тесном контакте с органами Союза польских патриотов. Представителем Главного правления СПП в «Упрособторге» в качестве генерального инспектора вначале был Болеслав Дробнер, а затем Анджей Витос. На созданный 12 июня 1943 г. при Главном правлении СПП Отдел общественной опеки возлагалась опека над польскими гражданами, эвакуированными из Польши, западных областей Украины, Белоруссии и средней Литвы на территорию СССР, без различия национальности, политических взглядов и убеждений по согласованию с советскими властями и при их помощи. Отдел осуществлял свою работу на периферии через комиссии общественной опеки, выбираемые на собраниях поляков в областных городах (где имелись базы), районных центрах и других местностях⁴³. Комиссии опеки принимали участие в распределении благотворительных грузов, полученных от советских властей продуктов и одежды, создавали столовые, чайные и т. п. заведения. При базах создавались комиссии содействия из представителей областных правлений СПП и комиссий общественной опеки.

Несмотря на большие усилия, «Упрособторгу» и СПП до конца 1943 г. не удалось оказать помощь всем нуждающимся польским гражданам. Работа «Упрособторга» и СПП серьезно затруднялась большой рассредоточенностью польских граждан на территории СССР. Поляки находились в 10 республиках, 126 областях и 5 тысячах населенных пунктов⁴⁴ и размещались крайне неравномерно: в промышленных центрах проживали сотни, иногда тысячи поляков, а в колхозах и совхозах порой несколько человек. В этих условиях оказалась малоэффективной практиковавшаяся поначалу централизованная система оказания помощи. К началу ноября 1943 г. помощь получили только 8% нуждавшихся в ней польских граждан⁴⁵.

20 сентября 1943 г. Главное правление СПП направило в адрес Советского правительства докладную записку по вопросу работы «Упрособторга». В «Приложении» к записке Ванда Василевская писала: «Принимая во внимание политическую точку зрения, мы полагаем, чтобы при распределении товаров решающим голосом пользовалась польская комиссия, а не уполномоченный НКГ. Ибо мы желаем, чтобы ответственность за справедливое распределение падала только на поляков. Уполномоченный должен заботиться о том, чтобы распределение не ограничивалось только близлежащими районами, но было справедливо для целой области»⁴⁶.

В соответствии с решением съезда Союза польских патриотов материальная помощь польским гражданам оказывалась в такой очередности: 1) семьи военнослужащих, 2) дети до 15 лет, 3) инвалиды и остро нуждающиеся, 4) все остальные. Она не должна была предоставляться лицам, не работавшим без уважительных причин, а также занимавшимся спекуляцией⁴⁷.

3 сентября 1943 г. был определен размер единовременной помощи продуктами, от одного человека она составляла: крупа — мука — 2 кг, консервы — 1, жир — 0,5, сыр — 0,5, сахар и кондитерские изделия —

⁴³ CA KC PZPR, ZPP w ZSRR, sygn. 216/47, k. 4—6.

⁴⁴ J. Jałoszyński. Niektóre problemy dotyczące powstania i struktury organizacyjnej ZPP w ZSRR. «Najnowsze dzieje Polski», 1962, t. 6, s. 151—152.

⁴⁵ «Nowe Widnokreghi», 5 XI 1944.

⁴⁶ AAN, ZPP, sygn. 760, k. 371—373.

⁴⁷ AAN, ZPP, sygn. 8, k. 83.

0,5, сухое молоко — 0,5, чай — 0,1, кофе — 0,2, какао — 0,2, мыло — 0,2 кг⁴⁸.

В Самарканде до 10 октября 1943 г. было удовлетворено около 1500 просьб о материальной помощи⁴⁹. К этому времени были удовлетворены в Узбекской ССР 17 025 просьб, в Казахской ССР (Джамбульская и Чимкентская обл.) 359 (от 7600 человек), в Киргизской ССР 4292, в Таджикской ССР 1769 просьб о помощи. Всего в этих республиках из базы «Упрособторга» до 1 февраля 1944 г. получили материальную помощь 38 445 человек⁵⁰.

Эти пособия в значительной мере облегчали положение польских граждан, однако не вполне удовлетворяли их нужды. Имея это в виду по просьбе СПП Советское правительство неоднократно выделяло дополнительные фонды для снабжения поляков.

В связи с письмом СПП от 10 марта 1944 г. СНК СССР принял решение о выделении 500 т муки для поляков, проживающих в Джамбуле. При этом на одного человека приходилось 25 кг муки⁵¹.

5 апреля 1944 г. СНК СССР выделил для снабжения польских граждан: муки 1007,5 т, крупы 525,9, жиров 279,8, сахара и кондитерских изделий 233,9, соли 188 и мыла 151,8 т, хлопчатобумажных тканей 232 137 м и 8382 пары обуви. Из этого фонда предусматривалась выдача в апреле-мае 1944 г. дополнительно сверх установленной нормы на одного человека: муки 4 кг; крупы 2, жиров, сахара, соли — 1, мыла 0,8 кг, а также 5 м ткани⁵².

11 июля 1944 г. в этих целях дополнительно выделялось 158 т муки, 80 т крупы, 40 т жиров, 40 т сахара, 40 т соли, 32 т хозяйственного мыла⁵³. 27 апреля 1944 г. СНК Узбекской ССР, 27 мая 1944 г. СНК Кара-Калпакской АССР приняли постановления «об оказании дополнительной материальной помощи польским гражданам»⁵⁴.

Кроме того, были приняты меры по переселению части польских граждан с территории с трудными климатическими условиями в местности с более мягким климатом. В соответствии с постановлением СНК СССР от 5 апреля 1944 г. было проведено переселение 26 885 поляков из некоторых северных районов в южные и центральные области СССР⁵⁵. По просьбе СПП решением правительства от 11 июля 1944 г. предусматривалась переселение из Акмолинской, Актюбинской и Кустанайской областей Казахской ССР в Украинскую ССР 10 тыс. поляков⁵⁶.

К середине 1944 г. система социального обеспечения польских граждан получила широкое развитие. Если в марте 1944 г. действовало 200 комиссий общественной опеки, то в мае 1944 г. их насчитывалось 250, к 1 июля 1944 г. их число возросло до 450⁵⁷.

По данным на 20 июня 1944 г. базы «Упрособторга» обслуживали 329 225 польских граждан, в том числе: в Архангельске 6900 человек, Сыктывкаре 7600, Кирове 36 800, Москве 11 075, Чкалове 34 150, Павлодаре 8800, Петропавловске 60 442, Красноярске 24 500, Барнауле 29 400, Семипалатинске 11 750, Самарканде 90 400, Ашхабаде 7408 человек⁵⁸.

⁴⁸ Ibid., sygn. 760, k. 351.

⁴⁹ Ibid., sygn. 158, k. 65.

⁵⁰ Ibid., sygn. 825, k. 4.

⁵¹ Ibid., sygn. 783, k. 11; sygn. 760, k. 411.

⁵² П. М. К а л е н и ч е н к о. Там же, с. 172.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ДИМ, с. 104, 106.

⁵⁵ ААН, ZPP, sygn. 13, k. 69.

⁵⁶ Ibid., sygn. 760, k. 411.

⁵⁷ J. J a ł o s z y ń s k i. Ibid., s. 174.

⁵⁸ ААН, ZPP, sygn. 13, k. 78—80.

Через комиссии общественной помощи поляки, проживающие в Ошской области (Киргизская ССР), в 1944 г. получили помощь на сумму 1 037 900 руб. Из них от Советского правительства — 501 140, из заграницы — 177 480, из касс взаимопомощи — 359 340 руб.⁵⁹.

Выделялась работа Комиссии общественной опеки в Ферганской области. «Среди действующих областных комиссий общественной опеки на территории Советского Союза, — констатировала „Вольна Польшка“ 16 июля 1944 г., — как лучшую можно считать работу областной комиссии общественной опеки в Фергане <...> Ее успехи в сфере опеки над детьми, семьями военных и больными могли служить образцом для других комиссий, действующих на территории Советского Союза». В тесном контакте с ней работали районные комиссии. В Фергане была открыта специальная амбулатория для польских граждан, выдавались ссуды лицам, вернувшимся из армии, больным (в мае 1944 г. на сумму 6963 руб.)⁶⁰.

В целях дополнительной помощи эвакуированному польскому населению при базах «Упрособторга» и в некоторых районах создавались производственно-бытовые предприятия и столовые⁶¹. В 1944 г. при 8 базах работало 13 мастерских, в которых производились пошив и ремонт одежды и обуви, а также трикотажные изделия⁶². Они получали сырье из фондов Наркомторга и использовали кожи, шерстяную пряжу, нитки и т. п. из благотворительных грузов, поступающих из заграницы. Мастерская в гор. Ош производила в год 470 пар обуви, 150 штук одежды и 1143 кг мыла⁶³.

В 1945 г. число мастерских возросло до 20. Всего в 1944—1946 гг. насчитывалось в районах размещения польских граждан 69 мастерских. Ими было произведено 24 007 штук одежды и 18 008 пар обуви⁶⁴.

К началу 1944 г. при семи базах «Упрособторга» было устроено 13 столовых для польских граждан. В среднем столовая обслуживала 230 человек⁶⁵. Две такие столовые находились в г. Самарканде. В течение 1945 г. ими было только для больных отпущено 2751 обед⁶⁶.

Одной из лучших была столовая в Кызыл-Орде (Казахская ССР). Эта столовая отпускала в день до 400 обедов. В период с 1 мая по 31 декабря 1945 г. «Упрособторгом» для этой столовой было выделено: крупы 3680 кг, муки 615 415, мяса 900, мясных консервов 100, рыбы 400, сахара 1360, жиров 749, сливы 166, яичного порошка 40 кг⁶⁷.

Всего за годы существования 13 столовых дали 3 млн обедов на сумму 3 млн 650 тыс. руб.⁶⁸

В ряде областей правления СПП и комиссии общественной опеки организовали подсобные хозяйства, которые играли существенную роль в удовлетворении нужд польских граждан. Так, например, в течение 1945 г. столовая в Кызыл-Орде получила из подсобного хозяйства огурцов 50 кг, помидоров 253, тыквы 93, свеклы 47, капусты 36 кг, кукурузы 1900 початков, картофеля 195 кг и др.⁶⁹

Во многих местах были созданы и успешно действовали кассы взаимопомощи и самопомощи. Самаркандская областная комиссия общественной

⁵⁹ Ibid., sygn. 152, k. 91.

⁶⁰ Ibid., sygn. 785, k. 25.

⁶¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7971, оп. 7, ед. хр. 356, л. 373.

⁶² Там же, ед. хр. 323, л. 8.

⁶³ ААН, ZPP, sygn. 152, k. 92—93.

⁶⁴ Ibid., sygn. 756, k. 10.

⁶⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7971, оп. 7, ед. хр. 323, л. 9.

⁶⁶ ААН, ZPP, sygn. 158, k. 34.

⁶⁷ Ibid., sygn. 806, k. 11.

⁶⁸ «Wolna Polska», 1946, № 21—22; ААН, ZPP, sygn. 756, k. 10.

⁶⁹ ААН, ZPP, sygn. 806, k. 11.

опеки в 1945 г. располагала фондом в размере 612 316 руб. Из этой суммы была оказана помощь в 4020 случаях на сумму 458 060 руб. В том же году Комиссия общественной опеки в Коканде для оказания материальной помощи 504 польским гражданам израсходовала 64 944 руб. В Наманганской обл. до конца 1945 г., т. е. за 14 месяцев своего существования, комиссия общественной опеки предоставила помощь на сумму 75 573 руб.⁷⁰. С февраля 1945 г. до 20 января 1946 г. из кассы взаимопомощи в Семипалатинске (Казахская ССР) получили помощь 868 человек, т. е. 35% общего числа проживавших в области поляков⁷¹. Всего на территории Советского Союза в годы войны существовало 270 польских касс взаимопомощи с оборотом 1 200 000 руб.⁷².

Советское правительство и СПП проявляли особую заботу о семьях польских военнослужащих. Семьи солдат и офицеров Войска Польского имели равные права с семьями красноармейцев в отношении льгот. Кроме того, они получали разовую помощь в размере 500 руб.⁷³. Отдел общественной опеки за два года направил около 10 тыс. посылок с подарками для семей военнослужащих⁷⁴. Семьям погибших на войне солдат и офицеров Войска Польского Главное правление СПП оказало помощь на сумму 140 тыс. руб.⁷⁵

Большое внимание этому вопросу уделялось на местах. Так, например, 11 мая 1944 г. Самаркандский областной отдел социального обеспечения принял постановление «Об улучшении материального положения семей солдат 1-й Польской армии в СССР». В нем предлагалось «проверить с участием представителей Союза польских патриотов или польских комиссий общественной помощи материально-бытовое положение каждой семьи военнослужащего Польской армии в СССР. Семьям, впавшим в нужду, немедленно оказывать необходимую материальную помощь в том же порядке, как это установлено для семей военнослужащих Красной Армии»⁷⁶.

В конце 1943 г. при Облправлении СПП в Самарканде был создан комитет по делам семей военнослужащих. Он занимался выяснением нужд семей военнослужащих и принимал меры для их удовлетворения. С января до марта 1944 г. 100 семей получили помощь дважды, а 42 семьи одноразовую. 11 детей из семей военнослужащих были направлены в санатории. В марте того же года была открыта столовая на 200 человек для семей военнослужащих и военных инвалидов⁷⁷. В Фергане члены комиссии опеки над семьями военнослужащих обходили их квартиры, знакомились с условиями их жизни и делали заключения об их нуждах⁷⁸.

В Алма-Ате только в период с 1 мая до конца 1945 г. из фондов горсобеса было выделено 60 семьям военнослужащих 300 кг муки, крупы и сахара, а 40 семьям 8 т саксоула для отопления⁷⁹. В Бухаре в 1945 г. Облправление СПП в качестве помощи выдавало вдовам погибших солдат по 250 рублей в месяц⁸⁰.

По инициативе СПП на местах для поляков-военных и гражданских инвалидов были созданы специальные дома и интернаты. В 1945 г. име-

⁷⁰ Ibid., sygn. 158, k. 34; sygn. 126, k. 30; sygn. 867, k. 17.

⁷¹ Ibid., sygn. 162, k. 74.

⁷² «Wolna Polska», 1946, № 21—22.

⁷³ AAN, ZPP, sygn. 716, k. 223.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ ДИМ, т. VIII с. 104.

⁷⁷ AAN, ZPP, sygn. 158, k. 2—3, 6.

⁷⁸ Ibid., sygn. 785, k. 24.

⁷⁹ Ibid., sygn. 59, k. 45.

⁸⁰ Ibid., sygn. 66, k. 11.

лись дома для инвалидов в Джамбуле (33 человека), Джалал-Абаде (45), Ленинабаде (49), в Мирзачульском районе (Ташкентская обл.) (23), в Бухарской области (390), Чимкенте (610), Караганде (80), Фергане (129), Андижанской области (63), Актюбинске (194), Акмолинске (353), в Алма-Ате (389 инвалидов) и в других местах (всего 37 польских индомов)⁸¹.

Для польских инвалидных домов в течение 1943—1944 гг. из фондов благотворительных грузов было выделено 20 835 кг продуктов, 943 кг мыла, свыше 300 шт. разной одежды, а с 21 мая 1943 г. по 1 января 1946 г. польские детские учреждения и дома инвалидов получили: жиров разных 56 484 кг, молока сухого и сгущенного 42 590, консервов разных 2714, супа-концентрата 54 929, сахара и других кондитерских изделий 8104, муки, крупы, гороха и фасоли 224 168 и какао 3062 кг, тканей разных 304 м, пальто 8734 шт., костюмов, гимнастерок, платьев, блузок, юбок 15 473, белья разного 13 017, верхнего трикотажа 19 624, одеял и пледов 5955 шт., обуви разной 8593 пары, чулок, носков и перчаток 8197 пар, мыла 7942 кг⁸².

При распределении продуктов и товаров через базы «Упрособторга» в первую очередь удовлетворялись нужды польских детей. Только в течение 1943—1944 гг. из благотворительных грузов для детских учреждений было выделено около 250 000 кг продуктов, 2168 пальто, 2063 пары обуви, 1723 пары белья, 1857 одеял, 14 231 шт. разной одежды, 1947 шт. галантерейных изделий и др.⁸³ Были организованы детские летние лагеря и колонии (Ош, Бухара, Джамбул, Фергана, Джалал-Абад и др.), а также специальные столовые.

Во время эвакуации польских граждан на родину Советское правительство выделило на удовлетворение их нужд 300 тыс. м хлопчатобумажных и 100 тыс. м шерстяных тканей, 80 тыс. пар обуви, на общую сумму 9 млн руб.⁸⁴

Таким образом, в трудные годы войны польские граждане, оказавшиеся на территории СССР, благодаря заботам Советского правительства были обеспечены жилищем и работой. За свой труд они получали такое же вознаграждение, как и советские люди. Польские граждане снабжались продовольствием по нормам, установленным для соответствующих категорий граждан СССР. Органы Советской власти при распределении продуктов и одежды особое внимание уделяли польским гражданам⁸⁵. Кроме того, польские граждане получали дополнительную помощь из специально выделенных Советским правительством средств и благотворительных поставок, что в значительной мере облегчило условия их жизни. Польские граждане добросовестно трудились в народном хозяйстве СССР и внесли свой вклад в общее дело победы над врагом. Союз польских патриотов сыграл важную роль в развитии трудового энтузиазма польских граждан и в осуществлении мер по социальному их обеспечению.

⁸¹ Ibid., sygn. 35, 23, 53; sygn. 42, k. 24; sygn. 172, k. 58; sygn. 33, k. 57, 80; sygn. 34, k. 37; sygn. 36, k. 3; sygn. 32, k. 73, 93, 100, 139; sygn. 756, k. 10.

⁸² Ibid., sygn. 716, k. 222; sygn. 760, k. 399.

⁸³ Ibid., sygn. 716, k. 222.

⁸⁴ ДИМ, т. IX, с. 145; «Wolna Polska», 15 VIII 1946.

⁸⁵ «Swiat i Polska», 1947, № 8, s. 6.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ З. СЕРАКОВСКОГО В 60-х ГОДАХ XIX ВЕКА

21 декабря 1859 г., после окончания военной академии в Петербурге, Зыгмунт (Сигизмунд) Сераковский был прикомандирован к департаменту генерального штаба. Начинаясь новый период его жизни, отмеченный, наряду с тщательно законспирированной подпольной работой, открытой борьбой за освобождение от побоев солдат — «самого бедного, самого жалкого сословия»¹.

Долгие восемь лет, предшествовавшие поступлению в академию, провел Сераковский в оренбургских линейных батальонах — настоящем аду жестокой муштры и палочной дисциплины. Здесь закалился его характер революционера, здесь он воочию удостоверился в том, «каково на деле положение простого народа», отсюда вынес аннибалову клятву борьбы «за освобождение народа от деспотизма»². А. И. Герцен, описывая, несомненно со слов самого З. Сераковского, его службу «на берегах Сыр-Дарьи», отмечал: «Там коротко изучил он ужасное положение полкового крепостного, военного раба, называемого солдатом. В дали, в которой не было ни контроля, ни посторонних, кроме киргиз, он наглядился на телесные наказания, и с тех пор им овладела одна мысль, дошедшая у него до фанатизма, до *idée fixe* — добиться уничтожения палок, розог, шпицрутенов и пр. в русской армии»³.

Представляется важным обратить внимание на то обстоятельство, что на берегу Сыр-Дарьи, в форте Перовском, Зыгмунт Сераковский почти два года служил вместе с Алексеем Плещеевым. Последний был отдан в солдаты по делу петрашевцев, причем в качестве главного обвинения против него выдвигалось распространение «преступного о религии и правительстве» письма Белинского к Гоголю⁴. Если ранее Сераковский мог и не знать этого выдающегося политического документа, то в Перовском представился случай познакомиться, по крайней мере, с его основными положениями. Трудно предположить, что «самые живые, современные национальные вопросы в России», сформулированные великим критиком, — «уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»⁵ — не становились предметом обсуждения двух близких друзей. Знакомство с Т. Г. Шевченко, восприятие идей В. Г. Белинского

¹ Т. Г. Шевченко. Повне зібрання творів, т. 5, Київ, 1963, с. 16.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 394.

³ А. И. Герцен. Сигизмунд Сераковский. Собр. соч., т. 17. М., 1959, с. 218.

⁴ «Петрашевцы». Сб. материалов, т. 3. М.—Л., 1928, с. 217.

⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956, с. 213.

определило дальнейший жизненный путь Сераковского. Уже в скором времени он стал «самым близким человеком в кружке „Современника“»⁶, другом Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена. Патриот и интернационалист, Сераковский отдал все силы борьбе за насущные потребности народных масс.

Отмена телесных наказаний, за которую он настойчиво ратовал, не могла быть реформой, укрепляющей самодержавие. Более того, ее проведение неминуемо расширяло круг возможных участников революционного движения за счет вовлечения в общественную жизнь ранее забытых (в прямом и переносном смысле) солдат. Примечательно, что буржуазные историки на протяжении полувека после гибели З. Сераковского упорно замалчивали его имя, а вся инициатива в деле ликвидации крепостнической системы наказаний приписывалась в лучшем случае либеральному князю Н. А. Орлову, а то и особам царской фамилии⁷.

Лишь в 1913 г. журнал «Голос минувшего» под заголовком «Статья Герцена „Сигизмунд Сераковский“» поместил небольшую заметку Ч. Ветринского и комментарий к ней В. Семевского, кратко излагавший биографию Зыгмунта Сераковского. В этой публикации указывалось на неудовлетворительную разработку истории отмены телесных наказаний и в связи с этим подчеркивалось, что «совершенно опущено одно имя, которое во всяком случае не должно быть забыто. Это Сигизмунд Сераковский...»⁸.

Ценные сведения по затронутому вопросу содержат воспоминания лиц, близко знавших Сераковского, — Я. Станевича, Я. Савицкого, Б. Дыбовского и Н. Г. Чернышевского⁹. В конце 50-х — начале 60-х годов XX в. усилиями советских историков и их польских коллег сведения, имевшиеся в мемуарной литературе, были проанализированы и приведены в определенную систему, что позволило целенаправленно и на научной основе вести поиск новых материалов. В работах А. Ф. Смирнова, В. А. Дьякова и В. М. Зайцева были впервые рассмотрены документы «прохождения службы» З. Сераковского. Г. Писарэк и Т. Ф. Федосова обнаружили значительное количество его неизвестных писем¹⁰. Но, как подчеркивал В. А. Дьяков, материалы по данной теме были далеко не исчерпаны¹¹.

⁶ В. Н. Шаганов. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. В кн. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2. Саратов, 1959, с. 131.

⁷ См. В. Л. Би н ш т о к. Материалы для истории отмены телесных наказаний в России. «Юридический вестник», 1892, кн. 3, 4, с. 400—444; Н. С. Голицин. Телесные наказания в России и их отмена. «Русская старина», 1890, № 4, с. 78—83; И. Гольденберг. Реформа телесных наказаний. СПб., 1913; Д. Н. Жбанков, Вл. И. Яковенко. Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899; М. Ступин. История телесных наказаний в России от судебных до настоящего времени. Владикавказ, 1887; А. Г. Тимофеев. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897.

⁸ «Голос минувшего», 1913, № 11, с. 210—214.

⁹ «Wspomnienie o Zygmuncie Sierakowskim — naczelnym wodzu powstania na Litwie i Zmudzi. Wyjątki z pamiętnika Jana Staniewicza». Opr. i wyd. Ż. Staniewicz. Kowno, 1939; Stguś (J. Sawicki). Ludzie i wypadki z lat 1861—1865, cz. 1—2, Lwów, 1894; «Pamięci Zygmunta Sierakowskiego». Napisał d-r B. Dybowski. Lwów, 1906; С. Г. Стахевич. Среди политических преступников. В кн. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2. Саратов, 1959, с. 87—89; В. Н. Шаганов. Там же, с. 131—133.

¹⁰ А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959; В. А. Дьяков. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. В кн. Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960, с. 63—124; «Новые материалы для биографии Зыгмунта Сераковского». В кн. К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964, с. 5—114.

¹¹ См. В. А. Дьяков. Там же, с. 123—124.

Настоящая статья имеет целью введение в научный оборот новых архивных материалов и на их основе — расширение представления об участии Сераковского в общественном движении России 60-х годов.

В фонде аудиторiatского департамента Центрального государственного военно-исторического архива СССР имеется источник, не привлекавший внимание исследователей, однако содержащий сведения, которые существенно уточняют и дополняют некоторые ранее известные факты жизни и деятельности Сераковского, — дело о его первой заграничной командировке. Документы дела характеризуют причисленного к генеральному штабу Арзамасского драгунского полка штабс-капитана Сераковского как офицера, «специально посвятившего себя исследованию важнейших военных преобразований и более или менее сильного влияния их на дух армий в главных государствах Европы». Оказывается, что сразу же после появления в департаменте генерального штаба он обратился к руководству военного министерства за разрешением пользоваться архивными материалами «с целью изучения истории... военного законодательства и нравственной статистики русской армии». Уже в январе 1860 г. разрешение было получено, и с тех пор Сераковский работал под непосредственным наблюдением генерал-квартирмейстера В. К. Ливена, по отзыву последнего, «дельно и добросовестно»¹².

За несколько месяцев им были рассмотрены «все замечательные дела в архивах канцелярии военного министра, инспекторского и аудиторiatского департаментов, относящиеся к изучаемому им предмету, а также пересмотрены важнейшие материалы, находящиеся в библиотеках императорской публичной, генерального штаба и некоторых других»¹³. Особенно интересовало Сераковского время царствования Петра I, когда в русской армии и на флоте вместо смертной казни начали практиковать наказания шпицрутенами, кошками, линьками, розгами.

В 1700 г. были изданы указы о смерти через повешение всех бежавших, «чтоб впредь непозадно было». Менее чем через пять лет этот порядок был изменен: казнили только одного из трех пойманных, а двух оставшихся в живых надлежало, «быв кнутом, сослать в ссылку вечно на каторгу». Царя никак нельзя было заподозрить в милосердии — просто нужны были «смертники» на тяжелейшие работы в Азов и в «новопостроенный город в Санктпетербург»¹⁴. А затем на передний план выступило наказание шпицрутенами. Указ от 20 декабря 1717 г. совсем отменяет смертную казнь за побеги, объявляя, что она была заимствована из законов иностранных армий¹⁵.

Какими же были в то время европейские военные законы? Сераковский ответил на этот вопрос, обнаружив в Петербурге их своды, относящиеся к петровской эпохе. «Никто до сих пор не знал или по крайней мере не упоминал о существовании этих сводов», — так докладывал военному министру о находке барон Ливен¹⁶. Основываясь на этих документах,

¹² ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 1—212. — «О командировании причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Сераковского за границу на Лондонский статистический конгресс для собрания материалов о содержании арестантских рот и вообще о положении в судейской части».

¹³ Там же, л. 27 об. В деле находится также документ, именуемый во внутренней описи «Запиской капитана Сераковского» (л. 48—49), об отсутствии в Петербурге необходимой военно-юридической литературы. Соавтором З. Сераковского в составлении этой записки мог быть Ян Станевич, в то время помощник библиотекаря Академии генерального штаба.

¹⁴ «Полное собрание законов Российской империи», т. 4. СПб., 1830, с. 92, 94, 284, 311.

¹⁵ Там же, т. 5, с. 528.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 28.

можно было доказать, что в то время русские законы, хоть и незначительно, но превосходили западноевропейские.

Впрочем, не для очередного панегирика Петру I готовил революционер-демократ Сераковский исторические материалы, а для того чтобы на их фоне еще резче проступили черты современной ему крепостнической России — единственного европейского государства, сохранившего чуть ли не в первозданном виде феодальную систему телесных наказаний. Он составляет две статистические таблицы о побегах и наказаниях за них: одну, относящуюся к началу XVIII в., а другую — к середине XIX в. Таким образом, «наглядно доказывалось, что число преступлений в разных армиях находится не в обратном, а в прямом отношении с свирепостью наказаний и где они свирепее, там и преступления свирепее и многочисленнее»¹⁷.

Выводы были ясны, но проведение в жизнь идеи об уничтожении телесных наказаний встретило немало трудностей. Надо учесть, что департамент генерального штаба не решал вопросов военного законодательства, и Сераковский, прикомандированный к нему, по сути являлся нарушителем «высочайшего повеления», по которому составление нового проекта военно-уголовного судопроизводства возлагалось на генерал-аудитора Философова и сенатора Капгера¹⁸. В таких условиях рассчитывать на прямую поддержку в военном министерстве было трудно, тем более что до З. Сераковского в России вообще никто не занимался сравнительной военно-юридической статистикой. И все-таки он находит возможность пропаганды своих взглядов.

В архивных фондах Географического общества СССР удалось обнаружить сведения о трибуне, с которой звучало страстное слово «вдохновенного Сигизмунда». Дело «Об избрании членов-сотрудников», относящееся к середине XIX в., содержит следующее заявление трех видных русских ученых того времени:

Имеем честь предложить к избранию в члены-сотрудники Императорского Русского Географического Общества причисленного к Генеральному Штабу Штабс-капи[та]на *Сераковского* (Сигизмунда Игнатевича), который по поручению своего начальства занимается исследованием в кругу статистики, нравственной и уголовной, в русских и иностранных войсках. — *Г. Сераковский желал бы сообщать результаты своих исследований Отделению Статистики* (подчеркнуто мною. — П. У.) и пользоваться учеными пособиями Общества.

Безобразов
Гернер
Вернадский

Адрес: Адмиралт. площадь, д. Корзинкина¹⁹.

Избрание Сераковского в состав общества состоялось 28 марта 1860 г.²⁰, о чем новый член-сотрудник был уведомлен вице-председателем общества адмиралом Ф. П. Литке²¹. Архивные розыски позволили обнаружить и неизвестный автограф Сераковского — его ответное письмо:

¹⁷ А. И. Герцен. Там же, с. 219.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 22.

¹⁹ Архив Географического общества СССР (г. Ленинград), ф. 1—1856, оп. 1, д. 47, л. 157.

²⁰ «Вестник Императорского русского географического общества», 1860, ч. 29, Действия общества, с. 66.

²¹ Архив Географического общества..., л. 159.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь
Федор Павлович!

Я имел честь получить отзыв, которым ваше высокопревосходительство благоволили уведомить, что я удостоился избрания в Члены-Сотрудники императорского Русского географического общества. Звание это возлагает обязанность трудиться для развития земледелия и наук общественных, имеющих тесную с ним связь. По мере сил моих, я буду стараться отвечать этому призванию.

Диплом на звание Члена-Сотрудника и Устав общества я получил.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь оставаться вашего высокопревосходительства покорный слуга

С. Сераковский

С. Петербург.

9 апреля 1860 года ²².

В специальной литературе о З. Сераковском поднимался, но остался нерешенным вопрос о том, почему он был направлен в качестве представителя военного министерства России на Лондонский статистический конгресс ²³. Ответ на этот вопрос непосредственно связан с обнаруженными документами. Именно от лиц, принимавших участие в работе отделения статистики (например, от рекомендовавшего его в общество И. В. Вернадского), мог Сераковский узнать о предстоящем конгрессе, после чего подал руководству департамента генерального штаба мысль о своей поездке как в Лондон, так и в столицы других европейских государств.

Переписка В. К. Ливена с генерал-аудитором В. Д. Философовым подтверждает строки воспоминаний друга и соратника З. Сераковского — Яна Станевича: «Эта идея (о поездке в Лондон. — П. У.) принадлежала Зыгмунту и ему же поручили ее исполнить» ²⁴. По самому замыслу поездки должна была преследовать практическую цель — ее результаты предполагалось применить для усовершенствований и преобразований в уголовном законодательстве. Причем в качестве «образца предполагаемых исследований» послужила одна из составленных Сераковским сравнительных таблиц — «законодательств в русской и французской армиях о побегах, с статистическими данными о преступлениях сего рода за несколько лет» ²⁵.

Интересно, что поскольку речь в переписке руководителей двух департаментов — аудиторiatского и генерального штаба — с самого начала шла о том, чтобы лицо, посылаемое за границу, обладало достаточными познаниями как в области статистики, так и в вопросах военного законодательства, то кандидатура Сераковского оказалась единственной. После встреч с ним Философов «совершенно убедился сколько в отличных его способностях, столько и в основательном знании им военно-уголовного законодательства» ²⁶. Эрудиция З. Сераковского была столь обширна, что если генерал-квартирмейстер считал его специально посвятившим себя исследованию важнейших военных преобразований, то генерал-аудитор смог сделать заключение, что он преимущественно себя посвятил юриспруденции.

16 мая 1860 г. военному министру Н. О. Сухозанету был подготовлен доклад «На счет командирования штабс-капитана Сераковского за границу

²² Там же, л. 156.

²³ См. А. Ф. Смирнов. Там же, с. 51; В. А. Дьяков. Там же, с. 91.

²⁴ «Wspomnienie o Zygmuncie Sierakowskim...», s. 20.

²⁵ ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 2.

²⁶ Там же, л. 22.

для участия в Лондонском статистическом конгрессе, изучения форм военного судопроизводства и собрания историческо-статистических сведений об армиях главнейших государств Европы»²⁷. Однако, несмотря на всю убедительность доводов в пользу поездки Сераковского, консервативный военный министр всячески затягивал решение этого вопроса. Поэтому барон Ливен (как видно из материалов, опять-таки не без участия своего подчиненного) подал 25 мая рапорт о том, что как выпускник Академии генерального штаба Сераковский может, не получив командировки, выехать за границу в четырехмесячный отпуск²⁸.

Такое смелое заявление сыграло свою роль, и на следующий день, 26 мая, шестимесячная поездка в Лондон и другие столицы европейских государств была разрешена²⁹. Кроме подробных инструкций, командированный офицер, имевший «весьма незначительные денежные средства», получил от генерал-квартирмейстера и разрешение жить во Франции или Германии в таких местах, где «будет удобнее и дешевле», а также право раньше срока возвратиться в Петербург или «прожить некоторое время у... родственников в западных губерниях, если... нужно будет, пред окончанием командировки, побывать... в Берлине или Вене»³⁰.

В июне З. Сераковский отбыл в Лондон, и его деятельность приобрела там столь широкое признание, что уже в начале сентября сам Сухозанет обратился к царю с просьбой о продлении командировки еще на шесть месяцев и о выделении на нее дополнительных средств.

В своем докладе Александру II военный министр отмечал, что в пятом отделении международного статистического конгресса, рассматривавшем проблемы, связанные с народными переписями, с военной и морской статистикой, Сераковский «возбудил вопрос и представил проект и план касательно составления *сравнительного исследования военно-уголовных кодексов главных европейских армий и сравнения военно-уголовных отчетов армий различных государств*». И далее в докладе указывалось: «Разумные и энергические действия капитана Сераковского доставили ему со стороны английского военного министерства внимание, участие и содействие... Английский военный министр сэр Сидней Герберт оказал капитану Сераковскому полную благосклонность...»³¹.

Этот документ может служить своеобразным «официальным комментарием» к соответствующему отрывку из статьи А. И. Герцена «Сигизмунд Сераковский»: «Тотчас по приезде своем в конгресс Сераковский втеснил свой вопрос о телесных наказаниях солдат, потребовал цифры, процессы, все подробности... Военным секретарем или министром был тогда благородный и умный Сидней Герберт; нервный, подвижный, страстный Сераковский увлек холодного брита, sir Herbert велел ему доставить все сведения, дружески принимал его, познакомил с своей семьей и пр.»³².

Закончив работу в Англии, З. Сераковский в августе выехал во Францию, где провел почти всю осень, а затем его маршрут был следующим:

²⁷ Там же, л. 27—37.

²⁸ Там же, л. 39—40.

²⁹ Там же, л. 39.

³⁰ Там же, л. 53. Если З. Сераковский воспользовался разрешением заехать во время командировки на территорию западных губерний России, то объясняется возможность его знакомства с будущей женой Аполонией Далевской в 1861 г. перед выездом за границу. См. В. Б. Бик у л и ч. Воспоминания А. Сераковской (Далевской) и другие материалы о З. Сераковском в ЦГИА Литовской ССР. В кн. К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964, с. 76.

³¹ ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 64—65.

³² А. И. Герцен. Там же, с. 219.

Бельгия (ноябрь) — Пруссия (декабрь) — Австрия (декабрь 1860 — январь 1861). В феврале месяце он вернулся в Париж³³.

По мере накопления и обработки материалов своих исследований З. Сераковский посылал в военное министерство России отчеты-донесения. Из них в деле сохранилась лишь часть французской и австрийской корреспонденции: записка из Парижа «Еще несколько слов о кафедре военно-уголовного законодательства при училищах Генерального штаба», а также перевод записок и письма венского профессора подполковника-аудитора М. Дамьянича — «противника телесных наказаний», как тот себя называл³⁴.

Что касается других отчетов, то 16 июня 1861 г. они были взяты из дела самим Сераковским, вернувшимся из командировки, и послужили основой четырех его статей под общим названием «Извлечение из писем о военно-уголовных законодательствах и о военных учреждениях главнейших европейских государств» в журнале «Морской сборник».

Из опубликованных материалов прежде всего следует выделить те, что относятся к ноябрю 1860 г. и носят подзаголовок «Франция». Их только чисто формально можно считать зарубежными. Собственно, о французском военно-уголовном законодательстве речь идет менее чем в трети текста, да и то в тесной связи с делами в России. В служебной переписке военного министерства соответствующая записка, полученная от Сераковского из Парижа, прямо именуется особой запиской «по предмету уничтожения у нас (т. е. в русской армии.— П. У.) телесных наказаний»³⁵. Именно этому, главному своему военно-юридическому труду З. Сераковский придавал наибольшее значение в официальной постановке вопроса об уничтожении телесных наказаний. Записка была прочитана послу России во Франции графу П. Д. Киселеву и отправлена в Петербург лишь тогда, когда ее автору стало точно известно, что с его донесениями знакомятся не только высшие военные чины, но и сам царь Александр II. В. К. Ливен докладывал о ней военному министру 1 декабря 1860 г.³⁶ — более чем за три месяца до того, как русский посланник в Бельгии князь Н. А. Орлов представил свою записку «Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и в Царстве Польском». В. А. Дьяков высказал предположение, что само появление записки Орлова «в какой-то мере связано с деятельностью Сераковского»³⁷. Это находит подтверждение в факте посещения З. Сераковским Брюсселя (сразу же после выезда из Парижа в том же месяце — ноябре). Хотя он и не застал князя в столице Бельгии, тем не менее мог передать ему свои материалы.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, в свою очередь, записка Сераковского появилась после того, как ее автор посетил в Лондоне А. И. Герцена. В свете герценовских слов, показывающих осведомленность об участии Сераковского и Орлова «в деле отмены телесных наказаний», необходимо предположить, что идея их записок могла принадлежать и самому Герцену, постоянно пропагандировавшему освобождение от побоев на страницах «Колокола». Возможно, именно этим и объясняется, почему З. Сераковский «несколько раз приезжал за полночь» читать ему ту или иную свою записку³⁸.

³³ ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 59, 75, 117, 121, 133, 145, 146. В докладе военного министра царю от 10 сентября 1860 г. указывалось, что кроме Лондона, Парижа, Берлина и Брюсселя Сераковский должен был посетить также Турин и другие европейские столицы (л. 66).

³⁴ Там же, л. 79—83, 151—155, 158—161.

³⁵ Там же, л. 120.

³⁶ Там же, л. 117—118.

³⁷ В. А. Дьяков. Там же, с. 107.

³⁸ А. И. Герцен. Там же, с. 219—220.

Красной нитью в работе З. Сераковского проходит мысль о том, что уничтожение телесных наказаний, как и породившего их крепостного права, должно проводиться в интересах народа. Самым важным аргументом выдвигается потребность «огромной массы людей», а наиболее авторитетным человеком, на которого ссылается автор, является при этом «волею народа, солдат Франции» — представитель страны, где революция 1789—1794 гг. разрушила феодальный сословный строй. Солдат-гражданин — вот идеал З. Сераковского, писавшего, что «телесное наказание, поддерживая наружную дисциплину, убивает в то же время ту истинную дисциплину, которая рождается из сознания своих обязанностей, сознания важности своего призвания». И если невозможно было ни в служебной записке, ни в подцензурной статье прямо выразить классовые интересы крестьян, одетых в солдатские мундиры, то Сераковский все же нашел форму их отражения. «Между солдатами нашими все более и более,— заявил он,— распространяются сведения о военных законах европейских армий; многие пленные, как мне рассказывали французские офицеры, были свидетелями во Франции решения нескольких военно-судных дел, обнаруживали при этом большую любознательность и сознавали все превосходство словесного и гласного суда»³⁹.

Цензурные стеснения не позволили автору военно-юридических статей в «Морском сборнике» в полной мере развить свои идеи. Вероятно, некоторое время помещение французской записки вообще было под сомнением. В первом номере журнала за 1862 г., начиная публикацию «Извлечений из писем» Сераковского с бросающимся в глаза нарушением их хронологического порядка, редакция поместила следующее примечание: «Извлечение из писем о Франции мы надеемся поместить (не поместим, а только *надеемся поместить*.— П. У.) впоследствии»⁴⁰. Когда в третьем номере упомянутая статья, наконец, увидела свет, в ней явственно ощущалось отсутствие значительной части текста. Пропуск строк четко обозначен, например, там, где речь заходит о варварской отсталости России. «Каждая система хороша, пока может развиваться в известном направлении» — этот довольно красноречивый тезис предшествует прочерку, а между тем есть все основания полагать, что в этом месте представлялись бесспорные доказательства высказанной мысли с «привязкой» к российской действительности. Вслед же за прочерком появилась строка: «Совершенно *иные результаты* (выделено мною.— П. У.) представляет радикальное изменение системы наказаний...»⁴¹. Но то, с чем можно было бы сравнить эти «иные результаты», как раз и отсутствовало в статье!

Бдительность цензуры несколько притуплялась, когда речь заходила о зарубежных странах. С учетом этого обстоятельства в русской печати широкое распространение получили письма из-за рубежа, иностранные известия и т. п. Их форма давала возможность выразить то, чего нельзя было прямо сказать о России. Достаточно вспомнить итальянские корреспонденции Н. А. Добролюбова, статьи Н. Г. Чернышевского о Франции, Австрии, Сербии или «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов» З. Сераковского и его же «Заграничные известия» в «Современнике». В одном ряду с этими произведениями революционно-демократической журналистики стоят и «Извлечения из писем о военно-уголовном законодательстве и военных учреждениях главнейших европейских государств».

Уже в первой статье — о Пруссии — обращает на себя внимание аналогия описанных событий с русскими. Особенно показательны в этом от-

³⁹ «Морской сборник», 1862, № 3, часть неофициальная, с. 162—164.

⁴⁰ Там же, № 1, часть неофициальная, с. 238.

⁴¹ Там же, № 3, часть неофициальная, с. 162.

ношении строки о «страшном и отвратительном» наказании шпицрутенами. Сераковский в них выступает как очевидец «гнания сквозь строй»: «Если наказуемый прошел *один раз* (вероятно, через 500 человек), куски окровавленного мяса уже отрывались от спины»⁴². Из дальнейшего текста вскоре выяснялось, что подобное автор мог видеть только в России, так как в Пруссии телесное наказание к тому времени уже не существовало.

Разоблачению порядков, узаконенных в России, служила и следующая статья — об Австрии. В подцензурной печати отсталая феодальная Австрия вообще была своеобразным эквивалентом крепостнической России. Воспользовавшись пребыванием в Вене, Сераковский обнародовал результаты своего давнего сравнения числа побегов в разных армиях. Австрия и в данном случае удачно выступила в роли России, поскольку в обеих странах почти одновременно, в 1855—1856 гг., были приняты постановления об уменьшении ударов при телесном наказании. «Вообще до 1855 г. число побегов и самовольных отлучек было около 4000, после 1855 г. около 2000 ежегодно, — писал З. Сераковский. — Относительно — это очень хорошо, но в сравнении, например, с французской армией, весьма дурно. Там в 1858 г. число побегов было всего 294»⁴³.

Ни ограничение числа ударов, ни сокращение круга лиц, их получающих, не могло удовлетворить Сераковского, выступившего против того, чтобы «разными частными мерами... пособлять общим недостаткам»⁴⁴. Характерно отличие его точки зрения от либеральной, выраженной в «Современной летописи» «Русского вестника». Журнал Каткова с восторгом приветствовал систему наказаний, введенную в 1859 г. в Англии. Эта система разделяла всех солдат на два класса, в одном из которых телесные наказания отменялись, а в другом — сохранялись. Но практически дело обстояло так, что любой английский солдат по-прежнему мог быть наказан телесно: только не за одно (за него как раз и переводили во второй класс), а за два нарушения воинской дисциплины.

И если либеральный «Русский вестник» объявлял эту жалкую полумеру «новой победой над стародавними предрассудками», восхваляя неторопливость английского правительства⁴⁵, то революционер-демократ З. Сераковский клеймил ее позором: «Во-первых, считаю долгом обратить внимание на вопрос, который занимает теперь английских ученых и образованнейших военных людей английской армии. В заседаниях статистического конгресса, и в гостиных его членов, везде я встречался с этим вопросом. Это *вопрос о телесных наказаниях*. Англичане сами не знают, кажется, как справиться с этим вопросом. Они стыдятся сознаться перед иностранцами, что у них существует еще это наказание. Так, например, меня публично стали уверять в заседании V отделения статистического конгресса лорд Стенгоп, Грем, Register-General и друг., что телесное наказание уничтожено в прошлом году в английской армии. К счастью, я имел под рукою приказы герцога Кембриджского, где прямо сказано, что 2-й класс солдат подлежит телесному наказанию, и господа эти, закусая губы, должны были замолчать...»⁴⁶. В Англии, как и в России, требованием польского революционера оставалось «совершенное уничтожение телесных наказаний»⁴⁷.

⁴² Там же, № 1, часть неофициальная, с. 239.

⁴³ Там же, № 2, часть неофициальная, с. 308.

⁴⁴ Там же, № 3, часть неофициальная, с. 171.

⁴⁵ «Русский вестник», 1859, № 11; «Современная летопись», с. 92—95.

⁴⁶ «Морской сборник», 1862, № 4, часть неофициальная, с. 350.

⁴⁷ Там же, с. 357.

С весны 1862 г. З. Сераковский возвращается к активному участию в работе Русского географического общества. Это было связано как с окончанием его новой командировки⁴⁸, так и с общей активизацией деятельности революционной демократии России. 8 марта 1862 г. отделение статистики приняло решение «включить в список лиц, изъявивших свое согласие на чтение публичных лекций, С. И. Сераковского, заготовившего в течение нескольких лет, в особенности во время, проведенное им в главных государствах Европы, обширный материал по уголовной статистике». Тогда же он «вкратце изложил главные результаты своих исследований, что повело к оживленным прениям»⁴⁹.

Сотрудничая в Русском географическом обществе, З. Сераковский не замыкался в рамках одного вопроса. Он был избран членом комиссии по составлению проекта переписи населения Петербурга, участвовал в заседании Политико-экономического комитета, созданного при обществе. В далеких, на первый взгляд, от практики научных проблемах Сераковский умел выделить политическую сторону, заостряя внимание на тех проявлениях отсталости России, которые тяжело отражались на жизни народа. На заседании Политико-экономического комитета, обсуждавшем вопросы торговли и взимания налогов, после его выступления было выработано общее суждение, игнорирующее сословные привилегии и права⁵⁰, а в докладе комиссии по составлению проекта переписи, членом которой он состоял, зазвучали слова о том, что в результате правительственной деятельности «народ отягощается напрасно»⁵¹.

В последнем случае обращает на себя внимание использование приема, характерного для «Извлечений из писем» Сераковского, — сопоставления современного положения с тем, что было при Петре I. «...Русское военно-уголовное законодательство во времена Петра Великого ничем не было хуже западноевропейских и в некоторых отношениях их превосходило. Но с тех пор прошло полтора столетия. Все военно-уголовные законодательства совершенствовались; наше со времен Петра Великого осталось почти неподвижно, и потому мы страшно отстали»⁵², — это напечатано в «Морском сборнике», а вот что мы находим в «Записке о необходимости замены принятых до сих пор в России способов народоисчисления правильною переписью или цензом...», составленной при участии З. Сераковского: «Первый опыт введения в России переписи (ревизии) при императоре Петре Великом... стоял в уровень с существовавшими тогда в большей части Европы воззрениями. Но с тех пор практика... в России сохранила формы в высшей степени тягостные для народа и бесполезные для самого дела...»⁵³.

Пропаганда демократических взглядов в Русском географическом обществе была частью общего плана деятельности «партии Чернышевского». Стремясь создать широкую оппозицию правительству, революционеры-демократы обращались к тем представителям интеллигенции, которые, изучая жизнь народа, проникались сочувствием к нему. В свете этого на-

⁴⁸ 24 февраля 1862 г. З. Сераковский отчитался за свою командировку в северо-западные губернии России «для изучения состояния арестантских рот». В «расчете развезден» им указаны маршруты двух его поездок: С.Петербург — Вильно — С.Петербург и С.Петербург — Вильно — Ковно — Динабург — кр. Динамюнде — Динабург — С.Петербург. См. ЦГВИА, ф. 801, оп. 99/73, канцелярия, 1 ст., 1860, д. 180, л. 194—195.

⁴⁹ «Записки императорского Русского географического общества», 1862, кн. 4, Действия общества, с. 49.

⁵⁰ «Вестник...», ч. 23, приложение, с. 30—31.

⁵¹ «Записки...», с. 6.

⁵² «Морской сборник», 1862, № 3, часть неофициальная, с. 171.

⁵³ «Записки...», с. 4.

ходит объяснение и отмеченное в воспоминаниях о Сераковском разнообразии лиц, его посещавших, — «поэты, писатели, редакторы, художники, артисты, попы, патеры и муллы, помещики губерний северо- и юго-западных, малорусских и великорусских, книгопродавцы и владельцы типографий, высокопоставленные гражданские и военные чины, профессора и студенты, офицеры всех родов оружия, путешественники, доктора, сибиряки и оренбургцы, бывшие политическими ссыльными и не бывшие ими»⁵⁴.

Одновременно с З. Сераковским в состав Географического общества входили такие участники освободительного движения 60-х годов, как С. Ф. Лугинин, В. М. Аничков, А. И. Макшеев, В. Д. Спасович, Б. Ф. Калиновский. Книжным комиссионером общества был ближайший соратник Н. Г. Чернышевского, один из организаторов «Земли и воли» Н. А. Серно-Соловьевич. Как и Сераковский, он выступил на одном из заседаний Политико-экономического комитета⁵⁵.

Вопрос об активном участии революционеров-демократов в Русском географическом обществе — новый, но, безусловно, заслуживающий пристального внимания. Несомненный интерес, в частности, представляет возможность знакомства З. Сераковского с такими членами общества, как первый казахский ученый и художник, просветитель-демократ Чокан Валиханов, как выдающиеся деятели русской культуры Н. Лесков и В. Стасов. Прямая связь не только статей Сераковского, но и его выступлений в Географическом обществе видится с известным протестом 106 офицеров против пропаганды телесных наказаний.

Анализ уже обнаруженных документов с привлечением новых данных позволяет полнее изучить многогранную деятельность Зыгмунта Сераковского, ее влияние на общественную борьбу в России периода первой революционной ситуации.

⁵⁴ Н. Д. Новицкий. Из далекого минувшего. «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, с. 100.

⁵⁵ «Записки...», кн. 2, Действия общества, с. 62—64.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Д. МОЗЕРОВ. Совершенствование управления промышленностью в Болгарии. 1944—1968. Саранск, 1975, 154 с.

Экономическая политика коммунистических партий в социалистических странах, проблемы совершенствования аппарата управления народным хозяйством являются предметом все более пристального внимания историков не только в Советском Союзе, но и в Болгарии.

В. Д. Мозеров, основательно изучив всю имеющуюся литературу вопроса, материалы об экономическом развитии социалистической Болгарии, опубликованные в болгарской печати, правильно осмыслил проблемы социалистического строительства в Болгарии, скрупулезно разработал его историю и избежал ошибок, которые, как правило, вкрадываются в труды зарубежных исследователей. Кроме того, он показал себя хорошим экономистом, и это позволяет рассматривать его труд не только как исторический, но и как экономический.

Автор отлично знает многочисленную научную литературу об экономическом развитии СССР и стран социализма, и это придает его труду еще одно достоинство: он разрабатывает ряд проблем в сравнительном плане, некоторые важные тенденции развития управленческого аппарата в Болгарии сравниваются им с аналогичными тенденциями в других социалистических странах, что помогает ему сделать более широкие выводы. Отметим, однако, что сравнительный аспект исследования можно было значительно расширить.

В. Д. Мозеров умело разоблачает фальсификации буржуазных «болгароведов», в первую очередь, представителей «Остфоршунга».

Монография В. Д. Мозерова состоит из введения, четырех глав и заключения. Ученый использует хронологический принцип изложения материала, который нам кажется очень удачным. Первая глава охватывает 1944—1947 гг., вторая — 1948—1958 гг., третья — 1964, в четвертой анализируется период осуществления экономической реформы вплоть до Июльского пленума ЦК БКП 1968 г., на котором новая система планирования и управления народным хозяйством получила дальнейшее развитие.

Таким образом, уже самим расположением материала В. Д. Мозеров предла-

гает свою периодизацию экономического развития Болгарии. Приводимая автором периодизация переходного периода (1944—1958) стала уже традиционной и прочно утвердилась в историографии. Что же касается периодизации строительства развитого социалистического общества, к которому Болгария приступила после VII съезда БКП (1958), то среди болгарских историков и экономистов развернулась оживленная дискуссия. Точка зрения В. Д. Мозерова на периодизацию развития после 1958 г., на наш взгляд, вполне приемлема.

Однако мы хотели бы сделать небольшое замечание. Заглавия I и II глав недостаточно четко сформулированы. Название главы I — «Экономическая политика БКП в области промышленности в период создания предпосылок для социалистического строительства в 1944—1948 гг.» — и приведенный в ней материал могут создать у читателя впечатление, что в тот период в Болгарии не велось социалистическое строительство, а лишь создавались для него предпосылки. В марксистской историографии уже давно принято считать, что социалистическое строительство в Болгарии началось непосредственно после 9 сентября 1944 г. В заглавии II главы — «Установление и развитие социалистической системы управления промышленностью в период строительства основ социализма в 1949—1958 гг.» — автору следовало бы пояснить, что он подразумевает под «строительством основ социализма», так как этот вопрос имеет дискуссионный характер. (Вероятно, по указанной причине данное понятие не употребляется в новой программе БКП, принятой на X съезде партии в 1971 г.) В настоящее время в Болгарии все более утверждается мнение, что это понятие относится ко всему переходному периоду, т. е. в переходный период закладываются основы социализма, а в следующий период возводятся «здание социализма» — развитое социалистическое общество.

Хотя в рецензируемой монографии ставилась цель выяснить характер процесса построения и развития управленческого аппарата промышленности, в ней в большей или меньшей степени оказались за-

тронуты проблемы управления всей болгарской экономикой и были освещены все основные вопросы экономической политики БКП.

В рецензии трудно перечислить все то новое, что вносит в науку труд В. Д. Мозерова. Попытаемся все же отметить самое важное. В первой главе особенный интерес вызывает разработка проблемы, как, в какой мере и до каких пор народно-демократическая власть использовала формы контроля и регулирования частной промышленности, как в эти старые формы вносилось новое социалистическое содержание. Вопросы о роли и месте рабочего контроля в 1944—1947 гг., об использовании государством налоговой системы, проблемы государственного ценообразования, снабжения, сбыта и т. д. автор рассматривает под новым углом зрения, открывает в них новые еще недостаточно исследованные аспекты. Интересна и разработка еще не получившей должного освещения проблемы развития форм социалистического хозяйства в государственном секторе промышленности в период до 1948 г. Здесь также затрагиваются вопросы первоначального социалистического планирования, введения хозрасчета в государственных предприятиях, формирования нового социалистического бюджета и т. д.

Вторая глава посвящена разработке неисследованных проблем: сущности Государственного индустриального объединения, месту и роли советов в управлении промышленностью, формированию новой социалистической налоговой системы, ее роли в регулировании производственного процесса, сущности новой политики ценообразования и кредита, системы установления амортизационных отчислений, оплаты по труду, совершенствованию аппарата планирования социалистической промышленности и т. д.

Большой интерес представляет и вопрос о замедленном темпе индустриализации Болгарии во второй пятилетке (1953—1957 гг.). До сих пор это явление объяснялось, главным образом, субъективными ошибками в управлении экономикой того времени. В. Д. Мозеров выдвигает на передний план объективные причины. Прежде всего он подчеркивает, что значительное завышение темпов развития тяжелой промышленности, при ограниченной фондоотдаче, медленном кругообороте оборотных средств и трудностях строительства приводило к существенному уменьшению возможностей для новых капиталовложений. Более того, автор отмечает, что социалистическую индустриализацию не следует рассматривать как некий непрерывный, прогрессивно восходящий процесс и что увеличение масштабов индустриального производства

может осуществляться в различные периоды более быстрыми или более медленными темпами.

Интересно и решение вопроса о роли Апрельского пленума БКП 1956 г. в усовершенствовании управления экономикой в целом и промышленностью в частности.

Показывая, как партия в 1958—1968 гг. преодолевала возникшие трудности, обобщала огромный опыт практики и на его основе смело вводила новые формы и приемы хозяйственного руководства, В. Д. Мозеров выявляет почти все те экономические предпосылки, которые привели БКП к необходимости и одновременно создали возможности коренного изменения механизма экономики — формированию новой системы планирования и руководства народным хозяйством. Автор осветил самые характерные черты новой системы — прежде всего широкое использование экономических законов социализма, усовершенствование планирования и особенно таких его форм, как перспективное планирование, прогнозирование и моделирование, разработку новой, более гибкой и экономически обоснованной структуры управления промышленностью, основным звеном которой являлось впервые созданное Государственное хозяйственное объединение, правильное сочетание принципов централизации и децентрализации, а также отраслевого и функционального методов в системе руководства, усовершенствование таких экономических рычагов, как ценообразование, кредитирование, системы оплаты по труду, налогообложение предприятий, руководство и стимулирование научно-технического прогресса и т. д. При этом автор раскрыл всю сложность функционирования новой системы в период с 1964 по 1968 гг., все те трудности и противоречия, которые творчески преодолевала БКП.

Конечно, мы разделяем не все оценки и положения автора книги. По нашему мнению, В. Д. Мозеров до известной степени завысил оценку роли и значения централистской системы в НРБ на протяжении первой и второй пятилеток. Он считает, что данная система превратилась в тормоз для дальнейшего развития промышленности лишь в середине — конце 50-х годов. Тот факт, что тогда она наиболее полно соответствовала задачам прогресса, еще не доказывает отсутствия в ней серьезных, проявившихся с самого начала, недостатков, которые было можно и нужно преодолеть. Они имелись в системе планирования, снабжения, финансирования и т. д.

Несмотря на замечания, труд В. Д. Мозерова является ценным вкладом в исследование социалистического строительства в Болгарии.

Владимир Мигев

И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975

Книга И. Б. Грекова посвящена одной из наиболее важных и интересных, но наименее изученных проблем истории Восточной Европы.

Автор поставил своей целью путем комплексного изучения международных отношений восточноевропейских стран на рубеже XIV—XV вв. выявить специфику внешней политики каждой из них. Монография является смелой попыткой выйти за пределы национальных масштабов и дать синтез политических взаимоотношений ведущих государственных образований Восточной Европы — Руси, Польши, Литвы, учитывая воздействие на них таких политических сил, как Золотая Орда, Орден, Константинопольский патриарх и папская курия.

И. Б. Греков особенно подробно рассматривает борьбу центробежных и центростремительных сил, консолидацию этнически однородных территорий и политическую систему, которая сложилась в Восточной Европе в результате установления власти золотоордынских ханов. Автор, на наш взгляд, справедливо утверждает, что Золотая Орда поддерживала установившийся порядок господства и подчинения путем умелого использования в своих интересах тех процессов, которые шли на Руси. В частности, Золотая Орда поддерживала центробежные силы, противопоставляла их центростремительным, а когда последние стали преобладающими, сталкивала друг с другом крупные феодальные образования. Если в начале XIV столетия в процессе объединения Руси, противопоставляющей себя Орде, на авансцену выходит Тверь, то с течением времени первенство в процессе объединения Руси переходит к Москве, чем и обусловлен союз Литвы и Орды, направленный против Москвы. Вместе с тем усиливается борьба Москвы и Вильно за первенство в процессе объединения русских земель. Тяга определенных кругов православных русских феодалов Литвы и православного духовенства к Москве сочеталась со стремлением других групп феодалов к объединению Руси в целом, независимо от московской или литовской ориентации. Идею единства Руси, безразлично на какой основе, лишь бы она гарантировала единство русской православной церкви, поддерживала константинопольская патриархия. Эта тенденция нанесла определенный ущерб объединению Руси Москвой, а, следовательно, образованию единого Русского государства и консолидации великорусской народности.

На определенных этапах наступило сближение Москвы и Литвы. Так было при Василии Дмитриевиче, Витовте и Киприане.

Круг источников, привлеченных И. Б. Грековым, очень широк. Им изучены русские, польские, ордынские, орденские и другие материалы. В основу своего труда И. Б. Греков положил русские летописи, исторические повести и другие русские источники второй половины XIV — первой трети XV в. Литература, посвященная им, очень велика и предшественников у И. Б. Грекова немало. И тем не менее он сделал ряд ценных и интересных наблюдений. Особенно это относится к русскому летописанию рубежа XIV и XV вв.

И. Б. Греков отмечает две противоположные тенденции в истории летописания на Руси той поры — общерусскую и локальную. По его мнению, в «Летописце великом русском» имелись более пространные, лучше передающие общерусские события редакции «Повести о Куликовской битве» и «Повести о нашествии Тохтамыша», чем в Троицкой и Симеоновской летописях.

И. Б. Греков полагает, что Суздальская летопись по Академическому списку отражает ту так называемую «общерусскую программу» не только церковного, но и политического единства Руси Владимирской, Руси Московской и Руси Литовской, выразителем и поборником которой являлся митрополит Киприан.

Заслуживает внимания трактовка И. Б. Грековым «Списка русских городов, ближних и дальних». По его мнению, «Список» представлял собой своего рода политическую карту, столь необходимую митрополиту Киприану для обоснования его претензий на создание новой патриархии, патриархии всей православной Руси независимо от государственных границ. Вместе с тем, в этом памятнике была отражена и реальная политическая действительность, что подтверждает сопоставление с «Актами Константинопольского патриарха».

Оригинальную точку зрения И. Б. Греков высказал и по поводу Троицкой летописи, которую он считает не столько общерусским, сколько московским сводом. Поэтому он полагает, что и в основу «Полихрона» Фотия была положена не Троицкая летопись, а «Летописец великий русский».

Источниковедческий анализ И. Б. Грекова пронизан стремлением познать дошедшие до нас памятники через призму политической борьбы. Это относится и к летописям, и к литературным памятникам. И. Б. Греков увязывает последовавший за Куликовской битвой процесс объединения Руси с появлением ряда литературных памятников — «Задонщины», «Жития митрополита Петра», «Сказания о Мамаевом побоище». Одним из источ-

ников памятников куликовского цикла И. Б. Греков считает «Житие Александра Невского» и, вслед за А. И. Роговым, обращает внимание на то, что в «Житии митрополита Петра» Александр Невский уже именуется «блаженным». К тому же 1381 г. (И. Б. Греков присоединяется к Л. А. Дмитриеву, датирующему этим годом «Житие митрополита Петра») относится канонизация Александра Невского. Солидаризируясь с А. А. Шахматовым, И. Б. Греков полагает, что в том же 1381 г. был создан какой-то первоначальный вариант Повести о Куликовской битве.

Таким образом, следует признать, что методы исследования исторического источника И. Б. Грекова представляют несомненный интерес. Столь же убедительно аргументирован историографический раздел книги.

Предпринятая И. Б. Грековым попытка изучения сложных внутренних и внешних явлений и событий в их взаимосвязи, комплексный анализ исторического развития стран Восточной Европы следует признать серьезным достижением нашей исторической науки.

В. В. Мавродин

НОВОЕ О ВЕЛИКОМОРАВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ¹

Великоморавское раннефеодальное государство предков чешского и словацкого народов было одним из важнейших звеньев политической истории Центральной Европы в раннем средневековье. В западноевропейских хрониках IX в., а также в славянских житиях Кирилла и Мефодия имеются сведения главным образом о внешнеполитических связях и распространении христианства в Великой Моравии. Широко развернувшиеся в Чехословакии после 1948 г. археологические исследования позволили осветить быт и материальную культуру великоморавского общества.

Автор рецензируемой монографии Б. Достал — один из руководителей археологической экспедиции кафедры истории философского факультета Университета им. Я. Э. Пуркине в Брно, которая с 1959 г. ведет раскопки на великоморавском городище Поганско вблизи Бржецлава, при слиянии рек Моравы и Дыи. В результате археологических исследований на территории городища и близлежащих селищ (предградий) открыты системы укреплений, ряд могильников, христианский храм, разнообразные жилые, хозяйственные и производственные постройки.

Книга Б. Достала, состоящая из введения, семи глав и заключения, посвящена исследованию очень интересного археологического комплекса — усадьбы великоморавского вельможи, полностью раскопанной в 1959—1965 гг.

Феодальная усадьба подквадратной формы площадью около 1 га, обнаруженная в северо-западной части городища Поганско, была обнесена высоким дубовым час-

токолом и двумя невысокими заборами. Б. Достал выделил два этапа существования укреплений, связанные с постепенным ростом резиденции вельможи. Как подчеркивается в книге, внутренняя планировка двора, т. е. расположение жилых построек и направление оград, на втором этапе практически не изменилась, что свидетельствует о непрерывности жизни на усадьбе.

К сожалению, Б. Достал в книге не затрагивает пока еще окончательно не разрешенный вопрос о соотношении частотола усадьбы с валом всего городища, а также с укреплениями северо-восточного селища. Судя по ранее опубликованному им данным, мощный вал всего городища Поганско, включающий деревянные, каменные и глиняные конструкции, был воздвигнут, скорее всего, в связи с участвовавшими набегами венгров и отрядов германских феодалов в конце IX в., т. е. сразу же после разрушения последнего частотола усадьбы². Вероятно, этот вал можно считать третьим этапом существования укреплений комплекса Поганско.

Заслуживает внимания четкая и хорошо продуманная классификация 128 различного рода сооружений, выявленных как внутри усадьбы, так и за ее пределами. Как правило, дома знати отличались от жилищ простых ремесленников, обслуживавших двор феодала, своими большими размерами, а также более совершенными деталями конструкций. Автор монографии высказывает не лишнее вероятности предположение о том, что отдельные камеры жилого комплекса вель-

¹ B. Dostál. Břeclav-Pohansko IV. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975, 520 s., 148 ill.

² B. Dostál. Velkomoravské hradiště Břeclav-Pohansko. 10 let archeologických výzkumů, 1959—1965. «Věstník moravský», r. XXII, 1970, č. 1, s. 3—4.

можи были соединены в одно целое напо- добие восточнославянских хором, хотя явных следов таких переходов обнару- жить не удалось. Кроме того, на терри- тории усадьбы и за ее пределами исследо- ваны различные хозяйственные построй- ки (клетки, погреба) и мастерские (куз- ница, пекарня и др.).

Среди сооружений сакрального харак- тера наибольший интерес вызывает ка- менное основание однонефного христиан- ского храма с полукруглой апсидой, пост- роенного рядом с дворцом вельможи на месте более древнего языческого святи- лища.

Б. Достал склоняется к мысли о том, что эта церковь, принадлежавшая, безу- словно, вельможе, была основана еще до кириллово-мефодиевской миссии, т. е. до 863 г., однако существуют и другие мнения, согласно которым храм возник позднее, в последней трети IX в. (с. 103). Еще одно языческое святилище, возник- шее уже после разрушения храма в се- редине X в., а также многочисленные языческие черты в великоморавских погребениях на городище и на селище гово- рят в пользу живучести старых языче- ских традиций в среде великоморавского населения. Не случайно и само городище носит название Поганско, т. е. языческое.

Погребальный инвентарь великоморав- ских захоронений у храма и в других местах усадьбы еще раз подчеркивает на- личие значительной имущественной диф- ференциации среди обитателей городища Поганско. Вещевые находки также очень важны для выяснения круга занятий лю- дей, населявших усадьбу.

В усадьбе кроме вельможи и его при- ближенных жили ремесленники, о чем свидетельствуют находки различных ору- дий труда. Ничтожное количество нахо- док земледельческих орудий подтверж- дает несельскохозяйственный характер усадьбы.

По мнению Б. Достала, усадьба вели- коморавского вельможи начала функцио- нировать вместе с древнейшим частоко- лом не ранее 20-х годов IX в. и существо- вала до 80—90-х годов IX в. Поселение наряду с храмом и кладбищем продолжа- ло функционировать и в первой полови- не X в., однако, несомненно, в этот пе- риод оно уже потеряло свое значение в качестве резиденции великоморавского вельможи.

Анализ археологического материала красноречиво говорит о том, что данная усадьба функционировала как резиден- ция великоморавского феодала, его ад- министративно-хозяйственный центр, которому подчинялась близлежащая сель- скохозяйственная округа. Внутри усадь- бы, население которой не занималось ни земледелием, ни скотоводством, храни- лись многочисленные запасы продуктов, скорее всего поступавшие в качестве об- рока от окрестного населения. Усадьба

на городище Поганско, так же как и ра- нее открытые усадьбы у Старого Места, является ярким свидетельством процесса феодализации великоморавского общест- ва.

На основании ряда признаков Б. Дос- тал делает выводы о сходстве усадьбы великоморавского вельможи в Поганско с каролингскими усадьбами-дворами ти- па «curtes», известными по письменным источникам. Однако вряд ли тут имеется налицо прямое заимствование, поскольку такие укрепленные феодальные усадьбы возникали повсеместно в Европе в связи с зарождением феодальной собственности на землю. Можно привести целый ряд аналогий усадьбе Поганско из западно- и восточнославянских земель (Любеч, Любонь, Познань и др.). Прямые франк- ские, а также византийские влияния прос- леживаются скорее в различного рода украшениях, а не в характере построек усадьбы.

Стоит обратить внимание еще на одну функцию комплекса в Поганско, о кото- рой автор рецензируемой книги умалчи- вает. На наш взгляд, существование соб- ственно усадьбы нельзя рассматривать замкнуто, в отрыве от синхронных ей поселений на городище (за ее частоколом) и предградий, находившихся к северо-вос- току и юго-западу от городища. Усадь- ба, а позднее и все городище, играла роль укрепленного детинца, на котором жил вельможа, его семья и дружинники, ду- ховенство, наконец, ремесленники, об- служивающие двор феодала. А селища представляли собой по отношению к горо- дищу-детинцу посад, население которого занималось различными ремеслами, а также земледелием и скотоводством.

Впечатляют и значительные размеры городища — 28 га и предградий — 100 га. Перечисленные выше факты позволяют отнести комплекс в Поганско, особенно в последней фазе его существования, т. е. в последней трети IX в., к торгово-ремес- ленным поселениям городского типа, на- ходившимся на пути превращения в ран- несредневековый город.

Усадьба великоморавского вельможи в Поганско, несомненно, занимавшая важ- ное положение в рамках политической и административной организации велико- моравского государства, — это пока еще единственная полностью исследованная усадьба великоморавской эпохи со всеми присущими ей чертами. Дальнейшие ар- хеологические исследования великомо- равских феодальных центров позволят расширить наши представления о харак- тере складывания феодализма в Великой Моравии.

Несмотря на ряд замечаний, моногра- фия Б. Достала представляет заметный вклад в историографию великоморавско- го государства и заслуживает самой вы- сокой оценки.

В. Б. Перхавко

ТРУДЫ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ КУЛЬТУРЫ

Серия сборников, начавшая выходить в 1971 г. в Варшаве под редакцией доктора Зофии Хехлинской, называется «Очерки о музыкальной культуре XIX в.»¹, однако тематика вышедших томов выходит далеко за пределы «традиционного» музыковедения и свидетельствует о стремлении польских исследователей к комплексному изучению истории отечественной культуры и ее международных связей. Принципы такого изучения были разработаны в трудах недавно скончавшегося выдающегося польского историка культуры академика Юльюша Стажинского, на протяжении многих лет возглавлявшего Институт искусств Польской академии наук, в котором ведется работа по подготовке очередных томов этой серии.

Следует заметить, что эта серия заслуживает самого серьезного внимания не только благодаря передовой методологии, но и обилию материалов, впервые вводимых в научный оборот. Это касается прежде всего тех деятелей польской литературы и музыки, которые, хотя и не достигли уровня величайших представителей польской культуры, но тем не менее сыграли значительную роль в сохранении ее самобытности и развитии. Классические вершины в этих областях культуры были достигнуты, как известно, мастерами, находившимися в эмиграции, — Мицкевичем, Словацким, Шопеном, Красинским, Норвидом. Масштабы этих фигур, естественно, обусловили преимущественное внимание к ним историков культуры, недооценивавших творческий вклад в польскую культуру других ее деятелей.

Напомним в связи с этим, что в капитальном (свыше 20 томов) коллективном труде польских литературоведов, начавшем выходить еще в 1965 г.², дана широкая картина развития литературы — как в стране, так и в эмиграции, причем даже при использовании регионального принципа построения того или иного тома³. Главная редакция (К. Выка, Г. Маркевич, И. Вычаньская) неуклонно стремилась к синтетическому обобщению всего исторического процесса развития польской литературы, привлекая попутно и

материалы из других областей художественной культуры — театра, музыки, живописи, графики.

«Очерки о музыкальной культуре XIX в.» по масштабам издания несопоставимы с этим историко-литературным трудом, но очень близки к нему — прежде всего благодаря стремлению заполнить существенные пробелы в истории польской музыки (в значительной степени на основе архивных разработок!), а также благодаря последовательно проводимой и развиваемой концепции синтетического понимания всего комплекса историко-культурного процесса. Авторы статей, вошедших в рассматриваемые три тома, не ограничиваются творчеством отдельных композиторов, искусством отдельных исполнителей, а пишут и о музыкальной и о театральной жизни страны, о профессиональных и любительских объединениях, о художественном образовании, нередко касаются литературы, издательского дела, изобразительного искусства и даже дают ряд ценных сведений о международных связях польской культуры.

В предисловии к первому тому З. Хехлинская, намечая круг проблем, стоящих перед историками польской культуры, в частности музыкальной, подчеркивает специфичность ее развития в Польше в период утраты ею государственной независимости. Предисловие это является как бы программой, вполне успешно, как нам кажется, осуществляемой в уже вышедших и готовящихся очередных томах серии. Вместе с тем здесь так же, как в статье Э. Дзембовской «О польской национальной школе», говорится о той недооценке славянской музыки, в особенности в доклассический период ее развития, о которой не раз писали такие корифеи музыкальной исторической науки, как академик А. Хибинский в Польше, академик З. Неелды в Чехословакии, а также многие советские ученые.

Статьи Г. Пукинской-Шепетовской («Музыка в Швейцарской долине») и И. Хомик (о варшавской «Лютне») содержат обширнейший материал о музыкальной жизни Варшавы. В первой статье речь идет о репертуаре оркестров, гастролировавших в саду, получившем название «Швейцарской долины», где начиная с 1844 г. выступали формировавшиеся в польской столице симфонические и вокальные ансамбли. Автор приводит данные о драматических спектаклях на сцене «Долины» и о патриотических демонстрациях (в частности, в начале 60-х годов прошлого века) собиравшейся там передовой общечественности. «„Долина“ помимо своих основных функций была на протяжении чуть ли не целого столетия неотъемлемой частью истории Варшавы и ее населения», — приходит к выводу

¹ «Szkice o kulturze muzycznej XIX w.». Pod red. Z. Chechlińskiej. Warszawa, t. 1—1971, t. 2—1973, t. 3—1976.

² «Obraz literatury polskiej». Kraków.

³ Нумерация томов «ОЛР» (таково сокращенное обозначение издания) не является сквозной, а дается отдельно по каждой из шести серий. Так, например, в серии «Literatura krajowa w okresie romantyzmu» первый том в основном посвящен развитию литературы на землях, захваченных Австрией.

автор (с. 105) и приводит затем высказывания Пруса о значении концертов под управлением Зыгмунта Носковского для развития польской культуры.

Работа И. Хомик содержит тщательно собранный материал о деятельности варшавского певческого общества «Лютня» в 1886—1914 гг. Неразрывно связанная с именем основателя и долголетнего руководителя Общества Петра Машиньского (1855—1934), деятельность эта носила патриотический, просветительский характер и приобрела широкий размах благодаря гастролям во многих польских городах. Громадный справочный материал, основанный на периодике и уцелевших документах (многие архивные материалы погибли во время разрушения Варшавы фашистами), впервые с такой полнотой показывает значение варшавской «Лютни» как одного из крупнейших польских просветительских центров.

М. Прокопович в своей работе «Варшавские книгопродавцы и издатели», содержащей большой фактический материал, приводит интересные данные, охватывающие период 1800—1831 гг., тогда как К. Мазур как бы продолжает это исследование, обратившись к периоду между восстаниями 1830—1831 гг. и 1863 г. Говоря об издательской деятельности Юзефа Эльснера (учителя Шопена), М. Прокопович справедливо указывает на ее важное значение для польской музыки (с. 39).

Нельзя не порадоваться тому, что в польской музыкально-исторической науке в начале 70-х годов нашего века произошел перелом, и вряд ли уже кто-либо позволит себе такие пренебрежительные отзывы о творчестве и просветительской деятельности предшественников и старших современников Шопена, которые появлялись в польской печати вплоть до недавнего времени⁴. Пользуясь случаем, отметим громадный фактический материал, собранный в монументальном труде выдающегося торуньского ученого д-ра Стефана Бурхардта «Полонез». Второй том этого труда, потребовавшего десятки лет кропотливой работы, охватывает период 1792—1830 гг.⁵

Второй том «Очерков» содержит еще большее, чем первый, количество материалов, посвященных именно этому периоду, хотя ни один из рецензируемых томов им не ограничивается. Нетрудно заметить, что включение статей о Шопене, о котором, например, Э. Дзембовская пишет в уже названной работе, еще больше подчеркивает связь его творчества и исполнительского мастерства с предыду-

щим периодом развития польской музыкальной культуры, с ее дальнейшими судьбами и воздействием ее на музыкальную культуру Запада, убедительно показанным в работе З. Хехлинской «Шопен и импрессионизм».

Статья «Концертная жизнь в Варшаве (1800—1830)» Г. Пукинской-Шепетовской тематически непосредственно связана с ее работой, опубликованной в предыдущем томе, и содержит обширный фактографический материал, систематизированный в трех дополнениях — в хронологическом указателе концертов, перечне солистов и репертуаре. В эти указатели естественно вписывается имя юного Шопена, а также имена его учителя и сверстников. Выдающийся знаток этой эпохи д-р А. Новак-Романович в своей рецензии на этот том⁶ внесла ряд коррективов в некоторые данные, приводимые в этой статье и указателях. Собранный здесь материал настолько разнообразен и богат, что первая попытка обобщить его неизбежно привела к отдельным неточностям.

Напомним, что разделы Польши и военные потрясения конца XVIII—начала XIX в. тяжело отразились на судьбах польского народа и на некоторое время дезорганизовали жизнь Варшавы, причем, если накануне III раздела в Варшаве насчитывалось 116 тысяч жителей, то в краткий период, начавшийся присоединением города, в результате сговора захватчиков, к Южной Пруссии, количество это снизилось до 65 тысяч человек. Автор новейшей работы о «прусском десятилетии» и освободительном движении в Польше, польский историк д-р Я. Косим⁷, обследовавший польские и немецкие архивы, периодику и другие источники, написал для второго тома «Очерков» интереснейшую статью «Эрнст Теодор Амадей Гофман и Варшавское музыкальное общество», содержание которой выходит далеко за пределы ее заглавия. На широком историко-политическом фоне д-р Косим показал значение разносторонней деятельности великого немецкого писателя-романтика и музыканта для сохранения и развития традиций польской художественной культуры во время этого тяжелого десятилетия.

Во втором томе «Очерков» публикуется монографическая статья А. Лисовской «Кароль Курпиньский как писатель, деятель и музыкальный организатор в Варшаве». В основу этой статьи положена магистерская диссертация автора, собравшего довольно много различных материалов, хотя ценность работы, несомненно, была бы значительно большей, если

⁴ Примеры таких отзывов приведены в работе автора этих строк «Школа Эльснера» (в сб. «Культура и общество в эпоху становления наций». М., 1974).

⁵ S. B u r h a r d t. Polonez. Katalog tematyczny, t. 2. Kraków, 1976.

⁶ «Muzyka», 1974, № 4.

⁷ J. K o s i m. Okupacja pruska i konspiracje rewolucyjne w Warszawie 1796—1806. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976.

бы автор не ограничился только печатными источниками (из архивных материалов Лисовская ссылается только на письмо Людвика Осиньского к Эльснеру, не указывая, впрочем, что письмо это уже давно хорошо известно польским историкам музыки)⁸. Трудно согласиться со вскользь брошенным замечанием автора, что один из крупнейших историков польской музыкальной культуры проф. З. Яхимецкий «недооценил роль Курпиньского в развитии польской культуры» (с. 182), причем упоминается только краткий обзорный очерк Яхимецкого, охватывающий период 1796—1863 гг. и опубликованный в 1930 г., но ничего не говорится ни о том, что в разделе, посвященном Курпиньскому в обобщающем труде Яхимецкого, вышедшем в 1951 г., композитор назван «движущей силой» (motogem) музыкальной жизни Варшавы⁹, ни о том, что именно Яхимецкий впервые опубликовал не раз цитируемый Лисовской «Дневник путешествия 1823 года» Курпиньского в 1911 г., а затем — с подробными комментариями — в 1953 г. В библиографии, приводимой Лисовской, к сожалению, полностью отсутствует литература о Курпиньском на русском языке, даже «Записки» М. И. Глинки, который часто встречался в Варшаве и был дружен со своим польским собратом.

Но все же акценты, сделанные А. Лисовской на различных сторонах деятельности Курпиньского, позволяют считать ее работу интересной и заслуживающей внимания. В полной мере это относится и к завершающей том статье А. Спуза «Традиции Моношюк в Варшавском музыкальном обществе в 1871—1914 гг.». Автор приводит собранные им данные о деятельности общества, в значительной мере почерпнутые из архивных данных, позволивших составить приложенные к статье указатели произведений Моношюк, изданных Обществом и исполнившихся на его музыкальных вечерах и концертах. Весь этот материал важен не только для истории музыкальной культуры, потому что в работе упоминаются различные творческие организации, имена поэтов, данные о развитии польской полиграфии и т. п. Справедливо говорится о большой роли, которую сыграл в музыкальной жизни того времени Ян Карлович, отец знаменитого композитора, — может быть, следовало бы упомянуть в дополнении ко всему сказанному, что именно он собрал оставшиеся в рукописи вокальные произведения Моношюк и издал все посмертные «Домашние песенники». В

статье говорится о приезде Н. Г. Рубинштейна в Варшаву после смерти Моношюк и о концерте, посвященном его памяти. Весь сбор с этого концерта основатель Московской консерватории передал вдове композитора, которая, как установили советские исследователи, в знак признательности подарила ему автограф кантаты «Мадонна» на слова Петрарки. Именно этот автограф был положен впоследствии в основу первого (московского) издания данной кантаты.

Как во втором, так и в третьем томе «Очерков» переплетаются имена мастеров польской и русской музыкальной культуры. В третий том, например, вошли две статьи об Августе Фрейере, о котором до сих пор нет монографического исследования (так же, впрочем, как, например, о Курпиньском, Островском и Зарембском). Обе статьи — С. Ляховича, написавшего биографический очерк об этом выдающемся ученике Эльснера, учителя Моношюк, друга Шопена и Глинки¹⁰, и статья Д. Любецкой о творчестве Фрейера — в значительной степени восполняют этот пробел. Статьи дают достаточно отчетливое представление о различных сторонах деятельности Фрейера как одного из лучших органистов своего времени, педагога, теоретика и композитора.

Наиболее обширной из статей третьего тома является работа К. Моравской «Изучение старой музыки в Польше в XIX столетии». Автор статьи давно занимается проблемами музыкальной историографии, а в этой работе собрал обширный материал о развитии ее в прошлом столетии, указав, что оно характеризуется проявлением интереса к этим проблемам со стороны не только историков, но и композиторов и других деятелей как музыкального искусства, так и литературы. К огромному перечню имен, библиографических сведений и других материалов, содержащихся в этой ценной статье, можно было бы добавить тот факт, что к первому тому собрания сочинений Яна Кохановского, вышедшему в Варшаве в 1884 г. к трехсотлетию со дня его смерти, по инициативе Яна Карловича были приложены некоторые псалмы, переведенные на польский язык Кохановским и положенные на музыку Миколаем Гомул-

⁸ См., например, A. Nowak-Romanowicz. *Józef Elsner*. Kraków, 1957, s. 168.

⁹ Z. Jachimcki, *Muzyka polska w rozwoju historycznym*, t. I, cz. II, Kraków, 1951, s. 161—182.

¹⁰ С. Ляхович тщательно собрал все высказывания Глинки о Фрейере, содержащиеся в «Записках» и письмах (с. 330). Свидетельством дружеских отношений между обоими музыкантами может служить и автограф Глинки, подаренный им Фрейеру, который настолько дорожил им, что даже упомянул в своем завещательном распоряжении. Опубликован впервые уже в наше время (Игорь Бэлза. Варшавский автограф Глинки. «Советская музыка», 1954, № 12).

кой¹¹. Можно выразить попутно пожелание, чтобы в одном из последующих томов «Очерков» нашла место статья о Яне Карловиче как выдающемся деятеле не только лексикографии, но и музыкальной культуры. Таким же разнообразием интересов отличалась и деятельность часто упоминаемого в работе К. Моравской Юзефа Сикорского — критика и публициста, писавшего о музыке, театре и живописи. Автор статьи напоминает о его историографической картотеке, которую, по всей вероятности, широко использовал в своих работах А. Полиньский (с. 45), к сожалению, нигде не сославшийся на этот источник.

Можно порадоваться, что в третьем томе «Очерков», наконец, появилась статья о Яне Клечинском, сведения о котором вплоть до самого последнего времени можно было почерпнуть только в лексикографической литературе. М. Вольна озаглавила свою статью «Ян Клечинский — писатель, педагог, композитор». О размахе музыкальной критической деятель-

ности Клечинского позволяет судить приложенный к статье список его статей, опубликованных в 1867—1895 гг., содержащий 1750 названий. Центральное место в этом списке занимают статьи о Шопене, Моцарто, Носковском и других польских композиторах, но вместе с тем широко охвачен круг русских мастеров (Бородин, Чайковский, Антон Рубинштейн). На примере Листа, Грига, Сметаны, Дворжака прослеживается процесс становления национальных школ, рассматриваются проблемы театрального и концертного репертуара, исполнительского искусства (следует обратить внимание наших историков пианизма на высказывания Клечинского о братьях Рубинштейн и Л. Есиповой). Все это так же, как и подробный список музыкальных произведений Клечинского, создало фактическую основу работы М. Вольной, составившей также хронограф жизни и деятельности Клечинского.

Можно смело сказать, что все три тома «Очерков» содержат ценные статьи и исследования польских авторов, среди которых и опытные ученые и талантливая молодежь. Перечисленные работы восполняют не один пробел в истории польской культуры, комплексное изучение которой приносит весьма существенные результаты во всех областях литературы и искусства.

Игорь Балза

50 ЛЕТ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В Чехословакии вышла книга, посвященная 50-летию Славянской библиотеки в Праге¹. Эта библиотека, несмотря на свою относительно молодость, уже давно снискала себе заслуженное международное признание среди ученых-славистов разных стран и континентов. В этом уникальном учреждении сосредоточено крупнейшее в мире (более полу-миллиона книг) специализированное собрание славянской литературы.

Славянская библиотека начала практически действовать в начале 1925 г., а решение о ее организации было принято в ноябре 1924 г. Оно было связано с тем огромным интересом к прошлому и настоящему славянских народов, который возник повсюду после первой мировой войны и свершения Великой Октябрьской революции.

В какой-то мере созданию специализированной научной библиотеки в Праге способствовал также и традиционный для

ученых Чехии и Словакии интерес к славяноведению, начало которому положили Добровский, Коллар, Шафарик, Челаковский, Юнгман и другие видные культурные деятели эпохи национального возрождения.

Центральное место в книге (с. 73—122) занимает статья доктора Йозефа Стрнадела, вот уже более 20 лет бессменного руководителя библиотеки. В этой статье подробно освещена ее история и деятельность до второй мировой войны и особенно за последние 30 лет².

Первоначально в Славянской библиотеке было сосредоточено около 40 тыс. русских книг, почему она и называлась некоторое время «Русская библиотека Министерства иностранных дел Чехословакии». В 1927 г. было решено создать кроме русского, украинского и белорусского отделений также соответствующие отделения для комплектации книг других славянских народов. С этого вре-

¹ «50 let Slovanské knihovny v Praze». Praha, 1976, 162 s.

² Русское резюме статьи помещено в конце книги (см. с. 157—160).

мени библиотека получила новое название, которое прочно утвердилось за ней, — Славянская. Научно-организационной работой библиотеки руководила специальная книжная комиссия, в которую входили такие известные ученые, как Махал, Нидерле, Зибрт, Поливка, Францев, Мурко и др. О том, как энергично пополнялись книжные фонды библиотеки, можно судить по тому, что в 1925 г. книги приобретались в различных городах 12 стран, в том числе СССР (Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону, Иркутск, Томск, Киев, Харьков). Из каждого пяти приобретенных книг примерно две относились к периоду после 1917 г. В среднем годовой прирост библиотеки в первые пять лет ее существования колебался от 14 до 50 тыс. книг. Наряду с закупкой книг в магазинах, получением их от дарителей, библиотека приобретала и частные книжные собрания (Нидерле, Амфитеатрова, Окунева, Черного, Решетара, Мурко и др.). Крупнейшей целостной покупкой такого рода была оказавшаяся в Риге значительная часть библиотеки А. Ф. Смирдина (более 11 тыс. единиц). К 1930 г. Славянская библиотека имела уже приблизительно около 150 тыс. книг. Они распределялись по следующим отделениям: всеобщее славянское, русское, украинское, белорусское, польское, сербо-хорватское, словенское, сербо-лужицкое, чешское и словацкое, русской литературы XVIII—XIX вв. (Смирдинский фонд), справочной литературы. В основном это были книги по литературоведению, языковедению, истории и художественные произведения славянских писателей. Статья И. Стрнадела содержит подробную характеристику каждого из отделений библиотеки, а также сведения о принятых в ней принципах каталогизации.

Несмотря на то что Славянская библиотека в 20—30-е годы функционировала в буржуазной Чехословакии, она, как отмечает И. Стрнадел, объективно играла прогрессивную роль. Ее читатели имели возможность знакомиться не только с русской историей и классической литературой, но и с трудами Ленина, с новинками советской научной и художественной литературы. Библиотека способствовала популяризации библиографии советских изданий, поддерживала связи со многими советскими научными учреждениями, библиотеками и издательствами. В то же время она активно сотрудничала с Обществом сближения с Новой Россией, позже Обществом культурных и экономических связей с СССР, и с Союзом друзей СССР, редакциями прогрессивных чешских и словацких газет и журналов, деятельности которых помогала как крупнейший в Чехословакии центр информации о жизни первого социалистического государства. В довоенные годы в Славянской библиотеке занимались В. Д. Бонч-

Бруевич, Н. С. Державин и другие советские общественные, культурные и научные деятели. Многие сотрудники библиотеки придерживались передовых взглядов. К их числу принадлежал один из первых членов Общества культурных и экономических связей с СССР доктор Ян Фрчек, казненный гитлеровцами в 1942 г. В Освенциме погиб сотрудник библиотеки Илья Голуб. «Забота о русских и советских фондах, о связи с Советским Союзом, — пишет И. Стрнадел, — всегда была первой заботой работников библиотеки. Поэтому не удивительно, что Славянская библиотека первой из чехословацких библиотек подверглась удару со стороны гитлеровских оккупантов Чехословакии». Практически пользоваться книгами Славянской библиотеки в годы оккупации читатели не могли.

Новый плодотворный период в жизни Славянской библиотеки наступил после освобождения Чехословакии Советской Армией в 1945 г. и вступления страны на путь социалистического развития. Интересно, что первыми читателями Славянской библиотеки после окончания войны были расквартированные в ней советские освободители Праги. За минувшие с тех пор 30 лет библиотекой проделана огромная работа. Ее фонды возросли до 560 тыс. единиц хранения, из которых примерно половину составляют русские и советские издания. Средний ежегодный прирост библиотеки в настоящее время составляет 7 тыс. книг. Особое внимание в истекшие годы было уделено приобретению советских изданий. В этих целях библиотека вступила в широкие деловые контакты не только с центральными советскими научными институтами, издательствами, библиотеками и книготоргующими организациями, но и со многими соответствующими учреждениями Казани, Свердловска, Тулы, Томска, Пятигорска, Горького, Иркутска, Смоленска, Пскова, Воронежа и других городов. Ее фонды пополнялись в последнее время книжными собраниями таких известных ученых-славистов, как А. В. Флоровский, Ю. Доланский, А. Мраз и др.

Значительно возросла международная популярность библиотеки за последние десятилетия. Ее читателями были многие зарубежные ученые, в том числе советские (М. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, В. Т. Пашуто, Б. И. Бурсов, В. С. Кирилук, П. Г. Богатырев и др.). В послевоенные годы развернулась большая работа по пропаганде фондов библиотеки. С этой целью Славянская библиотека организовала ряд книжных выставок, посвященных как творчеству отдельных писателей, так и специальным темам. Эти выставки дополнялись соответствующими их теме лекциями или даже циклами лекций специалистов.

Особого внимания заслуживает получившая в последние десятилетия интен-

сивное развитие библиографическая и издательская деятельность Славянской библиотеки (периодические издания, специализированные библиографии по всем славянским литературам и др.). Нельзя не упомянуть и совместную работу Славянской библиотеки и Института славяноведения и балканистики АН СССР («Чешско-русские и словацко-русские литературные связи (1945—1972). Библиография» (1973).

Кроме библиографических изданий по инициативе Славянской библиотеки был подготовлен и опубликован ряд интересных и ценных научных славистических изданий: три выпуска сборника «Материалы к истории чешско-русских культурных связей» (1965, 1969, 1976), сборник «Сто пятьдесят лет чешско-украинских литературных связей» (1965), книга Б. Догнала о чешских переводах Пушкина «Генезис перевода» (1971) и др. Понимая огромное значение изучения межславянских связей, библиотека стала одним из центров исследовательской работы в этой области.

В книгу входят также статьи И. Вацка «Попытка основания славянской библиотеки в Петрограде в 1818—1833 годах», И. Страдела «Славянские библиотеки Валтазара Богвишча», В. Колари «Славянские фонды Университетской библиотеки в Хельсинки», И. Страдела «Славянская библиотека в Париже», М. Лоренцовой «Попытка основания славянской библиотеки в Лужице», Ф. Вурника «Славянская библиотека в Любляне». Все эти статьи освещают историю развития славистики в Европе и содержат

весьма ценный информационный материал. Для советских читателей особый интерес представляет статья В. Колари, поскольку формирование славянских фондов Университетской библиотеки в Хельсинки долгое время (по существу на протяжении всего XIX в.) было тесно связано с развитием книжного дела в России и со всей русской культурной жизнью.

Книга «50 лет Славянской библиотеки в Праге» сопровождается перечнем основных изданий библиотеки за 1926—1974 гг. (всего около 60 названий), содержит отзывы чехословацких и зарубежных читателей о библиотеке. Сборник представляет значительный интерес не только для ученых-славистов самых разных профилей, но, безусловно, также и для книговедов, библиографов, историков библиотечного дела. Многолетний опыт работы Славянской библиотеки весьма поучителен и ценен. Ее деятельность существенно способствует развитию современного славяноведения.

Начатая Славянской библиотекой работа по ознакомлению научной общественности с историей наиболее значительных специальных славянских библиотек и книжных фондов заслуживает одобрения и признания. Хотелось бы пожелать, чтобы являющаяся частью Государственной библиотеки ЧСР Славянская библиотека, по праву ставшая в наши дни флагманом такого рода специализированных учреждений, продолжила эту нужную и полезную работу.

Л. С. Кишкин

НОВЫЕ АРХИВНО-БИБЛИОТЕЧНЫЕ СПРАВОЧНИКИ

Число архивно-библиотечных справочников по странам Центральной и Юго-Восточной Европы, облегчающих труд специалистов, пока весьма невелико. Тем более отрадно, что на протяжении 1975—1977 гг. появилось несколько справочных изданий, либо целиком относящихся к этой области знания, либо затрагивающих ее в большой мере. Не претендуя ни на исчерпывающую полноту охвата, ни на подробный разбор справочников, попытаемся кратко охарактеризовать некоторые из них, выделяя прежде всего то, что представляет интерес для славяноведа и балканиста.

Издательство «Книга» выпустило в 1976 г. два очень ценных и прекрасно дополняющих друг друга справочника о мемуарных источниках. Первый из них охватывает опубликованные дневники и воспоминания, относящиеся к событиям XV—XVIII вв. в России, касающиеся

внешней политики российского государства, экономических, культурных и иных связей России с народами Центральной и Юго-Восточной Европы. В справочнике учтены некоторые источники по истории Боснии (№ 575), Черногории (№ 528) и других славянских земель, в особенности, польских (в соответствующей рубрике читатель найдет ссылки на многие десятки названий). Он подготовлен квалифицированными библиографами Научной библиотеки МГУ и Библиотеки им. В. И. Ленина; научным редактором тома является П. А. Зайончковский, а научным консультантом разделов, посвященных XV—XVII вв., — А. И. Рогов¹.

Второй справочник посвящен рукописным воспоминаниям и дневникам XVIII—

¹ «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», т. I—XV—XVIII вв. М., 1976.

XX вв., хранящимся в Библиотеке им. В. И. Ленина². В нем читатель найдет довольно подробные аннотации неопубликованных мемуарных источников, в том числе текстов исторического и филологического содержания, относящихся к кругу интересов славяноведов и балканистов. Из указателя видно, в частности, что по меньшей мере 8 из хранящихся в ГБЛ рукописей такого рода посвящено Болгарии, 6 — Венгрии, 6 — Греции, 17 — Румынии, 7 — Сербии, 5 — Чехии и т. д. Много интересных источников есть в справочнике и по истории развития славяноведения и балканистики в нашей стране — в именном указателе тома фигурируют, например, И. А. Бодуэн де Куртене, О. М. Бодянский, И. И. Срезневский и другие ученые, достаточно известные в данной области.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина подготовила аннотированный указатель И. И. Фроловой о разного рода справочных изданиях, касающихся истории зарубежных стран, в том числе европейских³. Соответствующий раздел указателя содержит рубрики: Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, причем в наиболее полной из них — польской рубрике — учтено 27 справочно-энциклопедических изданий. Вместе с появляющимися время от времени статьями аналогичного содержания⁴ указатель существенно облегчает первичную ориентировку в зарубежных справочниках.

Несомненно заслуживает внимания славистов подготовленный М. Г. Булаховым капитальный справочник — биобиблиографический словарь отечественных ученых, занимавшихся научной и педагогической деятельностью в сфере восточнославянского языкознания. Первый том справочника, уже вышедший из печати, охватывает дореволюционный период и включает 309 статей о славистах, связанных с научными учреждениями и учебными заведениями России, Белоруссии и Украины⁵. Статьи содержат краткие биографические сведения, характе-

ристику научной и педагогической деятельности, а также библиографию важнейших трудов ученых и имеющих о них работ. Ценность такого справочника для всех славистов очевидна. Она еще более возрастет после того, как появятся находящиеся в производстве два тома словаря, посвященные советскому периоду.

Далее назовем несколько справочных изданий, касающихся более частной тематики. Издательство «Наука» выпустило первую часть указателя русской литературы, выходящей в Сибири с XVII в. по 1970 г.⁶ Он включает в себя литературоведческие исследования и литературно-критические работы по общим проблемам развития русской литературы Сибири, а также материалы по творчеству отдельных писателей, в том числе — политических ссыльных. Так в указателе учтено несколько десятков работ, посвященных Юрию Крижаничу, в нем фигурируют фамилии польских ссыльных Ш. Токажевского и В. Серошевского, мы находим в нем посвященные польской ссылке работы С. Ф. Ковалля, М. Ю. Тимофеевой и других сибирских историков.

По содержанию с этим указателем в какой-то мере перекликается архивный справочник о тех материалах по движению декабристов, которые хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в Москве⁷. Это единственное в своем роде справочное издание, составленное Л. П. Петровским, охватывает огромную массу ценнейших источников, касающихся многих сотен участников движения декабристов, а также связанных с ними лиц. Среди выходцев из стран Центральной и Юго-Восточной Европы первенствуют участники польского освободительного движения, из которых многие активно сотрудничали с декабристами до 14 декабря 1825 г., а впоследствии разделили их судьбу на каторге, в ссылке, на принудительной военной службе и т. д. К десяткам архивных дел отсылает указатель тех, например, кто интересуется судьбой руководящих деятелей Польского патриотического общества — М. Ворцеля, С. Крыжановского, А. Яблоновского, членов общества «Военных друзей» — М. Рукевича, Л. Вронского, Я. Высоцкого, Ф. Высоцкого или участников Общества соединенных славян — Ю. Люблинского, Т. Жебровского, А. Невенглового, А. Островского и других. В основном материалы ЦГВИА освещают судьбу названных деятелей после 1825 г., но в ар-

² «Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей». Редакция и предисловие С. В. Житомирской. М., 1976.

³ И. И. Фролова. Иностранцы справочники по истории зарубежных стран. Европа, Америка, Австралия. Аннотированный указатель литературы. М., 1976.

⁴ См., в частности, И. А. Калоева. Состояние информации по славяноведению в европейских социалистических странах. «Советское славяноведение», 1975, № 4, с. 84—96.

⁵ М. Г. Булахов. Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. I. Минск, 1976; т. II, ч. 1, 1977.

⁶ «Русская литература Сибири XVII в. — 1970 г. Библиографический указатель», ч. 1, 2. Новосибирск, 1976—1977.

⁷ «Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Вып. 1—3. Под ред. И. Г. Тишина. М., 1975.

хиве немало ценных сведений и о более раннем времени. Указатель Л. П. Петровского — это ключ к новым важным источникам по истории декабризма, в том числе и таким, которые касаются его славянских связей.

Для интересующихся проблематикой литературных отношений и революционного сотрудничества могут многое дать еще три недавно появившихся справочника. Во-первых, это изданная Одесской научной библиотекой им. А. М. Горького библиография литературы о пребывании в Одессе Адама Мицкевича⁸. В ней зарегистрировано 273 позиции, систематизированные в несколько рубрик, например, таких: «Литература об одесском периоде жизни А. Мицкевича», «Одесские издания произведений А. Мицкевича», «Юбилей А. Мицкевича в Одессе». Многие из библиографических позиций снабжены необходимыми аннотациями, а справочник в целом — именованным указателем.

Два справочника изданы на украинском языке и посвящены жизни и творчеству Т. Г. Шевченко. Один из них подготовлен Г. И. Мараховым и включает биографические справки на многих современников Великого Кобзаря⁹. С их помощью Г. И. Марахов, по его словам, стремится охарактеризовать ту общественно-интеллектуальную среду, которая оказывала воздействие на мировоззрение и творчество поэта. Словарь в значительной мере основан на новых или мало известных архивных материалах, иногда

существенно дополняющих или уточняющих имеющиеся сведения о соответствующих лицах, в частности, о поляках: Ю. Белина-Кенджицком, С. Бобровском, А. Венгжинском, М. Домбровском, Б. Залеском и других.

Другой справочник — «Шевченковский словарь» задуман в двух томах. Первый том уже опубликован¹⁰, а второй ожидается в ближайшее время. В подготовке этого справочного издания принимали участие наиболее видные из советских специалистов. Наряду со статьями о персоналиях, фигурирующих в биографиях Т. Г. Шевченко, словарь включает также статьи о каждом из его литературных произведений и живописных полотен, о шевченковедах, писателях и художниках, так или иначе откликнувшихся на шевченковскую тему, о каждой из крупных проблем современного шевченковедения, о выставках, музеях, театральных постановках, кинокартинах и т. д. Важно отметить, что в словаре есть богатый материал о связях творчества Т. Г. Шевченко с общественной жизнью и литературой стран Центральной и Юго-Восточной Европы, примером чего могут служить помещенные в первом томе содержательные статьи, относящиеся к Болгарии и Греции, статья о венгерском шевченковеде И. Молнаре и многие другие.

В заключение еще раз подчеркнем, что настоящая заметка носит чисто информационный характер. Она ни в коей мере не исключает специальных рецензий, которых заслуживают почти все упомянутые справочники.

В. А. Дьяков

⁸ «Мицкевич в Одессе». Указатель отечественной литературы. Ред. Г. Д. Зленко. Одесса, 1976.

⁹ Г. И. Марахов. Т. Г. Шевченко в колі сучасників. Словник персоналій. Київ, 1976; Том второй. Київ, 1977.

¹⁰ «Шевченківський словник». Том первый. Київ, 1976; том второй. Київ, 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1977 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Волков Ю. Е., Гельбух Ф. Н. Опыт реального социализма и его международное значение. Рабочий класс и советский мир, 1977, № 3.

Гибианский Л. Я. Социалистическое строительство в Югославии. «Новая и новейшая история», 1977, № 1.

Гранов В. Идеи социализма и современный мир. Междунар. жизнь, 1977, № 6.

Долгин В. Г. Сущность единства социалистических стран. Вопр. философии, 1977, № 5.

Здоровец И. М. К вопросу о методологической несостоятельности буржуазных, реформистских и ревизионистских теорий развития социалистического общества. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Исаев И. С. Некоторые вопросы системы общественных отношений развитого

социализма. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1977, № 3.

Капустин Е. К., Сергеев А. А., Куликов В. В. Методологические проблемы исследования развитого социализма в политической экономии. Изв. АН СССР. Сер. эконом. 1977, № 3.

Катушев К. Ф. XXV съезд КПСС: за дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества стран социализма. В кн. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1976.

Косолапов В. В. Рабочий класс социалистических стран — главная сила в осуществлении социалистического типа разрывания научно-технической революции. В кн. Научно-техническая революция и мировой революционный процесс. Киев, 1977.

Косолапов В. В., Марахов Г. И. Мировая социалистическая система как главная революционная сила современности. В кн. Научно-техническая революция и мировой революционный процесс. Киев, 1977.

Манусевич А. Я. Польша. В кн. Всемирная история, т. 11. М., 1977.

Манусевич А. Я. Чехословакия. В кн. Всемирная история, т. 11. М., 1977.

Модрижская Е. Два мира — два образа жизни. «Под знаменем ленинизма». Киев, 1977, № 9.

Никитин В. А. Антикоммунизм в идеологии правового социал-демократического реформизма. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1977, № 3.

Олейник И. П. Международные условия развития социалистического общества и строительства коммунизма. В кн. Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

Чубарьян А. О. Становление социалистических международных отношений. В кн. Всемирная история, т. 11, М., 1977.

Шахназаров Г. Характерные черты процесса сближения социалистических стран. Обществ. науки, 1977, № 3.

Шряев Ю. Развитие международного социалистического разделения труда. Обществ. науки, 1977, № 3.

Шмераль Я. Б. Некоторые методологические вопросы стратегии общественного развития при социализме. Рабочий класс и соврем. мир, 1977, № 3.

Янборисов Р. XXV съезд КПСС о дальнейшем укреплении социалистического содружества. «Морской сборник», 1977, № 5.

Яненко В. И. Рост могущества и влияния мира социализма — главное направление общественного прогресса. Вопр. обществ. наук, вып. 32. Киев, 1977.

Ястребов В. И. Возникновение социалистических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. В кн. Политическое развитие зарубежных стран в послевоенный период. М., 1976.

2. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Ашин Г. К. Особенности идеологической борьбы в условиях разрядки международной напряженности. В кн. Критика современных буржуазных социологических и внешнеполитических концепций. М., 1976.

Базылев Л., Войцеховский М. Критика буржуазной историографии, касающейся характера польско-советских отношений. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Баршевский В. Общество польско-советской дружбы — идейно-политические истоки, цели и задачи. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Биляк В. Великий Октябрь — начало нового этапа в развитии пролетарского интернационализма. Вопр. истории КПСС, 1977, № 5.

Богомолова И. Г. Некоторые вопросы советско-польского идеологического сотрудничества. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Василевский М. Д. Братні зв'язки виробничих колективів країн соціалістичної співдружності (1960—1970). Укр. іст. журн., 1977, № 7.

Добросельский М. Сотрудничество между ПНР и СССР в области укрепления единства мировой социалистической системы, упрочения мира во всем мире, обеспечения безопасности в Европе и оказания помощи национально-освободительному движению. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Жуков Е. М. Братская дружба и сотрудничество народов Советского Союза и Польской Народной Республики — воплощение принципов социалистического интернационализма. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Зеебер Е. Внешнеполитическая концепция СССР о демократическом мирном урегулировании в Европе в 1943—1945 гг. Первые двусторонние соглашения СССР с Чехословакией и Польшей. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

Иванов Н., Флорцова А. Путь Октября — путь равенства и братства народов. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1977, № 6.

Кавко А. К. Роль революционных традиций в формировании братского союза СССР — ПНР (1944—1948). В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение

установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

К а т у ш е в К. Ф. Братский союз. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

К л е п а ц к и й Л. Н. Политическое и идеологическое сотрудничество стран социалистического содружества. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1977, № 3.

К о л о д н и к о в а Л. П. Освещение истории советско-чехословацких отношений 1945—1955 гг. в советской литературе и документальных изданиях. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

М а т е е в Б. Болгаро-советское сотрудничество и победа кооперативного строя в Болгарии. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

П е т е р с И. А. Советско-чехословацкое сотрудничество в 1948—1974 гг. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

П р о э к т о р Д. Социализм и международная безопасность. «Коммунист», 1977, № 7.

Х р е н о в И. А. Основные направления советско-польского сотрудничества в послевоенный период. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

Ч у б а р ь я н А. О. Проблемы послевоенного мирного урегулирования в Европе. В кн. Всемирная история, т. 41. М., 1977.

Я н и н А. А. Некоторые вопросы становления и развития советско-чехословацких отношений (1945—1948). В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

А б а л к и н Л. И. Научно-техническая революция и управление экономикой. В кн. Научно-техническая революция и идеологическая борьба. М., 1977.

А д а м о в и ч С. Организация и управление социалистическим промышленным производством в СФРЮ. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. 1. М., 1977.

А л е к с е е в а Н. Развитие системы управления в области внешнеэкономических связей ЧССР. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

А н т о щ у к В. Развитие станкостроения в странах — членах СЭВ. Эконом. Сов. Украины. Киев, 1977, № 5.

А т а н а с о в А. М. Исходные критерии и основные факторы, определяющие уровень последилового обучения и подготовки специалистов в области управления качеством. В кн. Последиловое повышение квалификации специалистов в области управления качеством. М., 1977.

Б а л а ш о в А. С. Формы государственной помощи кооперативным организациям в СССР и других социалистических странах. В кн. Государство и кооперация. Материалы междунар. семинара руководящих работников кооп. организаций развивающихся стран... (ноябрь 1975 г.). М., 1976.

Б е р е з и н В. И. СЭВ и развивающиеся страны. Сотрудничество в области экономики, науки и техники. «Народы Азии и Африки», 1977, № 2.

Б е л о к о н о в П. Н., Е в с т и г н е е в а Ю. Г. Агрехимическое обслуживание села в Чехословакии. Механизация и электрификация соц. сельск. хозва, 1977, № 4.

Б е л ч е в И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области мелиорации и орошаемого земледелия. Междунар. с.-х. журн. М., 1977, № 3.

Б л а ж е к В. Настоящее и будущее железных дорог ЧССР. Ж.-д. транспорт, 1977, № 5.

Б о б р о в В. Я. Международные аспекты экономически развитого социализма. В кн. Экономические проблемы развитого социалистического общества. Киев, 1977.

Б о г о м о л о в О. Т., Барковский А. Н., Семенова Л. С. Основные направления и факторы долгосрочного экономического сотрудничества СССР и ПНР. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. I. М., 1977.

Б о н д а р е н к о Е. Л. Развитие экономического сотрудничества стран — членов СЭВ и научно-техническая революция. В кн. Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Эконом. проблемы. Изд-во МГУ, 1977, с. 249—266.

Б о у д н ы Я. Направления технической политики в сельском хозяйстве Чехословакии в предстоящем периоде. Междунар. с.-х. журн., М., 1977, № 3.

Буздин И., Стыбло В. Итоги сотрудничества в пищевой промышленности стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1977, № 2.

Булгакова И. П. Социалистическая экономическая интеграция стран — членов СЭВ — планомерно регулируемый процесс. Научн. труды Моск. лесотехн. ин-та, вып. 91, 1977.

Бутенко А. П., Пугачев Б. М. Сочетание интернациональных и национальных интересов стран социалистического сотрудничества в процессе социалистической интеграции. В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

Быков А., Воротников В., Сидоров Н. Проблемы управления международными экономическими организациями. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. 1. М., 1977.

Валента Б. Система подготовки и обучения управлению качеством работающих работников машиностроения ЧССР. В кн. Последипломное повышение квалификации специалистов в области управления качеством. М., 1977.

Васильковский А. Координация экономической политики стран — членов СЭВ в рамках Совета. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Велюго И. О некоторых аспектах торгово-экономических отношений ЕЭС с социалистическими странами. В кн. Экономические, политические и социальные аспекты мирового сосуществования на современном этапе. М., 1977.

Глиньски Б. Основные направления совершенствования управления промышленностью Польши. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. 1. М., 1977.

Големинов Ч. Отношения Совета Экономической Взаимопомощи с международными экономическими организациями социалистических стран. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник.) М., 1977.

Горячкина В. И. Метод межстранового анализа для прогнозирования структурных сдвигов в отраслях народного хозяйства стран СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1977, № 3.

Грачева Т. М. О классификации международных экономических организаций. Науч. зап. Ленингр. фин.-эконом. ин-та, вып. 45, 1976.

Грембош Р., Ярош Б. Сотрудничество с братскими странами и развитие материально-технической базы ПНР. В кн. Экономическая интеграция и материально-техническая база стран СЭВ. М., 1977.

Давыдов Д. Планирование и экономическое стимулирование в системе управления народным хозяйством. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. 1. М., 1977.

Демидюк Е. М. Промышленное кооперирование между странами — членами СЭВ и «Общего рынка». В кн. Экономические, политические и социальные аспекты мирового сосуществования на современном этапе. М., 1967.

Дидковский Н. И. Критика буржуазных взглядов на проблемы развития социалистической экономической интеграции. В кн. Некоторые вопросы исследования экономических отношений при социализме и капитализме. Киев, 1977.

Диков Д. Опыт последипломного повышения квалификации по стандартизации, метрологии и качеству в производимом кабинетом по качеству в НРБ. В кн. Последипломное повышение квалификации специалистов в области управления качеством. М., 1977.

Дудинский И. Ленин. Октябрь. Социалистическая интеграция. Хоз-во и право, 1977, № 5.

Евсеев Н. Интернационализация производства — важнейшее условие перехода стран СЭВ к социалистической экономической интеграции. В кн. Актуальные проблемы мировой экономики. Киев, 1976.

Евстигнеев Р. Н. Программы в системе планирования и управления народным хозяйством зарубежных социалистических стран. В кн. Программно-целевые методы в планировании. М., 1977.

Желев Г. Проблемы баланса народного хозяйства в странах — членах СЭВ. В кн. Плановый баланс народного хозяйства. М., 1977.

Зайнчковский Б. Государственное регулирование мелкокредитного производства в ПНР. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического сотрудничества. М., 1977.

Зайфферт В. Внешние связи Совета Экономической Взаимопомощи (правовые вопросы). В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ (Сборник) М., 1977.

Зайцев Г. Пятое заседание Комитета СЭВ по сотрудничеству в области материально-технического снабжения (Москва, декабрь 1976 г.). Материально-техн. снабжение, 1977, № 4.

Заремба Ю. Региональные аспекты в проблемном программировании. В кн. Консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических стран по проблеме «Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов материально-го производства и разработки комплексных программ». Тбилиси, 1977.

Зломанов Л. П. Экономическое сотрудничество СССР с социалистическими странами. В кн. Основы научного

управления социалистическим сельскохозяйственным производством. М., 1977.

Иванов А. И. Методологические проблемы управления. В кн. Проблемы управления социалистическим промышленным производством, т. 1. М., 1977.

Иванов С. З. 150-летие польской сахарной промышленности. Сахарная промышленность, 1977, № 2.

Иоффе А. Е., Жиленко Ю. Н. Становление советско-болгарских экономических отношений (1944—1948). В кн. На путях нерушимой дружбы. Материалы всесоюз. научн. конф. Ист. значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и соц. странами Европы. Москва, 24—25 февр. 1975 г. М., 1977.

Иеничек В. Аграрно-промышленный комплекс Чехословакии к 2000 году. Междунар. с.-х. журн. М., 1977.

Калинов С., Соколов Г. Показатели планирования межотраслевых комплексов и их отражение в народно-хозяйственных планах. В кн. Консультативное совещание специалистов институтов плановых органов социалистических

стран по проблеме «Методы формирования и планирования развития межотраслевых комплексов материального производства и разработки комплексных программ». Тбилиси, 1977.

Качмарек Я. Тридцать лет польско-советского научно-технического сотрудничества. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Кесель В. Развитие принципа заинтересованности в условиях социалистической экономической интеграции. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. М., 1977.

Караев В. П. О некоторых методологических вопросах определения эффективности внешнеэкономических связей. Изв. АН СССР. Эконом., 1977, № 1.

Кириллова Г. Ю. Перспективы дальнейшего развития внешнеторговых связей между социалистическими и развивающимися странами. В кн. Некоторые вопросы исследования экономических отношений при социализме и капитализме. Киев, 1977.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Z pola walki», 1976, № 4

Т. Серодкий. Концепция ППР по вопросу единства рабочего движения в 1942—1948 гг.; Р. Назаревич. Эволюция концепции ППР по вопросу вооруженной борьбы (1942—1944); Н. Коломейчик. ППР и коммунистические и рабочие партии Центральной и Юго-Восточной Европы в народной революции (1944—1948); Ю. Якубовский. Проблемы восстановления Варшавы в деятельности столичной организации ППР (1945—1948).

1977, № 1

К. Гронёвский. Социалистическая польская эмиграция в США (1883—1914); В. Матерский. Польско-советский обмен политических заключенных в 1921—1927 гг.; Л. Яворский. Коммунистическое движение в Западной Германии в 1945—1968 гг.

«Język polski», 1977, № 1

Е. Островская. «Wrzosowiska» Тадеуша Новака; И. Шлесиньский. К интерпретации шестой строфы «Богородицы»; Е. Островская. О словах *wiecz(e)* и *kmieć* в «Богородице 2»; Я. В. Твардик. Трудности издателя старопольских текстов. Дополнение С. Урбаньчика; М. Карплюк. К вопросу

о соответствии *Tworzyjan* — Florian. Дополнение J. S.; И. Жвак. Из исследований о Калепино; А. Журек. Из истории польской фразеологии. 1. *Bić na odlew*. 2. *Zazyć z mańki*. 3. *Sprawić gorącą laźnię*. Дополнение С. Урбаньчика; Е. Бжезинский. Языковые и стилистические особенности ранних идилий и любовных стихов Казимира Бродзинского; Диалектные тексты. 53. М. Бжезинова. Тексты из Сухи Бескидской.

1977, № 2

Ю. Маслянка. Э. Деко (18 III 1926—9 VIII 1976); М. Карась. Надпись в Казимеже Дольном; В. Цоцкевич. Заметки о словообразовании существительных типа *przedbieg*, *przedpole*; А. Авдеев. Механизм редукции и фоническая интерференция; К. Марганьская. Языковые шутки Веспазиана Коховского; Ф. Чижевский. Фонетические различия говоров трех поколений в Ломожах; Э. Бреза. Происхождение фамилии кашубского поэта И. Дердовского; К. Шиманьская. Из истории польских слов. 1. *Wietrzeć*; Б. Крея. Заметки по словообразованию; Диалектные тексты. 53. Г. Пельцова. Тексты из Бенчина.

«Lętopsis», № 24/1

Ф. Фёрстер. Строительство угольных шахт у Шпремберга до 1880 г.;

П. Кунце. Роль сербских студенческих союзов в процессе национального самосознания в первой половине XIX в.; Г. Шмидт. Ограничения правового положения Саксонской области в XIX в.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1977, № 3

Б. Винклер. Ленинизм и международное рабочее движение; М. Карны. Генеральный план «Восток»; К. Нотный. К проблематике формирования группы мануфактурных рабочих в Чешских землях; Й. Яначек. Городские финансы и инвестиции: Прага 1420—1547 гг.

«*Historický časopis*», 1977, № 2

И. Каменец. Историзм в произведениях Л. Новомеского; А. Гачова. Борьба Матей I с Яном Искрой из Брандыса и «братриками» в 1458—1467 гг.; М. Кучера. Об историческом самосознании словаков в средневековье.

«*Slavia*», 1977, № 1

Е. И. Мельников. Записи древнерусских книжных писцов середины XI в.; В. Шаур. *Kup(a)/kopa — kuč(k)a/kočka*.

№ 2

В. Шаур. О мнимом и подлинном заимствованных местоименных наречиях и частицах; В. Полак. Несколько заметок по старославянской этимологии; Р. Гребеничкова. Маха и Новалис; П. Пуха. Три прута Сватошлука — греческие и восточные параллели.

«*Slovo a slovesnost*», 1977, № 1

Д. Вихвегер. Заметки по грамматике текста; концепция текста, ориентированная на предложение, и концепция коммуникативная; К. Горалек. Новые подходы к конфонтации языков; П. Питьха. К описанию предложных конструкций в чешском (предлог *przed*); З. Стары. Стилистическая индифференция.

№ 2

И. Вахек. Замечания к фонологической стилистике разновидностей языка; Е. Коктова. К проблематике номинальной аппозиции; М. Гиршова. Взаимные отношения предлогов и приставок в конструкциях с пространственным значением в чешском языке; Б. Поштолкова. О влиянии специальной терминологии на язык; К. Петрачек. Старочешская любовная лирика и средиземноморская традиция.

«*Slavica slovaca*», 1976, № 3

Ш. Пецяр. Юбилей доц. Э. Секашиновой; К. Иванова. Болгарские эквиваленты словацкой глагольной приставки *pre-*; З. Н. Стрекалова. Аугментативный способ глагольного действия в русском, польском и словацком языках; Э. Кучерова. Глагольно-именные словосочетания с глагольным компонентом «делать»; Я. Горедкий. Сложения типа *bahwrihi*; Э. Горак. Семантическое ядро славянского предлога *o*; М. Сотак. Типологические различия в распределении русских и словацких отглагольных имен существительных; В. Бланар. Изменения словосочетаемости как показатель лексико-семантических изменений; М. О. Маликова. Сложные слова, образуемые лексическими морфемами *одно-, едино-, моно-* в русском и *jedno-, mono-* в словацком; К. Палкович. Словацко-сербохорватские лексические контакты.

1977, № 1

Э. Лотко, Е. Флидрова, Е. Бауэрова. О некоторых аспектах типологического исследования славянских языков; Р. Крайчович. О древнейших параллелизмах в развитии словацкого и восточнославянских языков; Я. Доруля. Из истории словацко-немецких языковых отношений 16—18 вв. (Опыт исследования языка немцев г. Левоча); М. Сотак. Программа исследования словацко-русских языковых контактов; Е. П. Васильева. Лексико-стилистическая характеристика глагольного ядра ввода конструкций с косвенной речью (в сопоставлении с глагольным ядром ввода конструкций с прямой речью); М. Майтавова. Названия подосиновика в говорах чешского и словацкого языков.

«*Slovenská reč*», 1977, № 1

М. Иванова-Шалингова. Управление слов со значением «*быть*» в чешском и словацком языках; С. Ондревич. Акцентуация односложных предлогов в словацком языке; В. Углар. О значении прилагательных *skúpy* и *lakomý*.

№ 2

Э. Паулини. Различительные признаки согласных фонем в литературном словацком языке; Я. Оравец. Собственно противительные сложные предложения; А. Габовштяк. Семантический аспект в лексикологическом исследовании.

Х СЕМИНАР МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

В августе 1977 г. состоялся юбилейный, X, семинар македонского языка, литературы и культуры, организованный университетом им. Кирилла и Мефодия в г. Скопье (СФРЮ) и проходивший под патронатом Исполнительного Совета Собрания СР Македонии, высшего законодательного органа республики, и Македонской академии наук.

Открытие семинара состоялось 5 августа в помещении философского факультета университета в Скопье. Участников (которых в этом году было свыше 140, почти из 90 научных и учебных центров 20 стран) приветствовали директор семинара акад. Б. Видоески, президент Македонской академии наук акад. М. Апостолски, ректор университета проф. Б. Трпеновски и др. Затем с обстоятельными докладами выступили: Б. Попов, Председатель Исполнительного Совета Собрания СРМ (о достижениях СР Македонии в хозяйственной и культурной областях) и акад. Б. Видоески (об инновационных процессах в македонском диалектном языке в новейший период его развития). 6 августа участники семинара посетили Институт македонского языка им. Кр. Мисиркова; его директор, проф. Т. Стаматоски, подробно рассказал о направлениях исследований и важнейших результатах деятельности института (в 1978 г. будет отмечаться 25-я годовщина его основания). С 7 августа Семинар продолжил свою работу в г. Охрид. Занятия по практическому овладению македонским языком проводились в группах трех уровней: курс для начинающих, средний и высший курсы. Кроме того, видные ученые, работники культуры и общественно-политические деятели СР Македонии читали лекции, посвященные актуальным вопросам македонского языка, литературы, истории, культуры, современного положения СР Македонии в составе СФРЮ. Можно упомянуть, например, лекции акад. Б. Конеского («О редукции безударных гласных»), проф. О. Яшар-Настевой («Морфологические инновации в современном македонском языке»), акад. А. Спасова («Течения и тенденции в послевоенной македонской литературе»), проф. К. Пенушлийского («Фольклорная традиция и современное

народное творчество»), доц. Б. Петковского («Современная македонская живопись»), проф. Б. Николовского («Фольклорное творчество как источник вдохновения в музыке»), проф. М. Соколовского («Проблема исламизации народов Югославии в XV и XVI вв.»), проф. К. Богоева («Положение СР Македонии в югославской федерации») и др.

В рамках семинара с 22 по 25 августа состоялась IV научная дискуссия, в которой приняли участие лингвисты и литературоведы ряда стран, как слушатели семинара, так и специально приехавшие на нее специалисты. Работали две секции. В первой, лингвистической, обсуждались три темы. Первая — «Дистрибуция и семантическая интерпретация членных форм в македонском и других языках». В докладах чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкой, акад. Э. Тополинской, проф. Г. Галтона, проф. Ф. Мареша, проф. Б. Корубина, проф. П. Илиевского и др. она рассматривалась в двух аспектах — семантическом (в связи с проблемой категории определенности/неопределенности) и функциональном; кроме того, членные формы анализировались в синхронном и диахроническом планах. По второй теме («Специфические характерные особенности македонской словообразовательной системы в сравнении с другими славянскими и балканскими языками») были прочитаны доклады, в которых изучались различные стороны словообразования македонского и других языков (Р. Гжегорчикова, Р. П. Усикова, В. Помяновская, Б. Марков, Г. Невекловский и др.). Наконец, по третьей теме («Южные македонские говоры в истории славистики и в настоящее время») выступили акад. Д. Брозович, проф. Й. Хамм, проф. С. Урбаньчик, проф. Б. Настев, акад. Б. Видоески, проф. Э. Хэмпи и др.

Тема докладов в литературоведческой секции — «Проблема перевода в художественной литературе». Было заслушано 16 докладов, в них рассматривались не только различные аспекты проблематики художественного перевода, но и особенности творчества некоторых известных македонских поэтов и писателей.

Г. П. Клепикова

CONTENTS

<p><i>Strekalova Z. N.</i> The Post-war scientific contacts between Soviet and Polish Linguists. <i>Kadatsky V. F.</i> Antifascist struggle of Bulgaria's Democratic Forces, may 1934 — may 1936. <i>Manolova M.</i> (Bulgaria). The Reactionary Legislative Acts of the Bulgarian Diet, 1924—1943. <i>Sheptunov I. M.</i> The Liberation of Bulgaria from the Osmanian Yoke in the Folk-Lore. <i>Karasev A. V.</i> The Russian-Serbian Relations in the 1860 s. <i>Matula V.</i> (Czechoslovakia). J. Kollar's and L. Stur's ideas of the slavs and the conceptions of the Slavonic Reciprocity. <i>Sofronova L.</i> Theatre and theatricality in polish and russian culture of the XVII-th the first half of the XVIII-th century. <i>Penkova P.</i> (Denmark). The lexicographical character of the Euchologium Sinaiticum . . . . .</p>	3
---	---

COMMUNICATIONS

<p><i>Pirimkulov Sh. D.</i> Labour activity and social insurance of the polish refugees in the USSR, 1943—1946. <i>Usenko P. G.</i> The new materials on Z. Serakowsky's activity in the 1860 s . . . . .</p>	88
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Migev V.</i> (Bulgaria). В. Д. Мозеров. Совершенствование управления промышленностью в Болгарии. 1944—1968. <i>Mavrodin V. V.</i> I. B. Grekov. Eastern Europe and decay of the Golden Horde (On the verge of the XIV—XV-th centuries). <i>Perhavko V. B.</i> The new facts about the Great Moravian State. <i>Belza I.</i> Works of polish historians of culture. <i>Kishkin L. S.</i> Fifty years of the Slavonic library. <i>Dyakov V. A.</i> The new directories of memoirs sources . . . . .</p>	109
---	-----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the soviet periodicals in 1977 (continued). The contents of foreign periodicals . . . . .</p>	121
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Klepikova G. P.</i> The X-th seminar on the macedonian language, literature and culture . . . . .</p>	127
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синуцына*

Сдано в набор 12/XII-1977 г.	Т-04032	Подписано к печати 20/II-1978 г.	Тираж 1230 экз.
Зак. 3155	Формат бумаги 70×108 ^{1/8}	Усл. печ. л. 11,2	Бум. л. 4
			Уч.-изд. л. 12,7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891